

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИКИ

*Материалы
всероссийской научно-практической конференции*

(Улан-Удэ, 14 мая 2025 г.)

Научный редактор
С. В. Доржиева
канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой ГПиП ИПЭ

Ответственный редактор
Р. А. Балдаева
канд. биол. наук, доц.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2025

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431
А 437

Утверждено
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
Протокол № 4 от 10 июня 2025 г.

Редакционная коллегия

Р. А. Балдаева, канд. биол. наук, доц., **Е. А. Мурзина**, канд. юр. наук, доц.,
Ж. Т. Ламбаев, канд. юр. наук, доц., **М. М. Налетова**, ст. преп.

Рецензенты

О. В. Хышиктуев, канд. юр. наук, доц., *заслуженный юрист РФ*
Е. В. Цыденова, канд. юр. наук, судья Верховного суда РБ

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

А 437 **Актуальные вопросы цивилистики:** материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 14 мая 2025 г.) / научный редактор С. В. Доржиева, ответственный редактор Р. А. Балдаева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2025. — 238 с. ISBN 978-5-9793-1036-7

В сборнике представлены материалы всероссийской научно-практической конференции, проведенной кафедрой гражданского права и процесса Института права и экономики Бурятского государственного университета. Настоящий сборник содержит работы по актуальным проблемам гражданского права, трудового, семейного и других частно-правовых отраслей права, а также гражданского судопроизводства.

Предназначено для научных и педагогических работников, аспирантов, студентов юридических вузов, практических работников, а также всех, кого интересуют актуальные вопросы цивилистики.

Actual questions of civil law: Actual issues of civil law: materials of the annual All-Russian scientific and practical conference (Ulan-Ude, May 14, 2025) / scientific ed. by S. V. Dorzhieva, resp. ed. R. A. Baldaeva. — Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2025. — 238 c. ISBN 978-5-9793-1036-7

The collection presents the materials of the interregional scientific and practical conference held by the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of the Buryat State University. This collection contains works on topical issues of civil law, labor, family and other private law branches of law, as well as civil proceedings.

The collection is intended for researchers and teachers, graduate students, students of law schools and faculties, practitioners, as well as anyone interested in current issues of civil law.

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431

ISBN 978-5-9793-1036-7

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию материалы всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы цивилистики», которая состоялась 14 мая 2025 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова.

В этом году исследования традиционно были посвящены различным отраслям частного права и гражданского судопроизводства, включая такие темы, как «Осуществление имущественных прав супругов при заключении брачного договора: перспективы развития правового регулирования», «Генетические права граждан: современные концепции правового регулирования», «Анализ практики по спорам об отнесении объекта налогообложения к категории «недвижимость», «Стандарты доказывания в российском гражданском процессе: состояние и перспективы развития», «Нормативно-правовое регулирование традиционной медицины в РФ», Трудовое отношение и трудовой договор по новому закону Монголии «О труде», «Правовые аспекты постмортальной репродукции», «Право ребенка на выражение мнения при назначении опекуна и попечителя», «Семья в современном мире», «Семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в период Великой Отечественной войны», «Проблемы доказывания по делам об отчислении обучающегося: отчисление студента за продажу контрольных и вмешательство в процедуру прокторинга» и многие другие.

В работе конференции приняло участие более 70 человек: преподаватели, магистранты, бакалавры и студенты колледжа Бурятского государственного университета, а также преподаватели, соискатели, студенты из «Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева», Поволжского института управления имени П. А. Столыпина (филиал РАНХиГС), «Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управле-

ния», Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии», Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Участники высоко оценили прикладную направленность проведенных мероприятий, дружеский формат общения, возможность поучаствовать в научной и практико-ориентированной дискуссии.

Благодарим всех участников конференции за проявленный интерес, сотрудничество, научную и практическую значимость докладов и статей, которые вносят большой вклад в развитие частного права, а также гражданского судопроизводства.

Доржиева С. В.

*канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой
гражданского права и процесса
Института права и экономики
Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова,
судья в почетной отставке,
заслуженный юрист РБ*

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

АРГУМЕНТАЦИЯ В СУДЕ

© **Бадмаева Светлана Баировна**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sv-cool@yandex.ru

Научный руководитель

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена судебной аргументации, её роли в обосновании правовой позиции стороны и влиянии на выводы суда. Рассматриваются логическая структура аргументов, их правовая обоснованность, допустимые источники и способы убеждения. Описаны типы умозаключений — дедуктивные, индуктивные и аналогические — и способы их использования в процессе рассмотрения дел. Исследовано, как строится аргументация на разных этапах процесса, какие приёмы применяются для усиления убеждения и какие ошибки могут повлиять на исход дела. Продуманная аргументация помогает представить позицию последовательно, убедительно и в соответствии с принципом состязательности и требованиями процессуального закона.

Ключевые слова: аргументация в суде, логика, доказательства, риторика, судебное разбирательство, состязательность, дедукция, индукция, аналогия, правовая позиция.

Аргументация в суде необходима, поскольку с её помощью стороны обосновывают свою правовую позицию, воздействуют на внутреннее убеждение суда и добиваются принятия решения в свою пользу. Она позволяет изложить факты, связать их с нормами зако-

на, устранить логические пробелы и представить позицию как убедительную и законную. От качества аргументации зависит вывод суда по делу при наличии спорных обстоятельств или противоречивых доказательств. Аргументация служит инструментом реализации принципа состязательности и справедливого правосудия.

Цель статьи — раскрыть сущность и специфику аргументации в судебном процессе, направленной на убеждение суда и защиту прав сторон.

Судебная аргументация отличается от других видов правовой аргументации своей процессуальной природой. Она осуществляется в чётко регламентированных условиях судебного разбирательства, адресована конкретному субъекту — суду, и направлена на обоснование позиции по конкретному делу. В отличие от научной или законотворческой аргументации, она опирается на доказательства и конкретные факты, представленные сторонами, и подчинена правилам процессуального закона. Её цель — убедить судью или присяжных в правомерности позиции через логическое, правовое и риторическое обоснование.

Е. В. Брянская рассматривает аргументацию как средство воздействия в состязательном процессе. Аргументация должна соответствовать нормам закона и этике, учитывать особенности восприятия оппонента и судьи. Тактические приёмы используются в рамках закона и направлены на убеждение без манипуляции. Стратегия строится на правовых, логических и речевых основаниях и реализуется через конкретные речевые формы [3, с. 93–95]. А. Ю. Астафьев связывает аргументацию в приговоре с логикой. Приговор должен соответствовать законам непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания. Нарушение логических принципов рассматривается как процессуальная ошибка. Аргументация судьи представляет собой строго структурированное рассуждение, подтверждённое доказательствами [2, с. 272–275]. Н. В. Землякова и Н. Б. Гарбовская трактуют судебную речь как разновидность ораторского искусства. Риторические приёмы, последовательная подача доводов, постановка вопросов, обращение к нравственным ориентирам усиливают убедительность. Эффект достигается за счёт воздействия на слушателей, формирования доверия и эмоционального включения присяжных [5, с. 36]. С. А. Ермоленко и В. Ю. Туранин анализируют сочетание логики и эмоций в защитительной речи. Эффективная защита строится на аргументированной позиции

и способности вызывать сочувствие, особенно в процессе общения с присяжными [4, с. 41]. Примеры судебных выступлений показывают, как сочетание фактов, личных историй и искреннего тона влияет на результат дела.

В судебной аргументации допустимыми источниками считаются нормы закона, правовые позиции Верховного Суда РФ, судебная практика, доктринальные положения, заключения экспертов и показания свидетелей. Применяются риторические и когнитивные средства убеждения. Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ, суд принимает в расчет только те доказательства, которые были исследованы в судебном заседании. В соответствии с ч. 4 ст. 292 УПК РФ, использование недопустимых доказательств запрещено. Закон требует обосновывать достоверность и достаточность доказательств (ст. 297, ч. 1 ст. 88, п. 1 ст. 389.16 УПК РФ).¹ Формальная логика служит основой судебной аргументации. Применение логических принципов требует соблюдения закона непротиворечия, исключённого третьего, достаточного основания и тождества. При нарушении логической стройности в выводах суда приговор признаётся необоснованным, что отражено в ст. 389.16 УПК РФ.² Судебные ошибки, вызванные логическими противоречиями, зафиксированы в практике и приводят к отмене приговора [2, с. 273]. Дедуктивный аргумент опирается на переход от общего правила к частному случаю. Обвинение использует норму права и соотносит её с установленными обстоятельствами, формируя вывод о виновности. Подобный подход характерен для обвинительных речей, опирающихся на правовую норму и факты дела [5, с. 26]. Индуктивный аргумент строится на анализе отдельных фактов. Суд исследует показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства и формирует обобщённый вывод. Такой вывод сохраняет вероятностный характер и требует тщательной проверки [2, с. 274]. Аналогический аргумент основан на сравнении текущей ситуации с ранее рассмотренными делами. Фёдор Никифорович Плевако (1842–1909) — выдающийся российский адвокат — успешно использовал аналогии и моральные категории в защитительных речах. В деле Н. Булах он

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.04.2024). Ст. 389.16 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

² Там же.

обращался к присяжным с вопросом: «Слыхали ли вы, что есть горе и есть страдания, перед которыми смертный час — ничтожный удар, для которых гроб — райская отрада?» — усиливая эмоциональное восприятие аргументации [5, с. 27]. Пётр Александров (1831–1890), юрист и защитник Веры Засулич, применял риторическую и психологическую аргументацию. Он последовательно раскрывал внутреннюю мотивацию подсудимой, представляя её действия как проявление нравственного протеста. Его речь стала классическим примером обращения к морали и общественным ценностям при защите клиента [4, с. 44]. Аргументация в суде строится не только на правовых нормах. Она формируется с учётом логической структуры, особенностей восприятия судей и присяжных. Судебный оратор использует стратегию и тактику убеждения, адаптируя речь под условия конкретного дела [3, с. 94; 3, с. 42].

Аргументация в суде — это система логических, речевых и психологических приёмов. Её цель — убедить суд в правоте одной из сторон. Это не просто изложение фактов, а целенаправленное воздействие через структуру доказательств, правовые нормы и выразительные средства речи. Основой выступает принцип состязательности: каждая сторона стремится обосновать свою позицию через последовательные и обоснованные доводы.

Разные виды судопроизводства предполагают различный подход к аргументации. В гражданском процессе требуется точная юридическая формулировка позиции и строгое соблюдение логики. В уголовном процессе суд формирует внутреннее убеждение на основе комплексной оценки доказательств и речей сторон. В административных делах стороны добиваются пересмотра решений органов власти через чёткие правовые основания и логическую структуру рассуждений. Судебная аргументация строится на фактах, нормах и риторике. Факты служат основой для построения позиции, нормы придают юридическую определённую, а речевые средства усиливают воздействие на суд. Аргументы основываются на законе, судебной практике, выводах экспертов, статистике, авторитетных мнениях. Логика, структура речи и ориентация на аудиторию позволяют юристу сформировать убедительное обоснование и повлиять на исход дела.

Стороны в споре обязаны обосновывать свою позицию, опираясь на допустимые доказательства. Обвинитель формирует обвинение через логическую и риторическую аргументацию, а защитник

стремится опровергнуть доводы, выявляя их противоречия и правовые пробелы [2, с. 94]. Аргументация строится в рамках принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ) с соблюдением требований относимости и допустимости доказательств (ст. 88, ч. 4 ст. 292 УПК РФ)¹. Судья до вынесения приговора действует как арбитр, ограничивая аргументацию сторон, выходящую за пределы закона, в том числе ссылки на недопустимые доказательства. После завершения прений он сам становится субъектом аргументации: мотивировочная часть приговора должна быть логически выверенной, непротиворечивой и соответствовать требованиям достаточности (ст. 297, ст. 305, ст. 389.16 УПК РФ)².

Заключения экспертов обладают высокой доказательственной ценностью. Суд оценивает их как объективную и самостоятельную форму доказательства, способную повлиять на вывод о виновности или невиновности [5, с. 28].

В судебной аргументации применяются три основных типа умозаключений:

- Дедуктивные — выведение частного вывода из общего положения, широко используются при применении норм права к фактам [2, с. 273];
- Индуктивные — построение выводов на основе анализа совокупности частных фактов, характерны для обвинительной позиции [3, с. 96];
- Аналогические — приведение параллелей с иными делами или жизненными ситуациями, нередко используется защитой для усиления логической убедительности [5, с. 29].

Аргументация в суде формируется поэтапно. На стадии подготовки иска или линии защиты определяется основной тезис, осуществляется отбор доказательств, проводится их анализ на предмет допустимости, относимости и достоверности в соответствии со ст. 88 УПК РФ. Аргументы формулируются с учётом цели — убедить суд в правомочности своей позиции, при этом структура подчиняется принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.04.2024). Ст. 389.16 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

² Там же.

Во время предварительного слушания происходит логическое выстраивание позиции, определяется, какие факты следует обосновать, какие — опровергнуть. Особое внимание уделяется расстановке смысловых приоритетов и логическому оформлению речевых конструкций.

На стадии основного судебного разбирательства аргументация реализуется через исследование доказательств. Судья и стороны обязаны соблюдать логику и процессуальные нормы (закон непротиворечия, достаточного основания, исключённого третьего), нарушение которых может повлечь отмену приговора (ст. 297, 389.16 УПК РФ).¹

В прениях сторон аргументация достигает своей наибольшей выразительности. Используются:

- дедуктивный подход — от общего к частному;
- индуктивный подход — от конкретных фактов к обобщению;
- аналогия — сопоставление рассматриваемого случая с другими прецедентами.

При изложении доводов сначала приводятся наиболее сильные аргументы, затем дополнительные, а в заключение повторно акцентируются основные положения (приём Гомера). Аргументация основывается на достоверных доказательствах (ст. 88 УПК РФ) и выразительных приемах (риторические вопросы, образные сравнения, ссылки на авторитетные источники) и адаптируется для эффективного восприятия аудиторией. Аргументация в суде — это не набор фраз, а результат продуманной стратегии. Она требует знания закона, умения логически структурировать речь, учитывать восприятие судьи и присяжных. Нарушение логики, слабая композиция или поверхностность в доказательствах могут свести к нулю даже формально сильную позицию. Всё должно соответствовать требованиям ст. 297, 305, 389.16 УПК РФ².

Судебная аргументация часто содержит типичные логические, фактические и правовые ошибки. Логические ошибки возникают при нарушении основ логики, например, противоречивости аргументов. Суд может признать факт, но не признать его юридическое

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: (в ред. от 01.04.2024). Ст. 389.16 // Сборник законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

² Там же.

значение. Данное противоречие нарушает ч. 4 ст. 292 и п. 1 ст. 389.16 УПК РФ, что становится основанием для отмены приговора. Фактические ошибки возникают при неправильной интерпретации доказательств. Верховный Суд РФ указал на недопустимость ситуаций, когда суд признаёт, что предмет взятки передан, но одновременно утверждает, что обвиняемый с ним не контактировал. Это лишает приговор логической целостности [2, с. 276].

К правовым ошибкам относятся ссылки на доказательства, признанные недопустимыми (п. 9 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), что подрывает обоснованность вывода и нарушает требования ст. 297 УПК РФ [2, с. 274]. Суд проверяет аргументацию сторон через логическую последовательность, юридическую допустимость доводов и непротиворечивость рассуждений. Аргументы, не соответствующие этим критериям, не признаются надлежащими. Приговор должен быть обоснованным, и каждая ссылка на доказательство обязана иметь достаточное основание [2, с. 273]. Качество аргументации зависит от соблюдения логических законов, грамотных тезисов и убедительных доказательств. Речь должна быть логически стройной и ясной, а оратор обязан владеть методами структурирования и последовательного изложения позиции [5, с. 26]. Дедуктивный аргумент представляет собой выведение частного вывода из общей нормы — например, применение нормы УПК РФ к конкретному обстоятельству дела. Индуктивный аргумент строится на обобщении конкретных фактов: свидетельств, заключений экспертов, вещественных доказательств [5, с. 27]. Аналогический аргумент применяется при сравнении рассматриваемого случая с ранее решённым аналогичным делом и построен на принципах аналогии закона или аналогии права [3, с. 95].

Таким образом, аргументация в суде обеспечивает реализацию принципов состязательности, справедливости и законности судебного разбирательства. Она строится на логике, праве и речевой убедительности, помогает стороне обосновать свою позицию и повлиять на вывод суда. Эффективная аргументация требует продуманной структуры, точных формулировок, правильного подбора доказательств и учёта восприятия судьи. Нарушения логики, ссылки на недопустимые доказательства или правовые ошибки снижают убедительность и могут привести к отмене решения. Качество аргументации определяет исход дела и доверие к суду.

Литература

1. Астафьев А. Ю. Приговор в аргументативном дискурсе уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2023. № 4(55). С. 270–281.
2. Брянская Е. В. К вопросу о цели речевой аргументации в процессе доказывания по уголовному делу // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4. С. 92–100.
3. Ермоленко С. А., Туранин В. Ю. Искусство убеждения: как защитительная речь адвоката может изменить исход дела // Юридическая практика. 2025. № 2. С. 40–45.
4. Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б. Аргументация в судебной риторике // Типологические исследования. 2017. № 6. С. 25–32.

ARGUMENTATION IN COURT

Badmaeva S. B.

First-year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
sv-cool@yandex.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article examines judicial argumentation, its role in substantiating a party's legal position, and its influence on court decisions. It analyzes the logical structure of arguments, their legal validity, admissible sources, and persuasive techniques. The study outlines types of reasoning—deductive, inductive, and analogical—and their application in legal proceedings. It explores how argumentation is constructed at different stages of litigation, what techniques are used to strengthen persuasion, and what errors may affect the case outcome. Thoughtful argumentation helps to present a position consistently, convincingly and in accordance with the principle of adversarial proceedings and the requirements of procedural law.

Keywords: argumentation in court, logic, evidence, rhetoric, trial, adversarial proceedings, deduction, induction, analogy, legal position.

ЛИЦЕНЗИОННЫЕ ДОГОВОРЫ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА

© **Борисова Лика Павловна**

студент 3-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
likab6570@gmail.com

© **Климова Алина Александровна**

студент 3-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
alineklimmm333@gmail.com

Научный руководитель

Чмелева Татьяна Анатольевна

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
tshmelewa@mail.ru

В статье анализируются актуальные сложности, с которыми сталкиваются правообладатели цифрового контента при его лицензировании, включая не только трудности контроля за его использованием, но и значительные риски его неправомерного распространения. Рассматриваются теоретические аспекты понятия цифрового контента, а также правовая основа лицензионных договоров. Авторы подчеркивают, что недостаточная юридическая грамотность пользователей относительно последствий нарушений и важности лицензионных условий делает интеллектуальные активы уязвимыми, что подтверждают данными социологического исследования. Также рассматривается проблема широкого распространения нелегальных копий, существенно снижающих ценность оригинальных продуктов. В заключение обосновывается необходимость многоаспектного подхода, направленного на совершенствование правовых механизмов, усиление защиты авторских прав и повышение уровня правовой культуры населения в современном обществе.

Ключевые слова: цифровой контент, лицензионный договор, авторское право, интеллектуальная собственность, лицензиар, лицензиат, лицензия, защита прав, правообладатели, правовая защита.

В современном цифровом обществе, где информация и контент становятся основными ценностями, правовое регулирование их использования становится особенно актуальным. Лицензионные договоры, как важный элемент гражданского права, играют значительную роль в установлении условий для использования контента, находя баланс между правами правообладателей и потребностями пользователей. Эти документы определяют правила доступа к произведениям — будь то музыка, видео, программы, литературные тексты или данные — и устанавливают разрешенные методы их использования. В данной статье будет проведен анализ лицензионного договора на использование цифрового контента, его характеристик, юридических последствий и проблем, которые могут возникать в процессе выполнения условий этих соглашений.

Начать следует с понятия цифрового контента. Под цифровым контентом понимаются данные, созданные и предоставленные в цифровой форме, а также объекты авторских прав, объективизированные в цифровой форме [5].

Всего выделяют 8 видов цифрового контента:

1. Текстовый контент. К нему относится все, что написано текстом, это статьи, электронные книги и т.д.

2. Визуальный контент. В эту категорию контента входят фотографии, иллюстрации, инфографика, презентации и прочие визуально представленные данные.

3. Видеоконтент. Видеоконтентом представлено все от коротких роликов до полнометражных фильмов.

4. Аудиоконтент — это подкасты, аудиокниги, прямые трансляции.

5. Интерактивный контент проявляется в различных опросах, викторинах или играх.

6. Публикации в социальных сетях. Этот вид контента является смешанным, так как совмещает в себе все виды контента, выкладываемые на таких платформах.

7. Пользовательский контент также носит смешанный характер и может быть представлен различными отзывами, комментариями и видеоответами. Его особенность заключается в субъекте выкладываемого контента — это то, что создают обычные люди.

8. Контент для электронного маркетинга: информационные бюллетени и рекламные электронные письма.

Понятие «цифровой контент» включает в себя широкий спектр объектов, регулируемых гражданским правом. Это не только ин-

формация и авторские произведения, но также объекты смежных прав, изображения граждан и информация, затрагивающая честь, достоинство и деловую репутацию.

Главной особенностью цифрового контента является специфика способов его распространения и фиксации. Первое происходит с помощью специальных каналов для эксплуатации с цифровыми устройствами: планшетов, компьютеров, смартфонов и др. второе — в электронной форме. Таким образом, например, литературное произведение, записанное на бумаге, камне, флешке или в компьютере, всё равно является объектом авторского права. Также научная статья, распространенная с помощью бумажного носителя или специальными каналами для эксплуатации с помощью цифровых устройств, не перестает быть произведением науки.

В настоящее время распространено мнение, что, попав в информационное пространство, какое-либо творение получает статус общественного достояния и у пользователя появляется право проводить с ним различные операции, однако это не так. Копипастинг распространен не только среди блогеров-одиночек, но и характерен для многих вполне сформировавшихся СМИ [6]. На фоне появления новых возможностей распространения и преобразования информации это порождает обратную волну — попытки скрыть результаты своего творческого труда от общества, опасаясь, что данная информация может появиться в нежелательном контексте, искажаясь и дискредитируя автора. Кроме того, несанкционированное использование может нанести вполне реальный материальный ущерб. В качестве иллюстрации проблемы защиты авторских прав в цифровой среде можно привести случай с туристической компанией ООО «СТАР ТУР». Разместив на своем сайте восемь фотографий, рекламирующих круиз по Енисею, компания не указала автора снимков и, таким образом, нарушила исключительные права на эти произведения. Правообладатель, ООО «Восьмая заповедь», действующее на основании договора доверительного управления с автором фотографий, обратилось в суд с требованием о компенсации в размере 150 000 рублей.

Суд, рассмотрев представленные доказательства, включающие подтверждение авторских прав и скриншоты сайта ООО «СТАР ТУР» с незаконно размещенными фотографиями, признал факт нарушения. Аргумент ответчика о недоказанности творческого характера фотографий был отклонен. В итоге суд частично удовлетворил иск и

взыскал с ООО «СТАР ТУР» 30 000 рублей. Этот пример подчеркивает обязанность компаний проверять наличие необходимых разрешений перед использованием любых материалов, размещаемых в публичном доступе, чтобы избежать нарушения интеллектуальных прав третьих лиц, так как согласно ст. 1274 ГК РФ, фото можно использовать без разрешения автора в информационных целях с обязательным указанием имени автора и источника заимствования [3].

Поэтому споры вокруг защиты авторских прав не прекращаются с момента появления интернета в массовом использовании до сегодняшнего дня.

Так как цифровой контент выступает в качестве объекта гражданских правоотношений необходимо отметить о таком способе его регулирования, как лицензионные договоры на использование такого рода данных.

Согласно ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ по лицензионному договору одна сторона — обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Здесь лицензиар не передает сам контент, а только разрешает его использование в рамках оговоренных условий. Эти условия должны включать в себя способы, территорию использования предоставленных прав, срок договора, а также размер и порядок выплаты вознаграждения выплаты лицензиару. Лицензионный договор позволяет лицензиару контролировать использование своего цифрового контента, а лицензиату — легально использовать предоставленный контент без нарушения авторских прав.

Договор на использование цифрового контента, являясь лицензионным, отличается от договоров подряда, оказания услуг и купли-продажи. Такая специфика создаёт для потребителей цифрового контента определенные угрозы. Во-первых, это риск получения продукта низкого качества (например, музыкального файла с шумами или фильма без должной озвучки). Во-вторых, недостаток

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

сведений о контенте (например, о совместимости с разными операционными системами или условиях безопасного использования) также представляет проблему. В-третьих, потребитель может столкнуться с неравноправными условиями договора, такими как навязанное согласие на получение рекламы, возможность одностороннего изменения договора правообладателем или беспричинная блокировка учётной записи.

Статья 1236 ГК РФ делит лицензии на неисключительную и исключительную. Неисключительная лицензия позволяет лицензиару предоставлять права на использование объекта интеллектуальной собственности нескольким лицам. В отличие от нее, исключительная лицензия лишает лицензиара возможности предоставлять те же права другим, передавая их исключительно лицензиату. Лицензионные договоры должны заключаться в письменной форме, однако имеются исключения. Например, лицензионные договоры на использование программного обеспечения часто представляются в форме пользовательских соглашений (EULA), которые принимаются пользователем путем нажатия кнопки «Согласен». Такой подход распространен и в сфере лицензирования игр.

Одной из главных проблем при исполнении лицензионного договора является контроль со стороны лицензиара [4]. Исполнение лицензионных договоров регулируется ст. 1237 Гражданского кодекса Российской Федерации. Представление отчетов лицензиатом предусмотрено законом, однако в цифровую эпоху проверка достоверности этих отчетов затруднена. Особенно это касается распространения контента через онлайн-платформы.

Лицензиару сложно получить точные данные о количестве проданных копий, подписок и других параметрах использования своего продукта. Это создает риски нелегального использования интеллектуальной собственности сверх предоставленных прав и других нарушений, делая лицензиара зависимым от добросовестности лицензиата.

Недостаточная правовая защита и контроль в сфере интеллектуальной собственности приводят к значительным финансовым потерям правообладателей из-за пиратства и контрафакта. Российский рынок, к сожалению, насыщен нелегальными копиями музыки, изображений, книг, фильмов, программного обеспечения и т.д. Низкое качество контрафакта часто сочетается с кажущейся дешевизной, что создает у потребителя искаженное представление о стоимо-

сти лицензионного продукта, который он не всегда может отличить от подделки. Эта ситуация существенно затрудняет работу правообладателей, реализующих официальные лицензии, ведь лицензионный продукт по своей природе не может быть дешевым. Нами было проведено небольшое исследование — социальный опрос, в котором приняли участие более 100 респондентов. На его основе мы сделали следующие выводы:

1. 63% опрошенных не знают о последствиях нарушения авторских прав на цифровой контент, что говорит о низком уровне осведомленности населения в данной области.

2. В эпоху цифровизации всего 30% респондентов придают реальное значение лицензионным соглашениям, в которых, как правило, указывается информация, необходимая для правомерного пользования данными ресурсами. В связи с данным фактом можно сделать вывод, что данный интернет-контент является «незащищённым» от посягательств лиц, не изучивших данный вопрос.

Подводя итог, соглашения о лицензировании цифрового контента играют важную роль в определении взаимоотношений между владельцами авторских прав и потребителями в интернет-пространстве. Такой подход способен обеспечить равновесие интересов обеих сторон, защищая интеллектуальную собственность и предоставляя пользователям легальный доступ к цифровому контенту. Тем не менее, опыт показывает, что успешное применение подобных соглашений сталкивается с трудностями, от мониторинга соблюдения условий лицензии до противодействия пиратству и повышения осведомленности пользователей.

Для решения данных проблем необходим комплексный подход, включающий в себя усовершенствование законодательной базы, укрепление контроля за защитой авторских прав в сети и повышение правовой культуры граждан. Необходимо, чтобы пользователи осознавали значимость интеллектуальной собственности и понимали последствия незаконного использования цифрового контента.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

2. Викисловарь: [сетевая энциклопедия]. Викимедиа Фонд, 2023. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/копирастинг>.

3. СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nU8LcqusRXQB/>.
4. Гулак З. С. Лицензионный договор: проблемы правового регулирования // Вестник науки. 2023. № 6(63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/litsenzionnyu-dogovor-problemy-pravovogo-regulirovaniya>.
5. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Отношения доступа к объектам авторских прав, выраженных в цифровой среде // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 9(121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-dostupa-k-obektam-avtorskih-prav-vyrazhennyh-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 21.04.2025).
6. Копипастинг // Викисловарь: [сетевая энциклопедия]. Викимедиа Фонд, 2023. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/копипастинг>.

LICENSE AGREEMENTS FOR THE USE OF DIGITAL CONTENT

Borisova Lika Pavlovna

3rd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
likab6570@gmail.com

Klimova Alina Aleksandrovna

3rd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
alineklimm333@gmail.com

Chmeleva Tatiana Anatolyevna

senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
tschmelewa@mail.ru

The article analyzes the current difficulties faced by copyright holders of digital content when licensing it, including not only difficulties in controlling its use, but also significant risks of its illegal distribution. The theoretical aspects of the concept of digital content, as well as the legal basis of licensing agreements, are considered. The authors emphasize that the lack of legal literacy of users regarding the consequences of violations and the importance of licensing

conditions makes intellectual assets vulnerable, which is confirmed by the data of a sociological study. The problem of widespread distribution of unlicensed copies, which significantly reduce the value of the original products, is also being considered. In conclusion, the author substantiates the need for a multidimensional approach aimed at improving legal mechanisms, strengthening copyright protection and raising the level of legal culture of the population in modern society.

Keywords: digital content, license agreement, copyright, intellectual property, licensor, the licensee, license, protection of rights, copyright holders, legal protection.

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРКАХ

© **Дондукова Ирина Жалсабовна**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
irishka2006-88@mail.ru

© **Налетова Марина Михайловна**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
marina.naletova.68@mail.ru

В данной статье рассмотрим, как гражданское право и налоговое законодательство в Российской Федерации тесно переплетены, их взаимодействие актуально и в контексте выездных налоговых проверок. Налоговыми органами при осуществлении контроля (администрирования) соблюдения налогового законодательства наряду с нормами Налогового кодекса Российской Федерации также применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, раскроем разные ситуации и проблемы, с которыми сталкиваются стороны правоотношений. Рассмотрим примеры применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации при оформлении результатов выездной налоговой проверки, увидим, как тесно переплетены нормы Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации при формировании доказательной базы по установлению налогового правонарушения. В статье рассматриваются случаи применения в спорных ситуациях при наличии пробела в праве толкования норм.

Ключевые слова: выездные налоговые проверки, налоговый контроль, налоговое законодательство, взаимосвязанное толкование норм, различение норм закона, взаимодействие гражданского и налогового законодательства, оспаривание решений налоговых органов, взыскание убытков, договорные отношения, правовое регулирование, специализированные нормы.

На основании ст. 89 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Налоговый кодекс РФ, НК РФ) решением руководителя (заместителем руководителя) налогового органа назначается выезд-

ная налоговая проверка не более, чем за последние три года деятельности налогоплательщика до начала проверки. Проверка проводится на территории проверяемого лица, либо на территории налогового органа при отсутствии у него возможности предоставить место для проверяющих¹.

Предметом проверки является проверка правильности исчисления и своевременности уплаты как одного, так и нескольких налогов. По результатам проверки составляется в установленной форме акт, который подписывается лицами, проводившими проверку (ст. 100 НК РФ). С учетом данного акта, а также иных материалов проверки и поступивших возражений и ходатайств от налогоплательщика руководителем (заместителем руководителя) принимается одно из решений: о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (ст. 101 НК РФ)².

В ходе выездной налоговой проверки для налогового органа наряду с нормами Налогового кодекса РФ также основным нормативным актом является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс РФ, ГК РФ), регулирующий имущественные и личные неимущественные отношения. В связи с этим налоговым органам для администрирования требуются глубокие понимания как налогового законодательства, так и норм гражданского права.

Выездные налоговые проверки являются важным инструментом налогового контроля в Российской Федерации. Они позволяют налоговым органам выявлять нарушения налогового законодательства, обеспечивая соблюдение прав налогоплательщиков. В контексте налогового контроля нормы Гражданского кодекса РФ играют значительную роль, так как они регулируют обязательства и правоотношения, которые могут возникнуть в процессе налоговых проверок.

В практике выездных налоговых проверок нормы Гражданского кодекса РФ применяются в различных ситуациях.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

² Там же.

Налоговыми инспекторами нередко при оценке сделок юридических лиц применяются ст. 153–181 главы 9 «Сделки» ГК РФ. Например, проверяемое лицо с целью занижения налоговой базы предоставляет в налоговый орган пакет документов по понесённым расходам на большую оптовую закупку стройматериалов, при проверке данной сделки выяснилось, что поставщик проверяемого лица является владельцем небольшого розничного магазина в сельской местности и не имел возможности по отгрузке заявленных объемов в документах. Налоговым органом согласно ст. 170, 180 ГК РФ данная сделка признана мнимой, ничтожной, не порождающей правовых последствий, следовательно, оснований для уменьшения налогооблагаемой базы у налогоплательщика не имелось¹.

Для решения вопроса правильного выбора системы налогообложения, налоговыми органами применяются нормы главы 28, 30 ГК РФ «Заключение договора» и «Купля-продажа». Например, проверяемое лицо применило льготную патентную систему налогообложения на услуги, связанные со сбытом продукции (хранение, сортировка, расфасовка, упаковка и транспортировка). По факту проверяемым лицом были заключены типовые договоры на оптовую поставку продукции с организациями и индивидуальными предпринимателями. В заключённых договорах прописаны идентичные существенные условия (предмет договора, порядок поставки, цена товара и порядок расчётов, ответственность сторон, прочие условия), предусмотренные ст. 455 ГК РФ о наименовании товара и ст. 465 ГК РФ о количестве товара. Таким образом, проверяемое лицо фактически занималось оптовой реализацией продукции, а не услугами, указанными в патенте. Налоговый орган согласно нормам ГК РФ, признал деятельность проверяемого лица оптовой и перевёл с патентной системы налогообложения на общую систему.

Такие примеры не единичны.

Приходим к выводу, поскольку Налоговый кодекс РФ не содержит всех необходимых понятий, с которыми налоговые инспекторы сталкиваются на практике, поэтому вынуждены прибегать к Гражданскому кодексу РФ и во взаимосвязи с Налоговым кодексом РФ толковать положения налогового законодательства. Данные методологические проблемы порождают проблемы, связанные с различием

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

нием заинтересованными сторонами действующего закона, толкованием их в свою пользу, что в свою очередь порождает затяжные судебные споры.

Рассмотрим ситуацию на примере. Проверяемая организация является недропользователем и имеет свою лицензию на добычу и производство драгоценных металлов. При этом, одновременно покупает полезные ископаемые у другого недропользователя, который добывает полезные ископаемые по своей лицензии на своём месторождении. Между проверяемой организацией и поставщиком полезных ископаемых заключён договор купли-продажи. В дальнейшем проверяемая организация извлечённые драгоценные металлы из покупных полезных ископаемых продаёт банку и реализацию драгоценных металлов облагает по нулевой ставке НДС в соответствии с пп. 6 п. 1 ст. 164 НК РФ, согласно которой под нулевую ставку подпадает реализация добытых и произведённых драгоценных металлов.

Перед сторонами возник спор о правомерности применения проверяемой организацией нулевой ставки НДС при реализации драгоценных металлов банкам, полученной в результате переработки покупных полезных ископаемых.

Федеральным законом от 27.06.2018 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 164 и 165 части второй Налогового кодекса РФ»¹ в пп. 6 п. 1 ст. 164 НК РФ внесены изменения. Из анализа пояснительной записки к проекту вышеуказанного федерального закона, разъяснений соответствующих органов, арбитражной практики видно, что изменения коснулись только налогоплательщиков, осуществляющих производство драгметаллов из лома и отходов, содержащих драгоценные металлы [3].

В п. 19 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» указано, что в силу подпункта 6 пункта 1 статьи 164 НК РФ налоговой ставкой 0 процентов облагается реализация драгоценных

¹ Федеральный закон от 27.06.2018 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 164 и 165 части второй Налогового кодекса РФ». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

металлов налогоплательщиками, осуществляющими их добычу или производство из лома и отходов, содержащих драгоценные металлы¹.

Из взаимосвязанного толкования данной нормы с положениями статьи 4 Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»² и статьи 9 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»³ следует вывод о том, что указанную ставку налога вправе применять лишь те лица, которые могут быть признаны субъектами добычи и производства драгоценных металлов в соответствии с названным специальным законодательством, то есть прежде всего имеющие лицензию на право пользования участками недр. На иных лиц, принимающих участие в добыче и (или) производстве драгоценных металлов, но не имеющих такой лицензии, положения подпункта б пункта 1 статьи 164 НК РФ не распространяются.

Аналогичная позиция была отражена в Определении Верховного суда РФ от 14.04.2021 № 305-ЭС21-3628. Суд указал: «... общество не участвовало в процессе добычи драгоценных металлов на месторождении поставщика, не принимало участия в первом этапе добычи — извлечении из недр на рассматриваемом месторождении, в связи с чем не имело право на применение пониженной налоговой ставки на основании подпункта б пункта 1 статьи 164 НК РФ» [2].

Налоговый орган пришёл к выводу, если проверяемое лицо покупало полезные ископаемые с высоким содержанием драгоценных металлов (поправки коснулись производства драгоценных металлов из лома и отходов, содержащих драгоценные металлы), то применение нулевой ставки НДС в отношении покупных полезных ископаемых неправомерно.

С этим не согласилась проверяемая коммерческая компания, мотивируя тем, что при реализации драгоценных металлов банку она вправе применять нулевую ставку НДС вне зависимости от источ-

¹Постановление Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

²Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

³Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

ника сырья — добытого собственными силами на собственном участке недр или приобретённого у другого субъекта добычи и производства драгоценных металлов, имеющего соответствующую лицензию.

В настоящее время спор не окончен. Для того, чтобы не возникли подобные ситуации усматриваем необходимость внесения изменений в пп. 6 п. 1 ст. 164 НК РФ с целью уточнения на каких именно налогоплательщиков распространяется данная налоговая льгота.

Таким образом, неопределённость норм действующего законодательства не согласуется с принципами правового государства о том, что законы должны быть сформулированы конкретно и понятно так, чтобы каждому были ясны его права и обязанности. В противном случае противоречия, неточности, неясности норм, неурегулированность правоотношений (пробелы в праве) может приводить к возникновению длительных судебных споров к нарушению прав гражданина, так и уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налогов.

В силу требования определённости правового регулирования, вытекающего из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, механизм его действия, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы, находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений¹. Соответственно, конституционные критерии правомерного регулирования налогообложения, в полной мере распространяющиеся на все структурные элементы налогового обязательства, предполагают определение ясного, понятного, непротиворечивого порядка уплаты налога.²

¹ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 10-П. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2016 г. № 11-П. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

Несмотря на то, что налоговое и гражданское законодательство несовершенно, нельзя сказать, что законодатели бездействуют и проблемы не решаются. Регулярно издаются Федеральные законы с внесением изменений и дополнений в законодательные акты, Минфином РФ публикуются разъяснительные письма рекомендательного характера и другое.

В заключение настоящей темы хочется сказать, что применение норм Гражданского кодекса РФ в выездных налоговых проверках представляет собой важный аспект правоприменительной практики в Российской Федерации. Осознание и правильное применение этих норм могут способствовать более эффективному налоговому контролю и защите прав как налогоплательщиков, так и государства. В связи с этим обращает на себя внимание необходимость знаний гражданского права инспекторам налоговых служб, получения ими юридического образования. Однако это не исключает деятельности законодателя по совершенствованию действующих нормативно-правовых актов. Правоприменители не должны превращаться в «толкователей» закона и применять его по своему усмотрению [1, с. 46]. Важно продолжать исследовать и обсуждать взаимодействие гражданского и налогового законодательства для достижения гармонии в правоприменительной практике.

Литература

1. Беляева О. М. Толкование норм права // Учёные записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149. С. 39–47.
2. Емельянов А. С. Гражданско-правовая квалификация и налогообложение // Юридическая наука и правоохранительная практика. С. 51–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravo-vaya-kvalifikatsiya-i-nalogooblozhenie>.
3. Определение Верховного суда РФ от 14.04.2021 № 305-ЭС21-3628. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).
4. Письмо Минфина РФ от 16.05.2023 № 03-07-05/44145. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

THE APPLICATION OF THE NORMS OF THE CIVIL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ON-SITE TAX AUDITS

Dondukova Irina Zhalsabovna

1st year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
irishka2006-88@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@mail.ru

In this article, we will consider how civil law and tax legislation in the Russian Federation are closely intertwined, their interaction is also relevant in the context of on-site tax audits. When exercising control (administration) over compliance with tax legislation, tax authorities, along with the norms of the Tax Code of the Russian Federation, also apply the norms of the Civil Code of the Russian Federation, we will reveal various situations and problems that parties to legal relations face. We will consider real examples of the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation when formalizing the results of an on-site tax audit, we will see how closely the norms of the Tax Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation are intertwined when forming an evidence base for establishing a tax offense, in addition, in case of gaps in the law, an interconnected interpretation of specialized norms is applied.

Keywords: on-site tax audits, tax control, tax legislation, interrelated interpretation of norms, discrepancies in the interpretation of legal norms, interaction of civil and tax legislation, challenging decisions of tax authorities, recovery of damages, contractual relations, legal regulation, specialized norms.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ АВТОМОБИЛЕЙ
В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ**

© **Карпова Мария Андреевна**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

villymakaron228@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В этой научной работе проводится анализ законодательного регулирования отношений, возникающих при внедрении и использовании новых технологий в транспортной отрасли. Особое внимание уделяется вопросам правового обеспечения и нормативного регулирования, направленным на обеспечение безопасности, эффективности и устойчивого развития транспортной системы в условиях быстрого технологического прогресса. Рассматривается законодательство, регулирующее использование высокоавтоматизированных автомобилей в России, Японии и Сингапуре. Автор отмечает новизну изучаемого в статье вопроса и его актуальность. Отмечается проблема отсутствия единой терминологии при разработке и эксплуатации высокоавтоматизированного транспорта. Выделяются категории, разграничивающие уровень автономности автомобилей. Япония и Сингапур выделяются как страны-лидеры в области внедрения автономных транспортных средств (далее — ВАС). После изучения опыта регулирования применения ВАС в других государствах и в Российской Федерации, стало очевидно, что требуется актуализация отечественного законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: автономные автомобили, высокоавтоматизированные транспортные средства, инновационные транспортные средства, транспортные средства, беспилотные транспортные средства, машины без водителя, нормативная неурегулированность, инновации в сфере транс-

порта, категории автоматизации автомобиля, нормативная база, право, Россия, Япония, Сингапур.

В современном мире научные и технические достижения помогают сделать жизнь людей проще в самых разных сферах, в том числе и в управлении транспортом. Внедрение высокоавтоматизированных транспортных средств в России — это не просто технологический тренд, а стратегическая необходимость, обусловленная комплексом социальных, экономических и правовых факторов. Среди потенциальных преимуществ беспилотного автотранспорта можно выделить: *снижение количества дорожно-транспортных происшествий по причине человеческого фактора*; повышение общей безопасности движения; *оптимизация транспортных потоков и сокращение времени в пути*; возможность обеспечения доступности транспортных услуг в труднодоступных районах; *уменьшение затрат на оплату труда водителей*; повышение эффективности логистических операций; *минимизация усталости и эмоционального напряжения при передвижении*; потенциал для создания новых рабочих мест в сфере разработки и обслуживания беспилотных систем. На данный момент такие страны как Сингапур, Китай, Южная Корея, Япония активно внедряют беспилотные автомобили и являются лидирующими в рейтинге готовности внедрения автономного транспорта. Россия отстаёт от Японии, США (Waymo, Tesla) и Китая (Baidu), но опережает многие страны по темпам внедрения. Российский рынок беспилотных автомобилей является перспективным. Специалисты прогнозируют массовое распространение беспилотных автомобилей в России к 2035 году.

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹. Среди национальных целей развития названы: достижение технологического лидерства и цифровая трансформация. В свою очередь показателями достижения цели «Технологическое лидерство» является «обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по та-

¹Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.05.2025).

ким направлениям как транспортная мобильность (включая автономные транспортные средства)».

Необходимо понимать, что проблема создания и внедрения передовых транспортных средств стоит остро, но законодательство Российской Федерации не успевает за развитием науки и техники. Поэтому требуется разработать правовую основу для эксплуатации транспортных средств с высоким уровнем автоматизации. Это делает вопрос актуальным. Опыт других государств может оказаться ценным при создании и улучшении правовой системы России.

Применение беспилотных транспортных средств осложняется из-за того, что законодательная база не адаптирована под них, есть сложности со страхованием, организацией дорожного движения и обеспечением безопасности. Кроме того, отсутствует единый набор терминов для описания таких автомобилей [7, с. 10].

В правовой сфере отсутствует унифицированное определение данного понятия, вместо этого используется термин «автономные транспортные средства», который включает в себя беспилотные автомобили, транспорт с высокой степенью автоматизации и иные инновационные виды автомобилей. **Автономный транспорт** представляет собой инновационную транспортную систему, функционирующую на основе автономных алгоритмов управления, исключающих необходимость непосредственного участия водителя в процессе движения [6, с. 10]. Степень автономности транспортного средства классифицируется по различным категориям, отражающим уровень самостоятельности и интеграции сенсоров, вычислительных систем и исполнительных механизмов.

Международное общество автомобильных инженеров (SAE) выделяет **6 категорий** автономности (от 0 до 5), но уровень 0 — это обычные машины без автоматизации.

1. Первый уровень (автоматизированная помощь) — Одна система помогает водителю (например, автоматическое торможение). Водитель контролирует все остальные функции.

2. Второй уровень автоматизации (частичная автоматизация) характеризуется способностью системы управлять отдельными функциями, такими как торможение и ускорение. Тем не менее, водитель обязан сохранять постоянную бдительность и готовность к вмешательству в критических ситуациях, что исключает возможность функционирования в режиме автономного управления.

3. Третий уровень автоматизации (условная автоматизация) предполагает, что транспортное средство способно автономно следовать по предварительно заданному маршруту. В этом контексте водитель должен находиться на борту транспортного средства и быть готовым к мгновенному переходу на ручное управление в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

4. Четвёртый уровень автоматизации, который также называют высокой степенью автоматизации, подразумевает, что автомобиль может самостоятельно выполнять большинство функций, связанных с управлением движением. Тем не менее, в некоторых случаях всё же может потребоваться вмешательство человека. Человек может выступать в роли пассажира и не обязан постоянно контролировать процесс вождения.

5. Пятый уровень (полная автоматизация) — беспилотное транспортное средство полностью самостоятельно управляет движением, включая планирование маршрута и принятие решений в сложных ситуациях. Водитель не требуется.

Так, первый, второй и третий уровни требуют контроль автомобиля водителем, на которого возложена ответственность за мониторинг работы системы, он должен быть предельно внимателен и оперативно реагировать на любые отклонения от нормы. В то время как четвёртый и пятый уровень не нуждаются в контроле и являются самоуправляемыми. Высокоавтоматизированные и полностью автоматизированные автомобили четвёртого и пятого уровней не встречаются на дорогах России, но активно тестируются в Москве и Иннополисе [5, с. 10].

Нормы, регламентирующие проведение экспериментов федерального уровня:

Постановление Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры»¹;

¹Постановление Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в

Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации»¹.

На сегодняшний день законодательное регулирование реальной эксплуатации высокоавтоматизированных автомобилей отсутствует, но Министерство транспорта Российской Федерации работает над созданием законопроекта, который будет регулировать использование высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). Планируется, что закон вступит в силу 1 сентября 2025 года.

Ввиду того, что в России законодательство в области регулирования общественных отношений, связанных с использованием беспилотных транспортных средств (БТС), ещё не до конца сформировано, стоит обратиться к опыту других стран.

Япония является одной из лидирующих стран с самой передовой транспортной системой в мире.

На сегодняшний день в государстве сформирована и эффективно функционирует правовая база, которая обеспечивает возможность внедрения транспортных средств, обладающих третьим уровнем автономности. Важной вехой в развитии данной сферы стало принятие в апреле 2022 года соответствующего законопроекта, одобренного верхней палатой японского парламента. Этот нормативный документ закрепил систему лицензирования для операторов, осуществляющих предоставление транспортных услуг с применением беспилотных транспортных средств (БТС), оснащённых

сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.04.2025).

¹Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.05.2025).

четвёртым уровнем автономности. Следует отметить, что именно с 1 апреля 2023 года в Японии официально разрешили использование автомобилей, обладающих данным уровнем автономности и способных совершать перемещения без участия человека. Введение этого регулирования стало важным этапом в развитии технологий автономного транспорта и создании правовой базы для его масштабного использования. Процесс внедрения новых стандартов и правил направлен на создание условий для безопасного и эффективного функционирования самоуправляемых транспортных систем, что, в свою очередь, способствует повышению уровня инновационного развития в транспортной отрасли [2, с. 10].

27 апреля 2022 года был обнародован нормативный правовой акт, вносящий частичные изменения в Закон «О дорожном движении». Указанные изменения вступили в юридическую силу с 1 апреля 2023 года. Корректировки были внесены в текст Закона «О дорожном движении» (Закон № 105 от 1960 года). В связи с этими нововведениями, управление транспортным средством в автоматическом режиме четвёртого уровня автономности теперь именуется «заданным автоматическим управлением»¹.

В случае намерения осуществления автоматизированных операций на уровне 4 требуется предварительное получение разрешения от Комиссии общественной безопасности, осуществляющей контроль над территорией проведения данных операций. Законодательство предусматривает регламентацию процедуры получения разрешения на эксплуатацию автономных транспортных средств, а также возможность его аннулирования или временного приостановления действия.

Дополнительно необходимо выполнение обязанностей, возлагаемых на операторов автоматизированных операций, включая назначение специалиста для дистанционного контроля за предоставлением услуг, настройку оборудования для удалённого мониторинга транспортных средств как внутри, так и снаружи, а также верификацию их местоположения. Кроме того, требуется принятие мер по обеспечению безопасности от киберугроз.

¹昭和三十五年法律第五号道路交通法, 1960 (2022 revised edition). Закон о дорожном движении Японии (Закон № 105 от 1960 г. с изм от 2022 г.). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=335AC0000000105> (дата обращения 14.05.2025).

Высокоавтоматизированное транспортное средство должно быть оборудовано системой автоматического экстренного торможения (АЭТ), которая мгновенно останавливает движение при неисправностях или несоответствии условий эксплуатации нормам. Система работает на основе высокоточных сенсоров и алгоритмов, что позволяет оперативно реагировать на угрозы и снижать риски аварий. Включение АЭТ повышает безопасность на дорогах, особенно в условиях интенсивного движения и сложных дорожных условий [2, с. 10].

Японское законодательство в этой области также определяет ответственность за автоматизированные процессы, действия после их завершения и в случае ДТП, связанных с ними.

В соответствии с частью 2 статьи 116 нормативного правового акта предусмотрена юридическая ответственность за несоблюдение установленных предписаний и требований: «если лицо, управляющее определённой автоматизированной операцией, или лицо, используемое для определённой автоматизированной операции, пренебрегает необходимыми мерами предосторожности в ходе работы или из-за грубой небрежности причиняет вред имуществу другого лица посредством определённой автоматизированной операции, оно наказывается лишением свободы на срок до 1 месяца или штрафом в размере до 100 000 иен».

В соответствии с ч. 3 ст. 117 «нарушение обязанности по принятию мер в случае дорожно-транспортного происшествия назначенным руководителем автоматизированной операции (при отсутствии пострадавших) влечёт за собой лишение свободы на срок до 1 года или штраф в размере до 100 000 иен (ст. 117-5 Закона); нарушение обязанности по принятию мер в случае дорожно-транспортного происшествия назначенным руководителем автоматизированной операции (при наличии пострадавших — в случае смерти лица или причинённых телесных повреждений) — лишение свободы на срок до 5 лет или штраф в размере до 500 000 иен»¹.

¹昭和三十五年法律第五号道路交通法, 1960 (2022 revised edition). Закон о дорожном движении Японии (Закон № 105 от 1960 г. с изм. от 2022 г.). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=335AC0000000105> (дата обращения 14.05.2025).

Анализ показывает, что законодательство Японии в области использования беспилотных транспортных средств (БТС) более развито, чем российское. Опыт Японии может быть полезен для России.

В современном мире Сингапур является одним из лидеров в области беспилотного транспорта. В 2017 году был принят новаторский закон «Правила дорожного движения (автономные автомобили)»¹, а с февраля 2017 года законодательство предусматривает возможность проведения испытаний и эксплуатации беспилотных транспортных средств на специально оборудованных полигонах, а также в условиях дорожного движения [1, с. 10].

Законопроект об автономных транспортных средствах (Autonomous Vehicles Bill), принятый в Сингапуре в 2023 году, представляет собой важный правовой инструмент, регламентирующий процессы тестирования, эксплуатации и установления ответственности за функционирование беспилотных транспортных средств. Данный законодательный акт интегрируется в существующую правовую систему, включая Закон о дорожном движении (Road Traffic Act), и создаёт унифицированную юридическую базу для коммерциализации и практического применения автономного автотранспорта. В частности, закон устанавливает строгие стандарты и процедуры для проверки автономных транспортных средств, что позволяет снизить риски и обеспечить высокий уровень безопасности на дорогах.

Кроме того, закон устанавливает ответственность для производителей, операторов и разработчиков программного обеспечения, что способствует созданию прозрачной и предсказуемой правовой среды для всех участников рынка. Это, в свою очередь, стимулирует развитие инноваций и привлечение инвестиций в сферу автономных транспортных технологий.

Важнейшие из требований к использованию автономного транспортного средства является наличие допуска к дорожному движению (проверка на безопасность ТС), а также нахождение квалифицированного оператора безопасности в БТС. В соответствии с изменениями, внесёнными в Закон о дорожном движении, принятый в 1961 году, БТС теперь официально признаны как транспорт-

¹Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) Rules 2017 [Правила дорожного движения (автономные транспортные средства)]. URL: <https://sso.agc.gov.sg/SL/RTA1961-S464-2017?DocDate=20170823> (дата обращения 14.05.2025).

ные средства, которые могут работать без вмешательства человека в процесс управления ими¹.

В перспективе использование полностью автономных транспортных средств потребует пересмотра и доработки законодательства в области транспорта в России. Необходимо решить вопросы правового регулирования, разработать и внедрить инновационные транспортные средства, а также адаптировать существующую транспортную инфраструктуру для их использования в этих вопросах можно опираться на опыт других стран. Кроме того, нужно определить юридическую ответственность за дорожно-транспортные происшествия с участием таких автомобилей [5, с. 10]. На данный момент понятно, что признание искусственного интеллекта субъектом права невозможно. Это заключение можно сделать, исходя из того, что при возникновении дорожно-транспортного происшествия с участием беспилотного транспортного средства (БТС) ответственность не может быть возложена на само транспортное средство [4, с. 10]. Так, в Калифорнии ответственность за ДТП с участием автономного транспорта категории 0-3 несёт водитель, в четвёртой и пятой категории ответственность ложится на производителя автомобиля, если не доказана вина пешехода или произошло вмешательство других лиц. В Российской Федерации по завершению пилотной эксплуатации ВАТС в экспериментальных правовых режимах планируется принять федеральный закон о высокоавтоматизированных транспортных средствах [6, с. 10].

Литература

1. Абоян А. А., Дремлюга Р. И. Сравнительно-правовое исследование правового режима беспилотных транспортных средств в странах АТР: особенности регулирования в России, Японии, Китае, Сингапуре // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 1. С. 121–140.

2. Ананенко А. О. Юридическая ответственность в области использования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 155–161.

¹Road Traffic Act 1961 (2020 Revised Edition) [Закон о дорожном движении 1961 года (пересмотренное издание 2020 года)]. URL: <https://sso.agc.gov.sg/act/rt1961> (дата обращения 14.05.2025).

3. Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 4. С. 128–154.

4. Капустин А. В., Березовский Ю. А. Вопросы использования искусственного интеллекта при эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств // Современная наука. 2021. № 4. С. 21–24.

5. Румянцев Н. В., Журавлев В. В. Административно-правовое регулирование участия высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении // Вестник экономической безопасности. 2020. №5. С. 196–200.

6. Свищёва И. В., Лапинский М. Н. Беспилотный личный транспорт в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-2. С. 142–145.

7. Сергеев А. М. Понятие и правовой режим инновационных транспортных средств: общетеоретические вопросы // Право и политика. 2024. № 11. С. 93–106.

8. Чупрова А. Ю. К вопросу о правовом регулировании использования транспортных средств с искусственным интеллектом // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С. 183–188.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE USE OF HIGHLY AUTOMATED VEHICLES IN RUSSIA AND OTHER COUNTRIES

Karpova Maria Andreevna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
villymakaron228@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@mail.ru

This scientific paper analyzes the legislative regulation of relations arising from the introduction and use of new technologies in the transport industry. Special

attention is paid to issues of legal support and regulatory regulation aimed at ensuring the safety, efficiency and sustainable development of the transport system in the context of rapid technological progress. Legislation regulating the use of highly automated vehicles in Russia, Japan and Singapore is being considered. The author notes the novelty of the issue studied in the article and its relevance. The problem of the lack of a unified terminology in the development and operation of highly automated vehicles is noted. There are categories that differentiate the level of car autonomy. Japan and Singapore stand out as the leading countries in the field of the introduction of autonomous vehicles (hereinafter referred to as VATS). Based on the analysis of the regulation of the use of WATS in other countries and Russia, the need for a review of domestic legislation has been identified.

Keywords: autonomous cars, highly automated vehicles, innovative vehicles, driverless vehicles, regulatory instability, innovations in the field of transport, levels of vehicle automation, regulatory framework, legislation, Russia, Japan, Singapore. autonomous cars, highly automated vehicles, innovative vehicles, vehicles, unmanned vehicles, driverless cars, regulatory non-regulation, innovations in the field of transport, vehicle automation levels, regulatory framework, law, Russia, Japan, Singapore.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СПОРОВ В СФЕРЕ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

© Корнакова Светлана Александровна

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sveta.kornakova.2002@yandex.ru

Современное общество переживает процессы структурных изменений, которые связаны с цифровизацией общественных отношений. Рост масштабов электронной коммерции приводит к увеличению количества потребительских жалоб, возникающих в связи с покупками товаров в Интернете. Поэтому для государства важным является вопрос оперативной и качественной защиты прав потребителей. В данной статье проводится всесторонний анализ отечественного и зарубежного опыта применения альтернативных практик разрешения споров с участием потребителей на рынке электронной торговли. Рассматриваются существующие инструменты, позволяющие урегулировать конфликты между субъектами рыночных отношений, не прибегая к судебным разбирательствам. Авторами исследуются особенности применения данных механизмов в различных юрисдикциях, их сильные и слабые стороны, оцениваются перспективы интеграции подобных практик в российскую правовую систему, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию существующих инструментов разрешения споров.

Ключевые слова: электронная коммерция, спор, потребители, продавцы, онлайн-урегулирование споров, торговые площадки, альтернативные механизмы, зарубежный опыт, цифровая экономика, досудебный порядок.

По оценкам экспертов аналитического агентства «Data Insight» к концу 2025 года, по сравнению с прошлогодними данными, на рынке электронной коммерции ожидается существенный рост объема продаж (27%), что в абсолютных цифрах составит 16 трлн. рублей для российской экономики [6]. Подобная динамика наблюдается уже на протяжении многих лет не только в нашем государстве, но и во всем мировом сообществе. Вместе с увеличением числа онлайн-покупок наблюдается и увеличение споров между основными

участниками соответствующего сегмента национальной экономики — продавцами и покупателями. В 2023 году Роспотребнадзор получил 69 255 жалоб в сфере онлайн-торговли, что на 43,9% больше, чем в предыдущем году [7]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, всего за 2024 год судами было рассмотрено больше 200 тысяч дел, связанных с защитой прав потребителей [8]. Отечественная судебная система, и без того испытывающая перегрузки, не всегда успевает оперативно защищать и восстанавливать нарушенные права потребителей. Всё это неизбежно приводит к накоплению нерешенных споров и подрыву доверия к институтам правосудия. Поэтому для оптимизации работы судебной системы и повышения уровня правовой защиты интересов всех участников рыночных отношений необходимо внедрение в отечественную практику альтернативных механизмов, которые бы позволили решать конфликты до обращения сторон в суд.

Прежде чем начать изучение любого явления или процесса, необходимо рассмотреть его терминологический аппарат. Так, Севастьянов Г. В. определяет альтернативное разрешение споров как возможность лица выбрать любой законный способ урегулировать конфликт и использовать его в зависимости от обстоятельств конкретной ситуации [5, с. 141]. Дементьев О. М. и Тихонов Е. В. понимают рассматриваемую правовую категорию как методы, используемые в гражданских и других правоотношениях, основанные на обоюдном интересе сторон, законах и здравом смысле, без участия государства [2, с. 4].

В праве зарубежных стран наибольшее распространение получил термин «Alternative Dispute Resolution (ADR)», который был заимствован из американской правовой доктрины. Он включает в себя все процедуры внесудебного разрешения конфликтов, являющихся альтернативными по отношению государственному правосудию [4, с. 14].

На международном уровне действуют технические комментарии к процедуре онлайн-урегулирования споров, разработкой которых занималась ЮНСИТРАЛ¹. Данный документ содержит описатель-

¹ Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2017 г. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf. (дата обращения: 08.05.2025).

ный анализ, системное изложение ключевых аспектов онлайн-процедур рассмотрения спорных ситуаций. Его положения не обладают обязательной юридической природой и носят рекомендательный характер.

В рамках российского законодательства регламентируется «процедура досудебного урегулирования». В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18, это совокупность принимаемых сторонами спора действий, которые принимаются самостоятельно, до обращения в судебные инстанции¹. Такие действия включают в себя переговорный процесс, направление претензий, привлечение специалистов (медиаторов), обращение к компетентным органам государственной власти для урегулирования спора в административном порядке.

Анализ законодательства, регулирующего данную сферу, позволил выявить некоторые проблемы, которые препятствуют распространению в нашей стране альтернативных способов решения потребительских споров. Главная из них — это отсутствие обязанности потребителей в случае возникновения спорных ситуаций обращаться к продавцу напрямую. Однако Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» допускает установление такой обязанности в отдельных сферах, в которых участвуют потребители². Поскольку специальный закон «Об электронной торговле», который бы мог закреплять такую обязанность, в России до настоящего времени не принят, говорить о решении данной проблемы не приходится. Это несоответствие в законодательстве разнится с общепринятой практикой применения альтернативных способов урегулирования споров, не связанных с судебным разбирательством. Подобное положение дел указывает на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Между тем попытки исправить это предпринимались. В марте 2021 года Правительство РФ представило в Государственную Думу

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета, 02.07.2021. № 144.

² Закон РФ от 07.02.1992 (ред. от 08.08.2024) № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 07.04.1992.

РФ законопроект, направленный на оптимизацию механизмов альтернативного урегулирования споров в секторе электронной коммерции¹. Документ предполагает формирование и интеграцию инфраструктуры для урегулирования споров в режиме «онлайн». На текущий момент законопроект проходит процедуру рассмотрения во втором чтении.

В России большинство современных площадок электронной коммерции предоставляют пользователям возможность непосредственного взаимодействия с продавцами. Необходимо отметить, что в этом вопросе важное место отводится институту репутации. Данный институт оказывает значительное влияние на поведение продавцов, поскольку их рейтинг напрямую связан с объемом продаж и прибылью компании. Пользователи могут оценивать не только качество товаров, представленных на платформах, но и организацию деятельности самих торговых площадок. Потенциальные покупатели учитывают эти оценки при принятии решений о совершении покупок.

Для более подробного изучения данной темы необходимо рассмотреть зарубежную практику внедрения онлайн-разрешения споров, а также отдельные частные инициативы, которые реализуются площадками электронной коммерции.

В КНР компания «Alibaba» разработала и обнародовала внутренние правила, детально устанавливающие процедурные особенности разрешения потребительских споров в режиме «онлайн». Таких документа три: «Регламент Таобао», «Регламент Таобао по урегулированию внутренних споров», «Регламент Tmall по разрешению международных споров». Указанные правила размещены на официальном сайте организации в редакции от 2019 года, находятся в свободном доступе, поэтому ознакомиться с их содержанием может любой желающий.

В соответствии с данными документами, существует 4 способа разрешить спор:

¹ Законопроект № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (дата обращения: 08.05.2025).

а) переговорный процесс;

б) обращение в Службу поддержки потребителей Taobao. В этом процессе участвует третья сторона — представитель платформы электронной коммерции. В отличие от процедуры медиации, представитель не имеет статус «нейтральной стороны», поскольку его интересы связаны с минимизацией репутационных рисков. Поэтому, как и при переговорах, решения могут быть продиктованы стремлением сохранить репутацию.

в) система общественного контроля. В данном механизме стороны представляют свои аргументы на специальном форуме. Комиссия, состоящая из 31 эксперта, действующих на общественных началах, анализирует представленные доказательства. Решения принимаются простым большинством голосов.

Отсутствие вознаграждения для экспертов отличает рассматриваемую платформу от аналогичных платформ, действующих на территории Европы, например «Kleros» (Франция).

г) онлайн-отчет [3, с. 124].

Далее рассмотрим альтернативный метод разрешения споров в электронной коммерции — использование системы онлайн-урегулирования споров. Такие системы используют синхронные и асинхронные методы взаимодействия. Синхронная связь подразумевает постоянное взаимодействие между участниками спора и посредниками посредством видеоконференции или чатов. Асинхронная связь характеризуется периодическим обменом информацией, например, через электронную почту. В России данный правовой механизм находится на стадии становления.

Особое место в данном вопросе занимает политика, реализуемая онлайн-платформами при разрешении споров. Сложности могут возникнуть в случаях, когда платформа одновременно выступает и в роли продавца, и агрегатора информации о товарах. Данная проблема может быть решена при помощи разработки эффективных мер по предотвращению конфликта интересов между продавцом и оператором платформы в ситуациях, когда у стороны эти статусы совпадают.

С начала 2021 года на территории Казахстана действует Единая информационная система, специально разработанная для обеспечения защиты прав потребителей. Данная система представляет собой инновационный механизм, направленный на оперативное и эффективное разрешение жалоб и обращений потребителей. В рамках си-

стемы потребители наделены правом на внесудебное урегулирование споров с предпринимателями посредством подачи обращения на специальный интернет-портал, что сокращает, а в некоторых случаях, полностью устраняет необходимость обращения в уполномоченные органы для разрешения спорных ситуаций.

Больших успехов во внедрении технологий ODR (онлайн-разрешение споров) для разных категорий гражданских дел добилась Индия. В Платформе политики ODR для Индии указанная категория раскрывается следующим образом: «использование технологий для урегулирования конфликтов, включая видеоконференции и цифровую передачу документов» [1, с. 895]. В Индии функционирует механизм онлайн-мониторинга обращений, «единый интерфейс», позволяющий автоматизировать процессы подачи и рассмотрения обращений потребителей, обеспечивать систематизацию и подробный анализ причин обращений, а также динамику и эффективность их рассмотрения. В рамках данной инициативы Правительство Индии разработало специализированный веб-ресурс, получивший название «Национальная горячая линия для потребителей». Указанный портал не только предоставляет потребителям доступ к актуальной информации и рекомендациям, но и служит платформой для подачи жалоб, которые в последующем направляются на онлайн-платформу по разрешению потребительских споров.

Для повышения уровня безопасности и справедливости электронной коммерции, в Европе был реализован проект по созданию и внедрению Европейской платформы онлайн-разрешения споров. В странах Латинской Америки, в частности, в Бразилии при Национальном секретариате по вопросам защиты прав потребителей функционирует согласительная «онлайн-система».

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Рассмотренный опыт по разработке национальных онлайн-платформ для урегулирования споров в зарубежных государствах демонстрирует их востребованность как необходимых сегментов для повышения уровня защиты прав граждан. На наш взгляд, практика Казахстана, где помимо процедуры медиации, был создан особый субъект досудебного урегулирования потребительского спора, который совместно с органами власти участвует в реализации государственной политики разрешения споров, является наиболее перспективной. С учетом соответствия национальным правовым традициям, уровня правовой культуры населения и раз-

вития судебной практики в той или иной стране она вполне может реализована в рамках национальных правовых систем.

В завершении хотелось бы обратить внимание на следующий вопрос. Российское законодательство предоставляет потребителям финансовых услуг и предпринимателям расширенные возможности защиты прав. Это возможно благодаря существованию институтов финансового уполномоченного и уполномоченного по правам предпринимателей. На наш взгляд, введение аналогичного института для разрешения потребительских споров, в том числе возникающих в сфере дистанционной торговли, может оказаться важным шагом для повышения уровня доверия потребителей к онлайн-торговле.

Таким образом, внедрение в отечественную практику предложенных правовых механизмов будет способствовать оптимизации процессов разрешения возникающих споров на досудебной стадии, а также стимулировать динамичное развитие электронной коммерции в России. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению базы для электронного торгового оборота и являться важным фактором для интеграции России в глобальное экономическое пространство.

Литература

1. Гроник И. А. Природа онлайн-разрешения гражданско-правовых споров в современной Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 892–905.

2. Дементьев О. М., Тихонова Е. В. Альтернативное разрешение споров: краткий аналитический очерк. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2010. 196 с.

3. Ермакова Е. П. Онлайн-разрешение споров на китайской платформе электронной торговли «Таобао» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 3. С. 118–141.

4. Котлярова В. В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России: учебное пособие / под редакцией А. В. Юдина. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2021. 104 с.

5. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров: понятие и общие признаки // Третейский суд. 2006. № 2(44). С. 138–149.

6. Data Insight: Объем рынка e-commerce в России в 2025 году составит 16 трлн рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7566981> (дата обращения: 08.05.2025).

7. Количество обращений, поступивших в территориальные органы Роспотребнадзора за 2023 год. URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/b9c/drwsqj910f3ye67b93b37mi1t4jmerz/GD-ZPP.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

8. Данные судебной статистики за 2024 год. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod_vse_sudy_2024.xls. (дата обращения: 08.05.2025).

ALTERNATIVE MECHANISMS FOR RESOLVING CONSUMER DISPUTES IN THE FIELD OF ONLINE TRADE: NATIONAL AND FOREIGN EXPERIENCE

Kornakova Svetlana Alexandrovna

1st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
sveta.kornakova.2002@yandex.ru

Modern society is experiencing processes of structural changes that are associated with the digitalization of public relations. The growth of e-commerce leads to an increase in the number of consumer complaints arising in connection with online purchases. Therefore, the issue of prompt and high-quality protection of consumer rights is important for the state. This article provides a comprehensive analysis of domestic and foreign experience in applying alternative dispute resolution practices involving consumers in the e-commerce market. The existing tools that allow conflicts between market participants to be resolved without resorting to litigation are considered. The authors examine the specifics of applying these mechanisms in various jurisdictions, their advantages and disadvantages, assess the prospects for integrating such practices into the Russian legal system, and offer recommendations for improving existing dispute resolution tools.

Keywords: e-commerce, dispute, consumers, sellers, online dispute resolution, trading platforms, alternative mechanisms, foreign experience, digital economy, pre-trial procedure.

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© Лозовская Светлана Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

softtea@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы состояния стандартов доказывания в современном праве России. На основе анализа существующей литературы и судебной практики автор приходит к выводу о наличии существенных различий в содержании понятия «стандарт доказывания» в России и за рубежом. Автор выдвигает тезис об отсутствии необходимости законодательного закрепления понятия «стандарт доказывания» и о неизбежности его дальнейшего развития в судебной практике.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательство, бремя доказывания, стандарт доказывания, «баланс вероятностей», «вне разумных сомнений».

Вопрос о стандартах доказывания в последнее десятилетие все чаще возникает в поле правовых дискуссий. Хотя процессуальное законодательство не использует это понятие, к обсуждению связанной с ними проблематики обращались такие авторы как И. В. Решетникова [13], А. Г. Карапетов, А. С. Косарев [12], С. Л. Будылин [10, 11], А. А. Смола [14] и многие другие. Вместе с этим невозможно не заметить, насколько часто стали упоминать стандарты доказывания различные суды, от Верховного Суда РФ до мировых судей [2, 5, 8].

При этом смысл, который вкладывается в это выражение, может быть совершенно разным. Например, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.12.2018 № Ф03-5590/2018 упоминается повышенный стандарт доказывания в смысле обязанности суда проводить более тщательную проверку обоснованности требований, относительно которых кредитором в деле о банкротстве сделано заявление о включении их в реестр требований кредиторов в сравнении с «обычным общеисковым гражданским процес-

сом» [4]. А Лабытнангский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа в решении по делу № 2а-1452/2024, сославшись на «действующий стандарт доказывания», никак не пояснил, где и каким образом он установлены и в чем именно заключается. Далее, переходя собственно к оценке доказательств, суд воспроизвел привычные положения КАС РФ, указав, что «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в административном деле доказательств. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимосвязь доказательств в их совокупности. Доказательство признается судом достоверным, если в результате его проверки и исследования суд придет к выводу, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности» [4]. Кантемировский районный суд Воронежской области, рассматривая дело, связанное с вопросами привлечения работника к полной материально ответственности, со ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» пришел к выводу, что истец, доказывая наличие оснований для привлечения работника к материальной ответственности, должен представить доказательства, которые свидетельствовали бы о противоправности повеления ответчика, причинения им ущерба истцу и причинной связи между поведением ответчика и ущербом, исходя из повышенного стандарта доказывания[7].

Как видно из приведенных фрагментов судебных актов, в качестве содержания стандартов доказывания понимаются совершенно разные явления — это и перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, и требуемый набор доказательств, и условие перехода обязанности по доказыванию на процессуального оппонента. Кроме того, адресатами стандартов доказывания оказываются как собственно суд, так и стороны по делу.

Между тем, в англосаксонской правовой системе, откуда и произошли стандарты доказывания, их содержание исчерпывается одним — они представляют собой критерий достаточности доказательств для того, чтобы признать факт установленным в целях судебного разбирательства. Иными словами, это тот уровень уверенности судьи в истинности устанавливаемого факта, который дает

возможность считать обязанность по доказыванию выполненной. Полагаем, что коль скоро российская судебная практика и, отчасти, доктрина обратили свое внимание на стандарты доказывания, не следует использовать сложившиеся в зарубежной юриспруденции категории, наполняя их иным смыслом, то есть писать о стандартах доказывания, подразумевая предмет доказывания, правила распределения бремени доказывания, критерии оценки доказательств etc. По этой причине в данном тексте под стандартами доказывания имеется в виду именно то содержание, которое свойственно им изначально.

Поскольку судьям в странах англосаксонской правовой системы, с учетом того, что большинство дел рассматривается судом присяжных, постоянно приходилось разъяснять присяжным, как и на основании чего они должны устанавливать факты и принимать решения, теория и практика стандартов доказывания составляют там существенный и значимый элемент правового ландшафта.

Собственно, основных стандартов доказывания два — так называемый стандарт «beyond a reasonable doubt» или «вне разумных сомнений» и «balance of probabilities», то есть, «баланс вероятностей». Первый применяется в уголовном процессе и означает, что совокупность представленных стороной обвинения (не опровергнутых защитой) доказательств вины подсудимого должна быть такова, что единственной разумной «историей», объясняющих их наличие и происхождение, будет именно та, которую предлагает обвинение. Любые «разумные» (или «обоснованные») сомнения в истинности версии обвинения должны приводить к оправданию подсудимого. Столь высокий стандарт объясняется исключительно высокой ценой судебной ошибки в уголовном деле, которой является жизнь человека.

Второй «основной» стандарт доказывания, «баланс вероятностей», характерен именно для гражданского процесса. В соответствии с ним версия одной из сторон должна быть более вероятна, чем версия ее процессуального оппонента. Это гораздо более мягкий стандарт, допускающий более высокий уровень сомнений, его использование, очевидно, связано с тем, что вопрос ошибки при рассмотрении гражданских дел — это, прежде всего, вопрос денег. На первый взгляд может казаться недопустимым наличие сомнений у суда при вынесении решения по делу, но, поскольку судьи, очевидно, не наделены магическим даром, и не могут достоверно знать,

что именно и как происходило в прошлом, сомнения неизбежны. Например, в 1940 году в Массачусетсе рассматривалось дело по иску к страховой компании[9]. Истцом выступал отец молодого человека, отправившегося в путешествие на байдарке и пропавшего без вести, лишь ниже по течению того места, где его видели последний раз, были найдены весло и байдарка. В соответствии с условиями страхового полиса отец, он же выгодоприобретатель, мог получить выплату в случае гибели сына от несчастного случая. Поскольку в данной ситуации доказать с абсолютной достоверностью, что смерть вообще произошла, и что произошла она именно вследствие несчастного случая, практически невозможно, то возникает проблема. Страховая компания и выгодоприобретатель — совершенно равные в правовом смысле субъекты. Но при этом, если предположить, что на истца возложена обязанность доказать, что гибель его сына произошла именно в результате несчастного случая по стандарту «вне разумных сомнений», то есть с достоверностью, приближающейся к абсолютной, то окажется, что в процессуальном смысле он «слабая» сторона, и для него практически невозможно получить удовлетворение по иску. При таком высоком стандарте доказывания вероятность того, что истец проиграет дело, почти 100-процентная, несмотря на то, что вероятность гибели застрахованного от несчастного случая весьма и весьма велика, с учетом его опыта путешествий, характера местности, где он находился и прочих обстоятельств. На наш взгляд очевидно, что возникающее в этом случае преимущество ответчика не имеет сколь-нибудь разумных оснований, с учетом принципа равенства, на котором строятся гражданско-правовые отношения и гражданский процесс.

Помимо названных, существуют и иные стандарты доказывания: так называемый «prima facie», то есть, «на первый взгляд» и «ясные и убедительные доказательства». Первый, самый мягкий из существующих, применяется по некоторым категориям дел, именно его впервые упомянул Президиум ВАС РФ еще в 2014 году, указав, что сторона (конкурсные кредиторы), утверждающая в деле о банкротстве о фальсификации решения третейского суда, объективно лишена возможности получить исчерпывающие доказательства. Поэтому ей достаточно представить доказательства prima facie, подтвердив существенность сомнений в наличии долга. Другой же стороне не составит труда опровергнуть утверждения процессуального оппонента, поскольку она располагает всеми доказательствами

реальности правоотношений сданным должником.[3] Стандарт «ясные и убедительные доказательства» — промежуточный между «вне разумных сомнений» и «баланс вероятностей».

В России, как уже отмечалось, используются все эти стандарты по разным категориям дел. К сожалению, в отсутствие четких правил их применения возникает масса вопросов, например, какой стандарт следует считать «установленным по умолчанию» для уголовного процесса, а какой — для гражданского? Какой стандарт следует рассматривать как «общейковой», применимый к разрешению большинства категорий дел?

Важный, на наш взгляд шаг в этом направлении был сделан Конституционным Судом РФ в Постановлении от 19.11.2024 «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Боголюбской». В этом деле фактически рассматривался вопрос о том, может ли оправдательный приговор по уголовному делу в связи с недоказанностью виновности подсудимого иметь преюдициальное значение при рассмотрении дела по иску об опровержении порочащих сведений и компенсации морального вреда. Один из важнейших тезисов, сформулированных Судом в этом Постановлении, гласит: «Применение такого же строгого правила оценки судом относимости и достаточности доказательств при рассмотрении гражданских дел об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица, было бы несовместимым с иными по сравнению с установленными в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях стандартами доказывания» [1]. Таким образом, Конституционный Суд прямо указал, что в гражданском и уголовном процессе от суда требуется разная степень убежденности в том, что предложенная его вниманию версия событий отражает объективную реальность.

Полагаем, что формирование стандартов доказывания — это своего рода неизбежность. Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению освободил суд от связанности теорией формальных доказательств, когда достоверность каждого доказательства и его «сила» устанавливались законом, что, разумеется, было огромным шагом вперед. Но суды, тем не менее, нуждаются в критериях оценки достаточности доказательств, а «внутреннее убеждение» таковым не является. Вопрос лишь в том, приходится ли им

при рассмотрении каждого дела формулировать эти критерии, или есть возможность опереться на уже сложившиеся. Представляется, что последнее предпочтительнее, в том числе и потому, что таким образом обеспечивается единообразие правоприменения и достигается правовая определенность.

Вместе с этим, высказываемая иной раз мысль о том, что закрепление стандартов доказывания — прерогатива законодателя, представляется неудачной. Никакое законодательство не обладает необходимой для этого степенью гибкости. Выработать стандарты доказывания, создать своего рода инструкции относительно оценки доказательств должна судебная система, и, как кажется, она довольно уверенно продвигается в этом направлении.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2024 № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Боголюбовской». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

2. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-24829 от 9.01.2023 г. по делу № А40-261141/2021. URL: vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_es/2199490 (дата обращения: 18.01.2025).

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/12. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.04.2025).

4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.12.2018 № Ф03-5605/2018 по делу № А24-4281/2016. URL: <https://goo.su/uOMfu> (дата обращения: 28.04.2025).

5. Решение Советского районного суда г. Казань Республики Татарстан от 18.07.2024 г. по делу № 2-4719/2024. URL: <clck.ru/3Lqvхj> (дата обращения: 29.04.2025).

6. Решение Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа по делу № 2а-1452/2024 от 13.09.2024 г. URL: <https://goo.su/zQPjY9> (дата обращения: 12.04.2025).

7. Решение Кантемировского районного суда Воронежской области по делу № 2-115/2024 от 17.04.2024. URL: <https://goo.su/dGtN> (дата обращения: 12.04.2025).

8. Решение мирового судьи судебного участка № 8 города Балаково Саратовской области от 03.04.2017 г. по делу № 2-440/2017. URL: <https://goo.su/Vc84XiG> (дата обращения: 17.04.2025).

9. Porter Sargent v. Massachusetts Accident Company. URL: <http://masscases.com/cases/sjc/307/307mass246.html> (дата обращения: 17.04.2025).

10. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–57.

11. Будылин С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 // Вестник экономического правосудия. 2018. № 11. С. 130–157.

12. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение. 2019. № 5. С. 4–96.

13. Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Москва, 2021. 320 с.

14. Смола А. А. Стандарты, доказывания и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 129–165.

STANDARDS OF EVIDENCE IN RUSSIAN CIVIL PROCEDURE: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Lozovskaya Svetlana Valeryevna

PhD in Law, Associate Professor,

East Siberian State University of Technology and Management

Ulan-Ude, Russian Federation

softtea@rambler.ru

The article deals with the issues of the state of standards of proof in the modern law of Russia. Based on the analysis of existing literature and judicial practice, the author comes to the conclusion that there are significant differences in the content of the concept of «standard of proof» in Russia and abroad. The author puts forward the thesis about the absence of necessity of legislative fixation of the concept of «standard of proof» and about inevitability of its further development in judicial practice.

Keywords: civil procedure, evidence, burden of proof, standard of proof, «balance of probabilities», «beyond reasonable doubt».

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© **Лубсанов Мирон Эрдэмович**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

ronyayounga@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@gmail.com

Статья посвящена исследованию правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом (ИИ), в контексте российского и международного законодательства. Автор анализирует ключевые проблемы, связанные с охраноспособностью таких объектов, определением субъекта права и ответственности за нарушения. На основе сравнительно-правового метода исследуются подходы США, Европейского Союза, Китая и Великобритании, включая судебные прецеденты. Особое внимание уделено российскому законодательству: выявлены пробелы в регулировании (отсутствие прямых норм о результатах ИИ в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ))¹ и предложены пути их устранения, такие как введение специального режима охраны по аналогии с «сложными объектами» (ст. 1240 ГК РФ) или базами данных (ст. 1333.1 ГК РФ). Рассмотрены этические аспекты, включая риски девальвации человеческого труда и необходимость прозрачности алгоритмов. Результаты исследования демонстрируют, что универсального решения для правового регулирования ИИ не существует: страны балансируют между стимулированием инноваций и защитой традиционных ценностей. Для России актуально закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации критериев охраноспособности, определение прав операторов

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

ИИ и механизмов ответственности. Статья адресована юристам, специалистам в области цифрового права и законодателям, работающим над адаптацией правовых систем к вызовам технологической эпохи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, правовой статус ИИ, нейросети, международное право, российское законодательство, цифровое право, этика ИИ, творческий вклад, правовые пробелы.

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) активно трансформируют традиционные представления о творчестве и инновациях. Генеративные нейросети, такие как ChatGPT, Midjourney или Stable Diffusion, способны создавать тексты, изображения, музыку и даже технические решения, что ставит перед правовыми системами принципиальный вопрос: могут ли результаты деятельности ИИ быть признаны объектами интеллектуальной собственности (ИС)? Правовой статус таких результатов остается неопределенным из-за антропоцентрической природы законодательства об ИС, где ключевым критерием выступает творческий вклад человека. Например, ст. 1228 Гражданского кодекса РФ прямо указывает, что автором может быть только физическое лицо, чьим творческим трудом создан объект. Однако на практике возникает парадокс: даже если ИИ генерирует уникальный контент, правовая охрана возможна лишь при условии доказательства участия человека в его создании.

В мировой практике подходы к решению этой проблемы варьируются. В США доминирует строгий антропоцентрический принцип. Ярким примером стало дело *Thaler v. Vidal* (2022), где Верховный суд отказал в выдаче патента на изобретение, созданное ИИ DABUS, сославшись на требование закона о том, что изобретателем должно быть «физическое лицо» [8, с.1207]. Аналогичную позицию занимает U.S. Copyright Office (Бюро авторского права США (англ. United States Copyright Office) — структурная единица Библиотеки Конгресса, являющаяся официальным государственным органом США, ведущим учёт и регистрацию авторских прав в США): в 2024 году было опубликовано руководство, согласно которому охрана авторских прав предоставляется только при «существенном творческом контроле» человека [4, с. 12]. Например, музыка, сгенерированная ИИ по запросу «напиши песню в стиле The Beatles», не охраняется, но если пользователь самостоятельно аран-

жирует и редактирует такую композицию, результат может быть защищен.

В отличие от США, некоторые страны демонстрируют более гибкий подход. В Великобритании ст. 9(3) Copyright, Designs and Patents Act 1988 (Закон 1988 года «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» (глава 48), Соединенное Королевство) закрепляет авторство за лицом, которое «организовало создание компьютерно-генерированного произведения» [7, с. 9(3)]. Это позволяет компаниям, инвестирующим в разработку ИИ, защищать свои интересы. Еще дальше пошел Китай: в 2023 году Пекинский суд в деле *Ли vs. Лю* признал авторские права за пользователем ИИ Stable Diffusion, который формулировал уникальные текстовые промпты (например, «портрет женщины в стиле династии Мин с элементами киберпанка») и редактировал итоговые изображения [6, с. 15] Суд отметил, что выбор параметров и постобработка требуют творческих усилий, что соответствует критериям охраноспособности.

Европейский Союз в рамках AI Act (2023) пошел по пути регулирования ИИ через призму минимизации рисков [5]. Закон классифицирует системы ИИ на четыре категории: запрещенные, высокого риска, ограниченного риска и минимального риска. Для генеративных ИИ (Генеративный искусственный интеллект — это тип системы искусственного интеллекта (ИИ), способной синтезировать текст, изображения или комбинированный медиаконтент в ответ на подсказки) (например, ChatGPT) введено требование обязательной маркировки контента, созданного алгоритмами, а также запрет на использование защищенных материалов для обучения моделей без согласия правообладателей. Последнее стало ответом на иск *Getty Images v. Stability AI* (2023), где нейросеть Stable Diffusion использовала миллионы изображений из базы Getty Images без лицензий [9, с. 8]

В России правовое регулирование результатов ИИ остается фрагментарным. Федеральный закон № 123-ФЗ (2020) определяет ИИ как технологию, способную создавать объекты, «сопоставимые с результатами человеческой деятельности», но не раскрывает вопросы их охраны¹. ГК РФ также не содержит прямых норм, что со-

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллек-

здает правовые пробелы. Например, если нейросеть генерирует дизайн товарного знака, неясно, кто вправе зарегистрировать его в Роспатенте — разработчик алгоритма, пользователь или платформа. Некоторые эксперты, такие как Балашова А. И. (2023), предлагают применять по аналогии ст. 1240 ГК РФ о «сложных объектах», где права принадлежат лицу, организовавшему создание результата [1, с. 195]. Другие инициативы включают введение специального режима, аналогичного охране баз данных (ст. 1333.1 ГК РФ), где правообладателем признается лицо, осуществившее финансовые и организационные вложения.

Одной из ключевых проблем остается ответственность за нарушения. В деле *Doe v. GitHub* (2022) разработчики ИИ-инструмента Copilot обвинялись в использовании открытого программного кода без соблюдения лицензий [12, с. 8]. Суд постановил, что обучение ИИ на публично доступных данных подпадает под доктрину добросовестного использования (*fair use*), однако вопрос о компенсации авторам остается открытым. Еще сложнее ситуация с генерацией противоправного контента: если ИИ создает клевету или плагиат, ответственность, по аналогии со ст. 1253.1 ГК РФ, должен нести оператор системы, как лицо, контролирующее ее работу [7, с. 52].

Этические аспекты также требуют внимания. Философы, такие как Лучано Флориди, предупреждают о рисках «смерти автора» — девальвации человеческого труда в условиях, когда ИИ способен имитировать творчество [3, с. 60]. Для предотвращения этого необходимо развивать прозрачность алгоритмов. Например, ст. 17 AI Act обязывает разработчиков раскрывать данные, использованные для обучения ИИ, что может стать моделью для других стран, включая Россию [5, с. 22].

Таким образом, правовое регулирование результатов ИИ находится на стадии формирования. Международный опыт показывает, что универсального решения нет: страны балансируют между защитой традиционных ценностей и стимулированием инноваций. России необходимо адаптировать законодательство, закрепив специальные нормы в ГК РФ, которые определяют критерии охраноспо-

та в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5123.

собности, субъекта прав и механизмы ответственности [2, с. 915]. Это позволит избежать правового вакуума и создать условия для развития технологий в правовом поле.

Литература

1. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3(41). С. 190-206.

2. Казанцев Д. А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 909–931.

3. Медведев А. И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4(38). С. 48–63.

4. Copyright and Artificial Intelligence. U.S. Copyright Office, 2024. URL: <https://www.copyright.gov/> (дата обращения: 01.07.2024).

5. Regulation (EU) 2023/... of the European Parliament and of the Council of ... on Artificial Intelligence (AI Act) : [принят 14.06.2023]. Official Journal of the European Union. 2023. L 123/45.

6. Решение Пекинского суда по интеллектуальным правам от 27.10.2023 по делу № 京73知民初123号 «Ливс. Лю». С. 15.

7. Copyright, Designs and Patents Act 1988: [принят Парламентом Великобритании 15.11.1988]. London: The Stationery Office, 1988. Section 9(3).

8. Thaler v. Vidal: решение Верховного суда США от 05.08.2022 по делу № 21-2347 // Федеральный репортер. 2022. Т. 43. С. 1207.

9. Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc.: иск в Окружной суд штата Делавэр от 16.01.2023. Дело № 1:23-cv-00135.

10. Doe v. GitHub, Inc.: иск в Окружной суд Северного округа Калифорнии от 03.11.2022. Дело № 3:22-cv-7023.

LEGAL STATUS OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Lubsanov Miron Erdemovich

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

ronyayounga@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

marina.naletova.68@mail.ru

The article examines the legal status of intellectual property (IP) objects created by artificial intelligence (AI) under Russian and international law. The author identifies key challenges, including the eligibility of AI-generated results for legal protection, determination of rights holders, and liability for infringements. Using a comparative legal methodology, the study analyzes approaches adopted in the United States, the European Union, China, and the United Kingdom, with a focus on landmark court cases (*Thaler v. Vidal*, *Li v. Liu*, *Getty Images v. Stability AI*). Special attention is paid to gaps in Russian legislation, particularly the absence of direct norms governing AI-generated content in the Civil Code of the Russian Federation. Proposed solutions include introducing a special legal regime analogous to the protection of «complex objects» (Article 1240 of the Civil Code) or databases (Article 1333.1 of the Civil Code). Ethical issues, such as the devaluation of human creativity and the need for algorithmic transparency, are also explored. The findings highlight the absence of a universal regulatory framework for AI, as jurisdictions balance innovation incentives with traditional IP principles. For Russia, the study recommends amendments to the Civil Code to establish eligibility criteria, define rights of AI operators, and clarify liability mechanisms. The article is intended for legal practitioners, digital law specialists, and policymakers working to adapt legal systems to technological advancements.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, copyright law, patent law, AI legal status, generative neural networks, international law, Russian legislation, digital law, AI ethics, human creative contribution, regulatory gaps.

УДК 347.77

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РИСКИ МАЙНИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© **Матвеева Анастасия Игоревна**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

nastyamat6@gmail.com

© **Матвеева Анна Игоревна**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

anutamat6@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В данной статье пойдёт речь о правовом регулировании и рисках майнинга криптовалют на территории Российской Федерации, а также о проблемах, связанных с данной деятельностью, и предложениях по их решению. Также рассмотрены субъекты Российской Федерации и их отдельные территории, где запрещено или частично ограничено осуществление майнинга, и причины такого запрета и ограничения, а также приведён обзор международного опыта. Рассмотрены основные риски, связанные с осуществлением майнинга, как со стороны майнеров, так и со стороны государства и общества. На основе анализа правовой базы выявлены пробелы в законодательстве по регулированию майнинга и приведены предложения по устранению пробелов и совершенствованию законодательства в сфере майнинга.

Ключевые слова: майнинг, цифровая валюта, криптовалюта, риски, проблемы, правовое регулирование, последствия, запрет, ограничения, электроэнергия.

В настоящее время майнинг криптовалюты быстро распространяется на территории Российской Федерации (далее — РФ). Актуальность майнинга криптовалюты в России заключается в нескольких аспектах. Во-первых, это экономический вклад. Согласно статистике, майнинг вносит большой вклад в ВВП — примерно 50 млрд рублей в год, включая налоги и инвестиции. Во-вторых, это создание рабочих мест. Например, за 2023 год благодаря развитию майнинга было создано более 5 тысяч рабочих мест в удалённых регионах страны. В-третьих, увеличение экспорта, так как российский майнинг пользуется спросом у стран СНГ и Ближнего Востока. А также благодаря майнингу создаётся база для развития таких технологий, как блокчейн и искусственный интеллект. Но несмотря на большое количество преимуществ развития майнинга в РФ, существуют риски и проблемы, решение которых может привести к совершенствованию деятельности, связанной с майнингом криптовалюты и снижению рисков такой деятельности.

Для того чтобы более детально рассмотреть риски и проблемы майнинга в России, рассмотрим понятие майнинга и основные теоретические аспекты. В системе гражданского права майнинг цифровой валюты занимает значительное место. Майнинг является предпринимательской деятельностью, а криптовалюта может быть объектом гражданских правоотношений. А также в процессе майнинга могут возникать различные договорные отношения.

Согласно пункту 3.1 статьи 1 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г., майнингом цифровой валюты признаётся деятельность по проведению математических вычислений путём эксплуатации технически и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему (блокчейн), использующую технологию, чтобы впустить цифровую валюту или для получения лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе (блокчейне)¹.

¹Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31.

В дальнейшем, после осуществления майнинга, полученную криптовалюту можно обменять на реальные деньги с помощью бирж, криптоматов и так далее.

В процессе осуществления майнинга криптовалюты, лица, осуществляющие эту деятельность, могут столкнуться с рядом рисков. Во-первых, это финансовые риски, они связаны с колебанием курса получаемой валюты, так как из-за постоянных изменений курса рынка заработок майнеров может сильно отличаться, а также эти риски связаны со взломом криптовалютных кошельков пользователей, что может привести к потере полученных средств [3, с. 140]. Ещё одним риском является выход из строя оборудования, что может привести к использованию большого количества электроэнергии, за которую майнерам будет нечем платить. В-третьих, это энергетические риски, так как внезапное и частое отключение подачи электроэнергии может негативно сказаться на прибыли майнеров и состоянии оборудования, а также рост цен на электроэнергию может привести к значительному снижению доходов майнеров.

Риски, связанные с осуществлением майнинга, могут влиять не только на тех лиц, которые занимаются этой деятельностью, но и на всё государство и общество в целом. К таким рискам относятся нехватка электроэнергии и ухудшение экологической среды из-за майнинга [6, с. 23]. Нехватка электроэнергии в некоторых регионах России связана с большим потреблением электроэнергии в период отопительного сезона. Энергоёмкий характер майнинга криптовалюты вызывает опасения по поводу возможных экологических последствий, особенно для России, где для удовлетворения энергетических потребностей используется ископаемое топливо, большое использование энергии при одновременном осуществлении майнинга и добыче таких ископаемых может привести к чрезмерному потреблению энергии и способствовать выбросу парниковых газов, что приводит к ухудшению окружающей среды и может вызвать общественное недовольство.

В связи с этими рисками Правительство может вводить дополнительные меры, такие как полный запрет или ограничение осуществления майнинга в отдельных регионах России или на отдельных их территориях. Это распространяется на те регионы, где существует и (или) прогнозируется дефицит электрической энергии и (или) мощности [2, с. 108].

Так, Постановлением Правительства РФ от 23.12.2024 № 1869 (ред. от 07.04.2025) «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации»¹ и приложением к этому Постановлению с 1 января 2025 года по 15 марта 2031 года был установлен запрет на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в таких регионах, как Республика Дагестан, Донецкая Народная Республика, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Луганская Народная Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Запорожская область, Херсонская область, с 7 апреля 2025 года по 15 марта 2031 года в отдельных городах и муниципальных районах Иркутской области.

В том числе в Республике Бурятия и Забайкальском крае запрет на осуществление майнинга будет действовать в пик энергопотребления. В 2025 году это период с 1 января по 15 марта, а в последующие годы до 2031 года — с 15 ноября по 15 марта. В Республике Бурятия такой запрет будет действовать в таких муниципальных районах, как Баргузинский, Баунтовский эвенкийский, Бичурский, Еравнинский, Закаменский, Иволгинский, Кабанский, Кижингинский, Курумканский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Окинский, Селенгинский, Хоринский, Джидинский, Заиграевский, Прибайкальский, Гарбагатайский, Тункинский районы и в городском округе «город Улан-Удэ». Заместитель министра энергетики Евгений Грабчак заявил, что Министерство энергетики уже подготовило нормативно-правовую базу для круглогодичного запрета на майнинг в Забайкальском крае и Республике Бурятия. Цель такого ограничения — сохранение баланса энергопотребления с учётом запросов промышленности [4, с. 71].

Обзор международного опыта в области майнинга криптовалют показывает разнообразие подходов к регулированию. Страны, кото-

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2024 г. №1869 «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53.

рые ввели полный запрет на майнинг, ссылаются на опасение по поводу использования энергии, финансовой стабильности и возможности незаконной деятельности. К ним относятся такие страны, как Алжир, Бангладеш, Боливия, Непал, Северная Македония и Гана [1, с. 29]. Другие страны, такие как США и Канада, придерживаются более гибкого подхода и внедрили целый ряд нормативных актов, регулирующих добычу криптовалюты, эти акты регулируют различные элементы майнинга, такие как лицензионные требования, налоговые обязательства и экологические нормы.

Основной проблемой института майнинга криптовалюты является недостаточное правовое урегулирование. Президент РФ подписал Федеральный Закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, которым майнинг был введён в правовое поле и был легализован на территории РФ. Данный Закон вступил в силу с 1 ноября 2024 года. Основные положения, которые он закрепляет содержат нормы о легализации майнинга, установлении круга лиц, которые могут заниматься данной деятельностью, а также требования к оборудованию, ограничения для определённых лиц и субъектов РФ, установлении лимита энергопотребления для граждан и так далее. Также с 1 января 2025 года вступил в силу Федеральный Закон от 29 ноября 2024 года № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Данный ФЗ устанавливает порядок налогообложения доходов для физических и юридических лиц, полученных в результате осуществления на территории РФ майнинга цифровой валюты, а также операции по реализации цифровой валюты.

Несмотря на действующую правовую базу, институт майнинга на территории РФ остается не до конца урегулированным. Существуют правовые пробелы, из-за которых возникают негативные последствия после осуществления майнинга [5, с. 188]. Например,

¹Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33.

²Федеральный закон от 29.11.2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 49.

неурегулированной остается норма потребления количества электроэнергии. Отсутствие конкретных нормативных актов, регулирующих потребление электроэнергии при одновременной добыче криптовалюты и ископаемых, особенно в особо отапливаемых регионах, таких как Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край, может привести к чрезмерному потреблению электроэнергии и негативным экологическим последствиям, таким как выбросы парниковых газов и так далее.

Также законодательно незакрепленным остаётся вопрос о классификации криптовалют. Разработка чётких критериев для классификации криптовалют поможет упростить налогообложение и регулирование.

Для решения проблемы неполного урегулирования института майнинга в РФ и снижения рисков необходимо разработать специализированное законодательство по этому вопросу — отдельный закон, регулирующий майнинг, в который будут регулярно вноситься дополнения по неурегулированным вопросам, так как на данный момент отдельные вопросы по организации осуществления майнинга криптовалюты в РФ закреплены в отдельных Федеральных Законах, Налоговом кодексе и так далее, что затрудняет его регулирование. Ещё необходимо отслеживать ситуацию в отдельных регионах и обращать внимание на особенности каждого субъекта РФ. Также в связи с быстрым развитием майнинга необходимо чаще обновлять законодательство и вносить изменения и дополнения, что может снизить риски и улучшить осуществление майнинга в РФ.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящее время майнинг в РФ является актуальной деятельностью с большим количеством преимуществ. Но в то же время, несмотря на действующую на территории страны правовую базу, существует ряд рисков, негативных последствий и проблем в связи с осуществлением такой деятельности, решение которых поможет снизить риски, устранить проблемы и улучшить осуществление майнинга на территории РФ как для самих майнеров, так и для всего государства и общества.

Литература

1. Адамова К. Р. Майнинг как способ выпуска криптовалют и его применение в России // Банковские услуги. 2024. № 3. С. 27–34.

2. Бражников А. Е., Панушкин В. Г. Майнинг в России и его перспективы // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2024. № 2. С. 102–112.

3. Проблемы и перспективы развития рынка криптовалют / О. П. Култыгин, Н. Н. Люблинская, Е. Н. Токмакова, А. Е. Трубин // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2024. Т. 21, № 4(136). С. 135–147.

4. Лузан С. Н. Сопоставление правового регулирования обращения криптовалюты в гражданском праве России и Японии // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 69–72.

5. Скрипникова Е. Г. Перспективы развития майнинга и криптовалют в России в условиях новых законодательных изменений // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 11-3(117). С. 87–90.

6. Чикулаев Р. В. «Токены», «криптовалюты», «майнинг»: носители правовых режимов или юридические фантомы? // Право и экономика. 2023. № 3(421). С. 15–24.

LEGAL REGULATION AND RISKS OF MINING IN THE RUSSIAN FEDERATION.

Matveeva Anastasia Igorevna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
nastyamat6@gmail.com

Matveeva Anna Igorevna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
anutamat6@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
marina.naletova.68@mail.ru

This article will discuss the legal regulation and risks of mining cryptocurrencies in the Russian Federation, as well as the problems associated with this activity and proposals for their solution. The subjects of the Russian Federation and their individual territories where mining is prohibited or partially restricted, and the reasons for such prohibition and restrictions are also considered, as well as an overview of international experience. The main risks associated with the implementation of mining, both on the part of miners, as well as on the part of the state and society, are considered. Based on the analysis of the legal framework, gaps in mining regulation legislation have been identified and proposals have been made to eliminate gaps and improve mining legislation.

Keywords: mining, digital currency, cryptocurrency, risks, problems, legal regulation, consequences, prohibition, restrictions, electricity.

**ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ, ПРОДЛЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ
И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© **Нохорова Санжидма Станиславовна**

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Sanzhidmaa@mail.ru

© **Балдаева Римма Александровна**

кандидат биологических наук, доцент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы соблюдения, продления и восстановления пропущенных сроков в гражданском и арбитражном судопроизводстве на примере совершения отдельных процессуальных действий. Для достижения целей исследования проводится анализ процессуальных норм, регламентирующих как порядок определения срока, так и возможные варианты его восстановления или продления. Для более детального раскрытия практической значимости соблюдения тех или иных сроков используются и анализируются материалы судебной практики, посвящённые данному вопросу, а также имеющиеся теоретические изыскания различных авторов.

По результатам исследования сделаны выводы как о существующих проблемах в части соблюдения сроков, так и о недостаточном правовом регулировании вопроса о восстановлении и продлении процессуальных сроков для совершения отдельных действий.

Ключевые слова: процессуальный срок, восстановление, продление, соблюдение срока, ходатайство, определение, срок рассмотрения гражданского дела, злоупотребление правом, исчисление срока, месячный срок, рассмотрение дела.

Законодательное закрепление и установление сроков совершения отдельных процессуальных действий, а также регламентирование порядка их восстановления и продления имеет существенное практическое значение как для сторон, так и для суда.

С одной стороны, надлежащее регулирование определяет пределы совершения процессуальных действий, чем обеспечивает ту или иную сторону на защиту от возможно злоупотребления процессуальными правами, равно как и обеспечивает реализацию процессуальных возможностей путём восстановления срока в случае его пропуска, что в совокупности обеспечивает устойчивость гражданского оборота в целом.

С другой, регламентирование возлагает на суд обязанность рассмотреть дело в пределах установленных сроков, не допуская безосновательных случаев его продления, чем в совокупности обеспечивается определённость в рассмотрении дела [1, с. 139].

Отметим, что правила исчисления сроков предусмотрены Главой 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ)¹, и Главой 10 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ)² соответственно.

Однако, прежде чем перейти к исследованию вопросов об исчислении сроков, на основе общего анализа процессуальных положений, представляется возможным классифицировать процессуальные сроки на две группы:

- 1) Процессуальные сроки, обязательные к соблюдению судом;
- 2) Процессуальные сроки, обязательные к соблюдению процессуальными участниками.

При этом независимо от принадлежности к определённой группе, сроки также целесообразно подразделить, исходя из их правовой сущности, на следующие:

- 1) Процессуальные сроки, которые возможно продлить либо восстановить;
- 2) Пресекательные сроки, не поддающиеся ни продлению, ни восстановлению.

¹Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 12.04.2025).

²Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 12.04.2025).

Отметим, что указанная классификация сроков не является безапелляционной и общепринятой. В теории процессуального права содержатся различные подходы к классификации сроков.

Однако для целей настоящего исследования подобная классификация является весьма обоснованной, поскольку именно таковая позволит структурировать полученный материал таким образом, при котором возможно последовательно определить существующие проблемы.

Итак, определившись с правилами классификации, стоит перейти к рассмотрению конкретных процессуальных сроков на примере законодательных положений.

Пожалуй, одним из основных процессуальных сроков является срок рассмотрения гражданского дела судом. И если АПК РФ устанавливает правило, что дело должно быть рассмотрено не позднее шести месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд, то ГПК РФ устанавливает для суда обязанность рассмотреть дело не позднее двух месяцев со дня поступления заявления в суд общей юрисдикции.

Однако практика применения показывает, что соблюдение указанного срока не всегда представляется возможным. И причин тому, пожалуй, несколько.

Первая причина имеет субъективный характер, и заключается таковая в возможной «загруженности» суда иными делами. Вторая причина более чем объективна, и заключается таковая может в сложности самого дела, в количестве процессуальных участников, свидетелей и привлекаемой для исследования документации, в том числе в необходимости проведения и получения заключения экспертизы.

При этом процессуальные кодексы предоставляют возможность продлить общий срок рассмотрения дела.

Так, если АПК РФ позволяет продлить срок до девяти месяцев, то ГПК РФ ограничивается одним месяцем.

Однако анализ показывает, что действующее регулирование как в ГПК РФ, так и АПК РФ допускает неоднократное продление рассмотрения дела лишь постольку, поскольку законодателем не установлен прямой запрет. Представляется, что хоть и прямой запрет не установлен, суд, при продлении срока, обязан руководствоваться разумными сроками судопроизводства.

Анализ процессуальных положений показывает, что хоть АПК РФ, и ГПК РФ идентично определяют основополагающие обстоятельства, которое служит в качестве обоснования продления срока рассмотрения дела, а именно в виде его сложности, АПК РФ также предусматривает, что определение суда о продлении срока должно быть мотивированным.

При этом в обоих случаях суд не обладает самостоятельной возможностью продлить срок лишь постольку, поскольку продление срока как в АПК РФ, так и в ГПК РФ, относится к исключительной дискреции вышестоящих судей (председатель суда и его заместитель).

ГПК РФ также предоставляет возможность продлить срок рассмотрения дела председательствующему судебному составу. Однако, как показывает практика, дела в судах общей юрисдикции составом судей рассматриваются достаточно редко.

При этом, несмотря на то, что АПК РФ содержит в себе более детальную формулировку, как и указанный кодекс, так и ГПК РФ, не содержат положений о возможности процессуальных участников влиять на продление срока.

Во-первых, кодексы не отвечают на вопрос, могут ли стороны сами ходатайствовать перед судом о продлении сроков, если такое продление требуется для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, а во-вторых, кодексы не раскрывают, каким признакам должно отвечать дело, чтобы таковое было признано сложным.

Однако, если критерии, по которым определяется сложность дела выработаны судебной практикой, то отсутствие процессуального права заявить ходатайство о продлении сроков рассмотрения дела позволяет сделать вывод о том, что стороны дела, в указанной части, полностью отстранены от принятия решения и не имеют реальной возможности влиять на продление сроков.

Представляется, что даже в том случае, если ни одна из сторон не возражает против продления срока, а напротив, настаивает на таком продлении, например, для истребования дополнительных доказательств, как председатель суда, так и его заместитель, а в некоторых случаях председатель состава суда, не будут связаны доводами сторон лишь постольку, поскольку таковые не основаны на нормах права, а продление срока относится к исключительной дискреции указанных субъектов, два из которых, к слову, не имеют ника-

кого отношения к рассматриваемому делу, в связи с чем не могут дать надлежащую оценку доводам участвующих в деле лиц.

Отдельного внимания также заслуживают сроки рассмотрения дела в порядке ГПК РФ, которые являются достаточно короткими, что зачастую не способствует качественному отправлению правосудия [2, с. 114].

Представляется, что разрешение указанной проблемы кроется, во-первых, в создании ступенчатой возможности продления сроков, во-вторых, в раскрытии критериев сложности дела, и наконец, в-третьих, стороны не должны быть лишены возможности заявить мотивированное ходатайство о продлении сроков рассмотрения дела, если к тому имеются веские основания и ни одна из сторон не возражает против продления.

Теперь же стоит отметить особенности некоторых сроков, обязательных для участников судопроизводства, и, пожалуй, стоит начать с самого начального этапа, а именно, с подачи искового заявления.

Итак, после подачи искового заявления и приложенных к такому документу суд осуществляет проверку поданной документации на соответствие обязательным требованиям, установленным процессуальным законодательством.

По результатам рассмотрения поданных документов суд обладает соответствующим правом оставить исковое заявление без движения, предоставив заявителю срок на устранение недостатков, препятствующих его принятию.

Последствие несоблюдения указанного срока весьма негативное, и заключается таковое в возврате искового заявления и приложенных к нему документов. В связи с чем заявителю придётся подавать всё заново.

Исходя из этого, срок исправления недостатков является значимым для заявителя, поскольку его соблюдение позволяет избежать неблагоприятных последствий.

Однако анализ действующего законодательства показывает (статья 136 ГПК РФ и статья 128 ГПК РФ), что срок, в течение которого заявителю предоставляется возможность устранить те или иные нарушения, устанавливается судом, то есть законодательством не определён минимальный срок, в течение которого возможно исправить недостатки.

Стоит отметить, что указанный законодательный подход к определению срока является сомнительным, поскольку недостатки, которые могут послужить в качестве основания для оставления документации без движения, могут иметь разную природу, и, как следствие, абсолютно разную сложность.

Кроме того, следует учитывать, что, как правило, судебное определение об оставлении без движения отправляется почтой (заказным письмом). Отправка таким путём может произойти даже в том случае, если заявитель предоставил согласие на отправку почтовых уведомлений на электронную почту.

Практика применения показывает, что письмо может достаточно долго доставляться по месту адресата, в том числе по техническим причинам, что способно привести к тому, что установленный судом срок, может быть настолько мал, что к моменту получения письма таковой может быть пропущен.

Таким образом, отсутствие минимально установленного в законодательстве срока может препятствовать заявителю в защите своего права. Представляется, что срок оставления без движения не может быть менее десяти рабочих дней, и не может превышать один месяц с момента подачи заявления.

Кроме того, анализ указанного правового регулирования также показывает, что, как и в случае с продлениями общего срока рассмотрения гражданского дела, при оставлении документации без движения также невозможно предоставить однозначный ответ на вопрос: имеет ли заявитель правовую возможность обратиться в суд с письменным ходатайством о продлении указанного срока.

Представляется, что указанное ходатайство возможно заявить в порядке статьи 111 ГПК РФ или статьи 118 АПК РФ соответственно. Поскольку, если пропущенный срок является безусловным основанием для возврата документации, в связи с чем восстановлению не подлежит ввиду наличия специального правового последствия, то для продления сроков исправления недостатков при оставлении без движения не имеется каких-либо барьеров. Напротив, это будет отвечать как принципам гражданского судопроизводства, так и позволит заявителю получить необходимую документацию, если для этого требуются увеличенные сроки без рисков возврата искового заявления.

Кроме того, подобное толкование полностью отвечает хоть и достаточно старой, но не отмененной позиции Высшего Арбитражно-

го суда Российской Федерации, который в пункте 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 (ред. от 23.12.2021) «О процессуальных сроках» разъяснил, что продление срока допускается путём заявления ходатайства о продлении срока оставления искового заявления (заявления) без движения¹.

Однако нельзя оставить без внимания, что отсутствие надлежащего уровня законодательного регулирования не может обеспечить единообразную практику во всех случаях, в связи с чем как минимальные сроки, так и процессуальная возможность продлить срок устранения недостатков должна быть отражена как в ГПК РФ, так и в АПК РФ.

Представляется, что указанные нововведения благоприятно повлияют как на соблюдение сроков, так и позволят заявителю обеспечить своё право на судебную защиту.

Кроме того, заявитель должен быть наделён реальной возможностью обжаловать определение суда об отказе в продлении сроков на исправление недостатков, иной подход позволил бы суду превратить срок, на который материалы остаются без движения, в пресекательный.

Отметим, что часть 2 статьи 118 АПК РФ предоставляет заявителю возможность для обжалования такого определения. Что касается ГПК РФ, то исходя из общего анализа норм, представляется возможным выделить, что заявителю также принадлежит право обжалования. Однако отсутствие конкретного правового регулирования может отразиться на реальной возможности реализации такой процедуры ввиду субъективных причин, что приведёт к затягиванию процесса, и, как следствие, к нарушению процессуальных прав.

Рассмотрев сроки, поддающиеся восстановлению и продлению, стоит отметить некоторые особенности пресекательных сроков.

Итак, ни в АПК РФ, ни в ГПК РФ такого термина не содержится. По общему правилу любой срок может быть восстановлен лишь постольку, поскольку такой подход обусловлен гарантией каждого на судебную защиту.

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 (ред. от 23.12.2021) «О процессуальных сроках». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157890/ (дата обращения: 12.04.2025).

Однако анализ показывает, что некоторыми признаками пресекающего срока обладает срок на подачу возражений на судебный приказ. По общему правилу, возражения, поступившие на судебный приказ после истечения установленного срока, возвращаются заявителю. Указанное правило присуще как ГПК РФ (часть 2 статьи 129 ГПК РФ), так и АПК РФ (часть 5 статьи 229.5 АПК РФ).

При этом заявитель вправе предоставить доказательства невозможности подачи возражений в установленные сроки, в связи с чем возражения могут быть приняты и за пределами установленных сроков, о чём суд выносит определение.

Верховный суд Российской Федерации, разъясняя критерий невозможности предоставления возражений в установленные сроки, в пункте 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» указал, что доказательствами невозможности предоставления могут являться документы, подтверждающие, что должник не получил копию судебного приказа в связи с нарушением правил отправки почтовой корреспонденции¹.

При этом, согласно буквальному толкованию закона, суд принимает возражения за сроками, не восстанавливая таковые.

Даже если в возражениях заявить самостоятельное требование о восстановлении срока, то с учётом действующего регулирования, суд вправе оставить такое требование без рассмотрения лишь постольку, поскольку оно не основано на правовых нормах, а само возражение принять и удовлетворить.

Исходя из этого, срок на подачу возражений на судебный приказ обладает практически всеми признаками пресекающего срока, не подлежащего восстановлению, поскольку законодательство преду-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/ (дата обращения: 12.04.2025).

смачивает специальные способы защиты в случае предоставления возражений за пределами установленных сроков.

Стоит отметить, что вопрос о возможности продления срока предоставления возражений остается открытым. Ни АПК РФ, ни ГПК РФ не предоставляет ответа на вопрос о возможности продления срока на предоставление возражений.

Представляется, что с учётом общих положений гражданского судопроизводства, такой срок может быть продлён в аналогичном порядке, который был использован ранее относительно продления срока устранения недостатков при оставлении искового заявления и приложенных к нему документов без движения.

Исходя из этого, возможность продления может быть реализована путем заявления соответствующего ходатайства, в котором должны быть приведены конкретные обстоятельства, обосновывающие продление сроков, например, получение дополнительной документации, которая будет являться основой возражений.

На основе проведённого исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что как АПК РФ, так и ГПК РФ, регулируют вопросы отправления правосудия при рассмотрении гражданских дел, вопрос об унификации процессуальных порядков до сих пор остаётся открытым, поскольку по некоторым аспектам, в том числе по процессуальным срокам, данные кодексы имеют существенные отличия, что не позволяет обеспечить надлежащий уровень их соблюдения процессуальными участниками [3, с. 3].

Как показал анализ, большую часть пропущенных сроков представляется возможным восстановить, однако лишь в том случае, если обстоятельства, послужившие основанием для пропуска срока, будут признаны судом уважительными.

Таким образом, полученные результаты показывают, что требуется дальнейшее продолжение научных изысканий как с целью совершенствования законодательных положений, так и с целью определения научных подходов для обеспечения надлежащего уровня понимания значения процессуальных сроков, важности их соблюдения, а также правовых возможностей для их продления или восстановления.

Литература

1. Четкина Т. В. Исторические предпосылки появления понятия «Разумный срок» в гражданском процессуальном праве // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17(372). С. 137–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-poyavleniya-ponyatiya-razumnoy-srok-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave> (дата обращения: 17.04.2025).

2. Глухова К. В. Актуальные проблемы соблюдения процессуальных сроков в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Вестник магистратуры. 2021. № 9-2(120). С. 114–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-soblyudeniya-protsessualnyh-srokov-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 17.04.2025).

3. Панкратов В. А., Миронова М. В. Процессуальные сроки по гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации и арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации: сравнительный анализ // Вестник БГУ. 2010. № 2. С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-sroki-po-grazhdanskomu-protsessualnomu-kodeksu-rosiyskoy-federatsii-i-arbitrazhnomu-protsessualnomu-kodeksu> (дата обращения: 17.04.2025).

PROBLEMS OF COMPLIANCE, EXTENSION AND RESTORATION OF PROCEDURAL TIME LIMITS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Nokhorova Sanzhidma Stanislavovna
second-year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
Sanzhidmaa@mail.ru

Baldaeva Rimma Alexandrovna
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

The article examines the existing problems of compliance, extension and restoration of missed deadlines in civil and arbitration proceedings using the

example of certain procedural actions. To achieve the objectives of the study, an analysis of the procedural rules governing both the procedure for determining the term and possible options for its restoration or extension is carried out. For a more detailed understanding of the practical significance of observing certain deadlines, materials of judicial practice on this issue, as well as available theoretical research by various authors, are used and analyzed.

Based on the results of the study, conclusions were drawn about both existing problems in terms of meeting deadlines and insufficient legal regulation of the issue of restoring or extending procedural deadlines for certain actions.

Keywords: procedural term, restoration, extension, observance of the term, petition, definition, term of consideration of a civil case, term of appeal.

УПРАВЛЕНИЕ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© **Очирова Саяна Пурбадашиевна**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sayana_otchirova@mail.ru

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В статье дано определение понятию «многоквартирный дом». Рассматриваются основные способы управления многоквартирными домами, которые в настоящее время предусмотрены действующим законодательством Российской Федерации: непосредственное управление собственниками, управление через товарищество собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, и специализированными управляющими организациями. Автор анализирует преимущества и недостатки каждого из способов управления. Изучены нормативно-правовые акты и проведён анализ законодательства, регулирующей процесс управления многоквартирными домами. На основе проведённого исследования предлагаются эффективные инструменты по совершенствованию правового регулирования механизмов управления многоквартирными домами. Материал представляет интерес для специалистов в области жилищного права, управляющих компаний, а также собственников жилых помещений, заинтересованных в повышении эффективности управления общим имуществом.

Ключевые слова: Жилищный кодекс РФ, общее имущество, общее собрание собственников, товарищество собственников жилья, многоквартирный дом, жилищный кооператив, управляющая организация, управление многоквартирным домом, договор управления, непосредственное управление.

Согласно пункту 6 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации¹ (далее — ЖК РФ), многоквартирный дом (далее — МКД) представляет собой комплекс, состоящий как минимум из двух квартир. Каждая из этих квартир должна иметь выход либо на придомовую территорию, либо в общие зоны. Внутренняя структура МКД включает в себя как частные помещения (квартиры и нежилые площади), так и общее имущество, к которому относятся лестничные клетки, коридоры, подъезды, крыши, лифты и инженерные сети.

Многоквартирный дом можно рассматривать как жилое здание, которое сочетает в себе как индивидуальные, так и общие пространства, принадлежащие различным владельцам. МКД является не только объектом управления и технического учета, но и ключевым элементом градостроительной структуры, который формирует кварталы, микрорайоны и влияет на общую городскую среду.

Управление МКД представляет собой комплексную задачу, охватывающую сферы гражданского, жилищного и административного законодательства. Эффективное осуществление этой деятельности требует глубокого знания юридических тонкостей, а также прав и обязанностей всех вовлеченных сторон. Основными участниками данного процесса выступают собственники помещений, управляющие организации (далее — УО), товарищества собственников жилья (далее — ТСЖ), а также поставщики коммунальных ресурсов.

Управление МКД направлено на обеспечение комфортных и безопасных условий для проживания граждан. Ключевые задачи включают поддержание общего имущества дома в надлежащем состоянии, регулирование вопросов его использования и бесперебойное предоставление жителям коммунальных услуг.

В соответствии с ЖК РФ и Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ), управление МКД осуществляется на основе следующих принципов.

1. Приоритет воли собственников — выбор способа управления (непосредственное, ТСЖ/ЖСК, управляющая компания) определяется общим собранием (ст. 161 ЖК РФ)³⁸.

¹Жилищный кодекс Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

2. Договорная основа — отношения между собственниками и управляющей организацией строятся на договоре управления (ст. 162 ЖК РФ)³⁸.

3. Имущественная обособленность — общее имущество МКД принадлежит собственникам на праве долевой собственности (ст. 36 ЖК РФ, ст. 290 ГК РФ)¹.

ЖК РФ определяет правовые рамки для управления многоквартирными домами, предоставляя собственникам помещений свободу выбора из трех основных моделей организации управления. Эти варианты, закрепленные законодательно, включают в себя:

1. Самостоятельное управление, где собственники помещений берут на себя непосредственное управление домом.

2. Управление через объединение путем создания ТСЖ, жилищного или иного специализированного потребительского кооператива для управления домом.

3. Управление через управляющую организацию. Передача функций управления специализированной управляющей компании.

В соответствии со статьей 161 ЖК РФ³⁸, собственники обязаны выбрать один из этих способов. Решение о выборе, а также о его изменении, принимается на общем собрании собственников путем голосования.

В сфере управления МКД не существует универсального решения, лишенного недостатков. Поэтому целесообразно проанализировать ключевые особенности и слабые стороны различных моделей управления. Например, непосредственное управление, когда жильцы самостоятельно отвечают за содержание общего имущества, минуя управляющие компании или ТСЖ. Эта форма обычно практикуется в небольших домах, где число квартир не превышает тридцати.

Данный способ регулируется ст. 164 ЖК РФ и предполагает, что каждый владелец квартиры напрямую заключает договоры с ресурсоснабжающими и обслуживающими организациями, например, с поставщиками электроснабжения, водоснабжения, теплоснабжения, обращения с твердыми коммунальными отходами и т.д.

К преимуществам данного способа управления МКД относятся: отсутствие посредников (управляющих компаний), что может сни-

¹Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

зитель затраты жильцов дома; прямой контроль над качеством услуг и расходом средств; гибкость в выборе подрядчиков. К недостаткам можно отнести высокую нагрузку на собственников, т.е. необходимо самостоятельно согласовывать решения, вести документацию, а также риск разногласия между жильцами, который может блокировать процесс управления домом.

На основании вышеизложенного, приходим к выводу, что непосредственное управление МКД — это форма самоорганизации собственников помещений, которая требует высокой правовой грамотности и активности жильцов. Несмотря на потенциальную экономию, данный способ управления МКД сопряжён с организационными сложностями, что ограничивает его распространение.

Управление МКД — комплексная задача, требующая профессиональных знаний в различных областях. Зачастую, жильцы не обладают достаточной компетенцией для эффективного управления и обслуживания общедомового имущества.

В качестве альтернативы, собственники квартир могут объединиться для самостоятельного управления домом. Наиболее распространённые формы таких объединений — ТСЖ и жилищные кооперативы.

ТСЖ — это некоммерческая организация, созданная владельцами квартир для совместного управления общим имуществом. Основная цель ТСЖ — обеспечение надлежащего содержания дома и предоставление коммунальных услуг. Правовые основы деятельности ТСЖ закреплены в статье 135 ЖК РФ¹.

Жилищные кооперативы, в свою очередь, представляют собой объединения граждан и/или организаций, основанные на членстве. Они создаются для решения жилищных вопросов, включая строительство, реконструкцию и, что важно, управление многоквартирными домами [1, с. 114].

Жители МКД нередко считают, что наиболее действенным способом управления является создание ТСЖ или специализированного кооператива. Такое мнение объясняется непосредственным участием владельцев квартир в принятии решений, что способствует оперативному решению вопросов, касающихся общего имущества, и обеспечивает открытость финансовых потоков.

¹Жилищный кодекс Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

Тем не менее, при выборе оптимальной формы управления необходимо учитывать ряд важных аспектов. Законодательство, регулирующее деятельность жилищных кооперативов, включая ЖСК, во многом опирается на устаревшие нормы, сформировавшиеся еще в советское время.

Существенное различие заключается и в целях создания ТСЖ и, к примеру, ЖСК, а также в этапах их формирования. ТСЖ создается после завершения строительства и ввода дома в эксплуатацию, объединяя собственников для управления уже существующим жилым фондом. ЖСК же, напротив, организуется на этапе строительства с главной целью — обеспечить своих членов жильем. Эти различия определяют разные приоритеты и стратегии управления.

Управление МКД через ТСЖ или ЖСК — это метод, имеющий как плюсы, так и минусы. К преимуществам относятся: отсутствие лицензирования, быстрое принятие решений, самостоятельный подбор персонала и возможность модернизации инфраструктуры за счёт сотрудничества с соседними домами. Отсутствие конкуренции также способствует эффективной работе.

Вместе с тем, такой подход сопряжен с определёнными трудностями: нехваткой финансирования, проблемами с оплатой со стороны собственников (особенно владельцев коммерческих помещений), необходимостью активного взаимодействия жильцов и риском злоупотреблений со стороны руководства из-за недостаточного контроля.

ТСЖ и ЖК являются важными формами самоорганизации собственников жилья, однако их эффективность зависит от чёткого правового регулирования и активности участников. Совершенствование законодательства в этой сфере должно быть направлено на снижение бюрократических барьеров, повышение прозрачности управления и предотвращение злоупотреблений.

Вместо самостоятельного управления многоквартирным домом собственники могут прибегнуть к услугам профессионального управляющего. Этот подход, часто называемый «сторонним управлением», подразумевает передачу прав и обязанностей по управлению специализированной организации. Основанием для этого служит договор управления, заключаемый между владельцами помещений и выбранной управляющей компанией [2, с. 22].

Управляющая организация (далее — УО) — это коммерческое предприятие, которое на договорной основе предоставляет услуги

по управлению многоквартирным домом. Ключевыми особенностями таких организаций являются: оказание услуг за плату и наличие лицензии, дающей право на осуществление данной деятельности; ответственность за надлежащее содержание общего имущества. К преимуществам выбора данного способа управления относятся: профессиональный подход (УО обладает штатом квалифицированных специалистов); экономия времени собственников (полное освобождение жильцов от организационных вопросов, централизованное решение всех проблем содержания дома); финансовая прозрачность, при условии добросовестной работы УО (регулярная отчетность перед собственниками, возможность проверки расходов через Государственную информационную систему жилищно-коммунального хозяйства); ответственность по закону (лицензирование деятельности, возможность привлечения к административной и гражданской ответственности). К недостаткам относятся: риск недобросовестности (возможность завышения тарифов и скрытых платежей, нецелевое использование средств собственников); ограниченный контроль собственников (зависимость качества услуг от добросовестности УО, сложность смены УО), финансовые риски (возможность банкротства УО с последующими долгами, сложности взыскания ущерба через суд). Управление через УО это наиболее удобный и распространённый способ организации содержания общедомового имущества при условии тщательного выбора компании и постоянного контроля со стороны совета дома.

Таким образом, существующие способы управления многоквартирным домом имеют свои преимущества и недостатки.

Определение и изменение способа управления МКД является обязанностью собственников помещений. Данный процесс должен осуществляться строго в соответствии с законодательно установленной процедурой. Важнейшим этапом является проведение общего собрания собственников, которое обязано соответствовать всем требованиям закона, поскольку его решения становятся обязательными для исполнения всеми собственниками помещений.

Если собственники не выбрали способ управления, не смогли его реализовать, или управляющая организация не была назначена (например, в случае несостоявшегося открытого конкурса по ее отбору), законодательство предусматривает механизм временного управления. В такой ситуации, согласно пункту 17 статьи 161 ЖК

РФ и Постановлению Правительства РФ от 21.12.2018 № 1616¹, управление переходит к управляющей организации, имеющей соответствующую лицензию. Назначение этой организации производится органами местного самоуправления в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Управление, осуществляемое временно назначенной организацией, продолжается до тех пор, пока собственники не определяют способ управления или не заключат договор с управляющей организацией, выбранной ими либо по итогам открытого конкурса, предусмотренного частью 4 указанной статьи. Однако срок такого временного управления ограничен и не может превышать один год.

Эффективное управление МКД — залог комфортного и безопасного проживания. Выбор способа управления и знание жилищного законодательства РФ играют здесь ключевую роль. Анализ трёх моделей управления показал, что каждая имеет свои плюсы и минусы. Обеспечение качественных коммунальных услуг и надлежащее содержание общего имущества — основа решения этой задачи.

К сожалению, на практике собственники сталкиваются с рядом проблем: низким качеством услуг, недобросовестностью управляющих компаний, трудностями с фондом капитального ремонта, взысканием долгов и взаимодействием с ресурсоснабжающими организациями. Преодолеть эти препятствия возможно лишь при совместных усилиях государства и собственников, а также путем дальнейшего совершенствования законодательства. Актуальность эффективного управления МКД не вызывает сомнений, поскольку напрямую влияет на качество жизни жильцов.

Также существуют и иные проблемы, сложившиеся в сфере жилищно-коммунального хозяйства: инертность собственников, выражающаяся в нежелании участвовать в решении вопросов хозяйствования многоквартирных домов, низкая активность на собраниях, отсутствие обязательств и чувства собственности к общедомовому

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2018 № 1616 «Об утверждении Правил определения управляющей организации для управления многоквартирным домом, в отношении которого собственниками помещений в многоквартирном доме не выбран способ управления таким домом или выбранный способ управления не реализован, не определена управляющая организация, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

имуществу в целом, изношенность инфраструктуры, низкая платежеспособность граждан.

На наш взгляд, необходимо совершенствовать механизм правового регулирования управления МКД, ужесточить требования и усилить контроль за деятельностью УО, включая техническую базу и квалификацию персонала, усилить контроль за тарифами на жилищно-коммунальные услуги (далее — ЖКУ) и их обоснованностью. Также рассмотреть возможность создания государственных управляющих компаний для управления проблемными домами либо предусмотреть финансирование УО для надлежащего обслуживания проблемных МКД, рассмотреть возможность введения административного воздействия на собственников, которые являются злостными неплательщиками ЖКУ. Также необходимо предусмотреть создание информационно-обучающих платформ для повышения грамотности по исполнению прав и обязанностей, как собственников помещений МКД, владению, пользованию и содержанию общим имуществом МКД.

Литература

1. Белолипецкий С. А. Управление многоквартирными домами. Теория и практика. Москва: Проспект, 2016. 270 с.
2. Жульева О. Е. Структура договорных отношений в сфере управления многоквартирным жилым домом // Право и политика. 2008. № 2. С. 17–23.

MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE LEGAL ASPECT

Ochirova Saiana Purbadashievna

1 yearmaster's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
sayana_otchirova@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
marina.naletova.68@mail.ru

The article provides a definition of the concept of «apartment building». The article examines the main methods of managing apartment buildings, which are currently provided for by the current legislation of the Russian Federation. The key forms of management are considered: direct management by owners, management through a homeowners' association or a housing cooperative or other specialized consumer cooperative, and specialized management organizations. The author analyzes the advantages and disadvantages of each management method. The regulatory legal acts were studied and an analysis of the legislation regulating the process of managing apartment buildings was conducted. Based on the conducted research, effective tools are proposed for improving the legal regulation of mechanisms for managing apartment buildings. The material is of interest to specialists in the field of housing law, management companies, as well as owners of residential premises interested in improving the efficiency of common property management.

Keywords: Housing Code of the Russian Federation, common property, general meeting of owners, homeowners association, apartment building, housing cooperative, management organization, management of an apartment building, management agreement, direct management.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСЕДСКОГО ПРАВА РОССИИ

© Петрова Марина Евгеньевна

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

petrovamarina526@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам соседского права в современной России. В статье изучаются сложные отношения между соседями с акцентом на развитие правового регулирования этих взаимодействий. Анализируются исторические истоки соседского права и его трансформация до современных правовых норм. Особое внимание уделено практике, связанной с нарушением допустимых уровней шума. Рассматриваются вопросы возникновения и функционирования норм, регулирующих взаимоотношения собственников недвижимых объектов, расположенных вблизи друг от друга. Особое внимание уделено сложностям в установлении границ земельных участков, защите субъективных прав собственников, правилам размещения инфраструктурных объектов и порядку разрешения жилищных конфликтов. В статье также рассматриваются проблемы в текущем законодательстве и предлагаемые законодателями решения этих проблем. В заключение приводятся рекомендации по улучшению нормативно-правовой базы с целью повышения эффективности разрешения конфликтов между соседями.

Ключевые слова: соседские правоотношения, конституционные права, недвижимость, право собственности, земельный участок, жилищные конфликты, соседские права, соседи, нормативные акты, территория, взаимоотношения.

На первый взгляд, соседские правоотношения могут казаться частными и незначительными, однако они тесно связаны с основополагающими конституционными правами граждан. Для обеспече-

ния гармоничного сосуществования в обществе необходимо уважение к правам и свободам каждого человека. Нарушение принципов добрососедства нередко ведет к нарушению конституционных прав: права на неприкосновенность жилища (статья 25 Конституции РФ), права на частную собственность (статья 35 Конституции РФ), права на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции РФ), права на жилище (статья 40 Конституции РФ)¹.

Под соседским правом понимается совокупность нормативных актов и судебных решений, направленных на регулирование взаимоотношений собственников недвижимости, расположенных на соседних участках или имеющих общие границы территорий [1, с. 97]. Данное право включает нормы земельного, жилищного, градостроительного, экологического и иных отраслей законодательства. Основные направления соседского права охватывают следующие вопросы:

- пользование общими границами земель;
- установление сервитутов и предоставление соседним владельцам права ограниченного пользования участком;
- урегулирование конфликтных ситуаций относительно расположения построек и сооружений;
- защита личных прав и свобод одного собственника от нарушений другим лицом, проживающим по соседству.

В российском законодательстве практически отсутствуют нормы, регулирующие соседские права. Тем не менее, теоретическое изучение этого явления важно для будущего развития законодательства, связанного с соседскими спорами.

Соседские права, будучи естественными по своему происхождению, были известны еще римскому частному праву, они были закреплены в Законах «О соседских правах» [2, с. 123]. В России одними из первых, кто высказался о возникновении соседских правоотношений, был Виниченко Ю. В. Он отмечал, что соседские отношения возникли в процессе перехода славян, как и других древних племен, от первобытной (родовой) общины к крестьянской (соседской) общине, отличительной чертой которой является сочета-

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=marr55j7ep695871621

ние индивидуальной собственности на дом, приусадебный участок, а затем и на пашню. С этого момента в обществе начинают складываться правила взаимодействия членов общины, которые можно отнести к соседским отношениям. Считается, что соседские отношения возникли с появлением именно индивидуальной собственности. Например, в Русской Правде уже можно найти первые нормы соседского права, где статья 34 Краткой редакции устанавливала ответственность за повреждение или уничтожение межевых знаков, а статьи 71, 72 и 73 Пространной редакции предусматривали ответственность за порчу межевых знаков на соседских участках [3, с. 21]. Большинство исследователей связывают упоминание соседского права с Соборным Уложением 1649 года, где устанавливалась имущественная ответственность за возведение плотин, мельниц и других сооружений, наносящих ущерб соседним земельным участкам, сенокосам и прочим территориям. Важным этапом в правовом регулировании соседских отношений стал Проект Гражданского Уложения Российской империи 1910 года. В нем был предусмотрен специальный раздел «Ограничения права собственности на пользу соседей», содержащий нормы, которые обязывали и ограничивали права собственников для защиты законных интересов соседей [4, с. 22]. В научной литературе обсуждается вопрос о развитии соседского права в Советский период, учитывая запрет частной собственности.

Некоторые исследователи полагают, что в условиях Советского государства говорить о соседском праве в его традиционном понимании было невозможно. Данная позиция не является полностью правильной, корректнее утверждать, что в Советском государстве подобные отношения существовали, но не были прямо урегулированы нормами права. Это связано с тем, что соседские отношения формируются независимо от права собственности на объект [5, с. 209].

Действующее законодательство не раскрывает содержание понятия «соседи» и не определяет, какие земельные участки считаются соседними. Однако определенные представления об этом предмете были применены в практике правоприменительных органов. Так, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2010 г. по делу № А41-36794/09¹, где истец являлся вла-

¹ Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2010 г. по делу № А41-36794/09. Доступ из справ.-правовой системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/41787374/> (дата обращения: 10.05.2025).

дельцем земельного участка, а ответчик пользовался этим земельным участком на договорной основе, отмечено, что «правоотношения, возникшие между сторонами, относятся к так называемым «соседским» правам, когда различные субъекты гражданских правоотношений предъявляют определенные права в отношении одного и того же объекта». В общем смысле, соседским правом следует считать право лица на определенное недвижимое имущество, которое является смежным с другим недвижимым имуществом или расположено в непосредственной близости к нему.

Анализ действующего законодательства ясно показывает отсутствие систематизации в правовом регулировании соседских отношений. Эти отношения упоминаются в различных нормативных актах как напрямую, так и косвенно. Например, косвенное упоминание интересов соседей можно найти в Конституции РФ, где, согласно пункту 3 статьи 17, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В нормах Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) термин «соседи» присутствует в контексте регламентации поведения собственников или нанимателей жилых помещений. Так, согласно п. 4 ст. 687 ГК РФ¹ наймодатель обязан уведомить нанимателей о необходимости устранения нарушений, связанных с нецелевым использованием жилого помещения или систематическим нарушением прав соседей, если предупреждение не возымает действие, то он вправе в судебном порядке расторгнуть договор. Статья 287.7 ГК РФ² определяет ответственность владельца жилого помещения, в случае систематического нарушения прав соседей или небрежного содержания жилья, что ведет к его нарушению. Органы местного самоуправления вправе уведомить такого собственника о необходимости устранения нарушений и установить срок для проведения ремонта. Если требования не будут выполнены, власти могут подать в суд заявление о принудительной продаже данного помещения с передачей владельцу средств, полученных от продажи.

Одним из ключевых аспектов конфликта между соседями являются споры относительно установления фактических границ участ-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации № 14-ФЗ от 26 января 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 687. П. 4.

² Там же. Ст. 287.7. П. 4.

ка. Согласно ст. 6 Земельного кодекса РФ¹, граница должна устанавливаться таким образом, чтобы исключить наложение на территорию соседнего участка. Вместе с тем судебная практика показывает отсутствие единого подхода к решению пограничных споров, что ведет к возникновению большого количества судебных дел и продолжительным тяжбам.

Важно отметить, что законодательство предусматривает некоторые механизмы защиты собственности, однако судебная практика свидетельствует о сложности реализации этих мер в реальной жизни. Примером может служить проблема шумового загрязнения, возникающая вследствие громкого поведения соседей [10, с. 17]. Гражданский кодекс РФ устанавливает необходимость возмещения ущерба владельцу, однако получение компенсации осложняется отсутствием детализированных правил и критериев расчета убытков.

Актуальной проблемой остается отсутствие согласованной правовой базы, которая создает условия для самовольного строительства зданий и сооружений, негативно воздействующих на интересы ближайших соседей. Зачастую размещение забора, гаража или хозяйственных построек нарушает строительные нормы и правила, что становится причиной длительных разбирательств и напряженности между владельцами.

Жилищное законодательство допускает ситуацию, при которой соседи вынуждены терпеть неудобства, обусловленные неправомерными действиями жильцов квартир. Сложности заключаются в недостаточной ясности понятий жилого помещения, уровня шума, порядка эксплуатации общего имущества многоквартирного дома и обязанностей управляющей компании. Предложение возможных путей решения существующих проблем:

- Необходимо разработать унифицированные критерии фиксации межевых знаков и установления границ территории, закрепить процедуру согласования границы законодательно и обеспечить доступ всех заинтересованных лиц к картографической документации.
- Следует дополнить законодательство нормами, определяющими ответственность владельцев недвижимого имущества за нарушение тишины и покоя окружающих, установить фиксирован-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25 октября 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 6.

ный порядок исчисления морального вреда и внедрить эффективные способы досудебного урегулирования споров.

- Целесообразно предусмотреть специальные процедуры обязательного согласования любых строительных работ, предполагающие участие и согласие сторонних землевладельцев.

- Для предотвращения подобных случаев необходимо ужесточить требования к качеству предоставляемого жилья, определить обязательные меры по соблюдению санитарных норм и прописать конкретные обязанности управляющих компаний.

Развитие современного российского соседского права требует детального изучения и учета мнений всех участников общественных отношений. Проблема соседских взаимоотношений выходит далеко за рамки простых бытовых конфликтов и касается основополагающих конституционных гарантий права собственности и неприкосновенности частной жизни каждого гражданина. Предлагаемые в работе рекомендации позволят существенно снизить количество конфликтных ситуаций, повысить уровень доверия и взаимопонимания между гражданами, живущими бок о бок друг с другом, а также сделать российское законодательство в сфере соседского права более гибким и эффективным инструментом социальной справедливости и поддержания общественного спокойствия.

Литература

1. Соседское право в России. Исторические начала и подходы к пониманию / Ю. В. Виниченко, Н. П. Асланян, О. А. Поротикова и др. Москва: Юриспруденция, 2014. С. 21–30.

2. Виниченко Ю. В. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1(19). С. 21–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedskoe-pravo-i-pravo-sobstvennosti-vopros-vzaimosvyazi-istoriko-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 10.05.2025).

3. Виниченко Ю. В. Возникновение соседских отношений и соседского права в России // Пролог: журнал о праве. 2013. № 1. С. 20–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-sosedskih-otnosheniy-i-sosedskogo-prava-v-rossii> (дата обращения: 10.05.2025).

4. Емелькина И. А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве // Учен. зап. Казан. ун-

та. Сер. Гуманит. науки. 2016. № 2. С. 1–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-instituta-sosedsckogo-prava-v-rossiyskom-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 10.05.2025).

5. Емелькина И. А., Сюбаева Ю. Д. Соседское право в гражданском праве Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, США: сущность и закономерности развития // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedsckoe-pravo-v-grazhdanskom-prave-germanii-avstrii-shveytsarii-frantsii-ssha-suschnost-i-zakonmernosti-razvitiya> (дата обращения: 10.05.2025).

6. Курмаева Ю. Д. «Соседское право» как самостоятельный институт гражданского права // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2017. № 2(51). С. 96–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedsckoe-pravo-kak-samostoyatelnyy-institut-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 10.05.2025).

7. Сериков Р. И. Правовое регулирование соседских отношений в дореволюционной России и в советский период // Территория науки. 2014. № 2. С. 208–215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sosedsckih-otnosheniy-v-dorevoljutsionnoy-rossii-i-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 10.05.2025).

CURRENT ISSUES OF NEIGHBOR LAW IN RUSSIA

Petrova Marina Evgenievna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

petrovamarina526@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

marina.naletova.68@mail.ru

The article is devoted to the current problems of neighbor law in modern Russia. The article studies the complex relationships between neighbors with an emphasis on the development of legal regulation of these interactions. The historical origins of neighbor law and its transformation to modern legal norms

are analyzed. Particular attention is paid to the practice associated with the violation of permissible noise levels. The issues of the emergence and functioning of the rules regulating the relationship between owners of real estate located near each other are considered. Particular attention is paid to the difficulties in establishing the boundaries of land plots, protecting the subjective rights of owners, the rules for the placement of infrastructure facilities and the procedure for resolving housing conflicts. The article also considers the problems in the current legislation and the solutions to these problems proposed by legislators. In conclusion, recommendations are given for improving the regulatory framework in order to increase the effectiveness of resolving conflicts between neighbors.

Keywords: neighbor legal relations, constitutional rights, real estate, property rights, land plot, housing conflicts, neighbor rights, neighbors, regulations, territory, relationships.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СТАНДАРТЫ ДОПУСТИМОСТИ И ОЦЕНКИ

© Плеханов Илья Дмитриевич

студент 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
fedoreko123@mail.ru

© Федоренко Кирилл Юрьевич

студент 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
fedoreko123@mail.ru

Научный руководитель:

Липатова Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
fedoreko123@mail.ru

Статья посвящена анализу правового режима электронных доказательств в гражданском процессе в условиях цифровизации судопроизводства. Рассматриваются типы цифровых доказательств, включая электронные документы, сообщения, метаданные, аудио- и видеозаписи. Раскрываются ключевые критерии, предъявляемые к электронным доказательствам: допустимость, относимость, достоверность и достаточность. Особое внимание уделено квалифицированной электронной подписи и нотариальному удостоверению как инструментам подтверждения подлинности. Описываются механизмы технической проверки, включая экспертизу и участие специалистов. Обозначены проблемы нормативного регулирования и предложены пути их устранения: законодательное закрепление понятий, создание цифровой платформы и стандартизация экспертиз. Подчеркивается необходимость системного подхода к цифровым доказательствам. В условиях стремительной цифровой трансформации правовой системы развитие теоретических основ и нормативной базы электронных доказательств становится ключевым условием обеспечения справедливого правосудия.

Ключевые слова: электронные доказательства, допустимость, достоверность, доказательственная сила, квалифицированная электронная подпись, идентификация, цифровая экспертиза, нотариус, гражданский процесс, цифровизация.

Цифровизация правовой сферы кардинально изменила доказательственную деятельность в гражданском процессе. Электронные доказательства все чаще становятся основой судебного разбирательства. Однако их использование сопровождается рядом сложностей, связанных с определением правового статуса, стандартов допустимости и специфики оценки. Необходимость четкого регулирования обращения с такими доказательствами приобретает первостепенное значение в условиях цифровой трансформации судопроизводства.

Электронные доказательства представляют собой сведения о фактах, имеющих значение для дела, зафиксированные в цифровой форме. На практике выделяются следующие виды: 1) электронные документы, созданные непосредственно в цифровом формате; 2) электронные образы бумажных документов, к которым можно отнести, например, скан-копии; 3) сообщения в электронной почте и мессенджерах; 4) аудио- и видеозаписи, хранящиеся на электронных носителях; 5) технические метаданные, а именно IP-адреса, временные метки, лог-файлы и др. Также следует различать электронный документ и его цифровую копию — юридическая значимость этих объектов различна и зависит от наличия признаков подлинности и неизменности.

Допустимость доказательств регулируется положениями ст. 55–71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), но важно отметить, что помимо допустимости, при рассмотрении электронных доказательств суд учитывает их относимость, достоверность и достаточность [2]. Эти критерии, применяемые ко всем видам доказательств в гражданском процессе, имеют важную роль при оценке цифровых данных, требующих надлежащей интерпретации и технической проверки. основополагающие критерии допустимости электронных доказательств включают: подлинность, которая обеспечивается с помощью квалифицированной электронной подписи (далее — КЭП), что установлено Федеральным законом № 63-ФЗ от 06.04.2011; целостность, т.е. отсутствие признаков изменения данных; законность получения, что

означает, что сведения не должны быть получены с нарушением закона; идентифицируемость, т.е. возможность однозначного установления источника доказательства [6]. Также дополнительные ориентиры для судов сформулированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57, где разъясняется порядок представления и оценки электронных доказательств [5].

Следует отметить особую роль в обеспечении допустимости цифровых данных нотариата. Нотариус выполняет следующие действия: может удостоверить равнозначность электронного и бумажного документа; зафиксировать содержание интернет-страниц и переписки; обеспечить доказательства с использованием реестра нотариальных действий. Документы, удостоверенные нотариусом, обладают повышенной доказательственной силой и не требуют дополнительного доказывания в соответствии с ч. 5 ст. 61 ГПК РФ [4]. Немаловажную роль в подтверждении достоверности электронных документов играет КЭП. В отличие от нотариального акта, КЭП обеспечивает автоматическое признание электронного документа равнозначным бумажному, при условии, что подпись создана с использованием сертифицированных средств и основана на квалифицированном сертификате, выданном аккредитованным удостоверяющим центром. Такая подпись имеет силу простой письменной формы и согласно п. 2 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации, допускается как юридически значимая во всех правоотношениях, включая страховые договоры, заключенные дистанционно [1]. Использование КЭП критически важно в случае, когда стороны взаимодействуют исключительно в цифровой среде, без участия нотариуса. Отсутствие КЭП влечёт риски непризнания документа надлежащим доказательством, особенно при возникновении спора о его происхождении, содержании или моменте подписания. Таким образом, КЭП становится не просто техническим элементом документооборота, но и гарантией юридической достоверности и подлинности в рамках гражданско-правовых отношений.

Согласно ст. 67 ГПК РФ, все представленные в процессе доказательства, подлежат оценке судом, которое построено на внутреннем убеждении, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении дела [2]. Однако, при работе с электронными доказательствами, в отличие от традиционных письменных документов, требуется проведение дополнительных технических процедур, направленных на проверку их достоверности и подлинности [3, с.

334]. В частности, это включает анализ метаданных (даты и времени создания, последнего изменения, источников происхождения документа), проверку целостности файла с помощью хеш-сумм и, при необходимости, назначение компьютерно-технической экспертизы, особенно в случае сомнений в аутентичности предоставленных материалов.

При этом суд вправе, на основании части 2 статьи 79 ГПК РФ, привлечь специалиста, обладающего специальными знаниями в области информационных технологий, для дачи разъяснений по вопросам, связанным с техническими характеристиками электронного документа, особенностями формирования КЭП, структурой метаданных или признаками возможного вмешательства в файл [2]. Такие пояснения могут оказать существенное влияние на формирование убеждения суда относительно достоверности доказательства.

Кроме того, в целях верификации подлинности КЭП, суд может направить запрос в аккредитованный удостоверяющий центр, выдавший соответствующий квалифицированный сертификат. В рамках такого запроса подтверждается, что электронная подпись была создана определенным лицом, в рамках действия соответствующего сертификата, с использованием сертифицированных средств криптографической защиты информации. Это позволяет исключить случаи фальсификации электронной подписи и обеспечить необходимый уровень достоверности представленного электронного документа.

Среди ключевых проблем, возникающих при обращении с электронными доказательствами в гражданском судопроизводстве, следует отметить отсутствие в действующем законодательстве единого правового определения электронного доказательства, непроработанность нормативных критериев достоверности данных, полученных из интернет-источников и мессенджеров, ограниченные возможности проведения цифровой экспертизы в судах общей юрисдикции, а также нерегламентированность процедур хранения, передачи и последующей верификации электронных материалов. Для устранения данных проблем представляется целесообразным законодательное закрепление в ГПК РФ специальной статьи, регламентирующей правовой статус, виды и критерии допустимости электронных доказательств; создание государственной цифровой платформы судебного документооборота с возможностью автоматической проверки подлинности электронных материалов; расширение

полномочий нотариуса при удостоверении электронных документов и фиксации цифровых следов; а также разработка единых стандартов цифровой судебной экспертизы, которые будут учитывать специфику технического анализа информации, представляемой в электронной форме [7].

Электронные доказательства в настоящее время выступают неотъемлемым компонентом гражданского судопроизводства, отражая цифровую трансформацию правоприменительной практики. В то же время их процессуальный режим остается фрагментарным и требует как нормативного, так и технического уточнения. Установление единых и четко сформулированных стандартов допустимости, относимости и достоверности электронных доказательств представляется необходимым условием обеспечения состязательности и равенства сторон, а также надлежащего уровня судебной защиты. В условиях формирования электронного правосудия приоритетной задачей правовой науки и законодательства является разработка сбалансированного подхода к регулированию обращения с цифровыми доказательствами — подхода, который гармонично сочетал бы фундаментальные принципы гражданского процесса с современными возможностями информационных технологий, обеспечивая тем самым эффективность и справедливость правосудия в цифровую эпоху.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 2024. № 33, ч. 1. Ст. 4933.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1587.

3. Обертяева Д. А., Чугурова Т. В. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе // Вопросы студенческой науки. 2020. № 5(45).

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 г. Утверждены Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // РГ. 1993. № 49; СЗ РФ. 2024. № 53, ч. 1. Ст. 8531.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в дея-

тельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // РГ. 2017. № 297.

6. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036; СЗ РФ. 2024. № 53, ч. 1. Ст. 8531.

7. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3889.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: STANDARDS OF ADMISSIBILITY AND EVALUATION

Plekhanov Ilya Dmitrievich
3rd year student,
Saratov State Law Academy
Russian Federation, Saratov
fedoreko123@mail.ru

Fedorenko Kirill Yurievich
3rd year student,
Saratov State Law Academy
Russian Federation, Saratov
fedoreko123@mail.ru

Lipatova Tatiana Borisovna
candidate of Law, Associate Professor
Saratov State Law Academy
Russian Federation, Saratov
fedoreko123@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the legal regime of electronic evidence in civil proceedings in the context of the digitalization of legal proceedings. The types of digital evidence are considered, including electronic documents, messages, metadata, audio and video recordings. The key criteria for electronic evidence are disclosed: admissibility, relevance, reliability and sufficiency. Special attention is paid to qualified electronic signatures and notarization as authentication tools. The mechanisms of technical verification, including expertise and the participation of specialists, are described. The problems of regulatory regulation are identified and ways to eliminate them are proposed:

legislative consolidation of concepts, creation of a digital platform and standardization of expertise. The need for a systematic approach to digital evidence is emphasized. In the context of the rapid digital transformation of the legal system, the development of the theoretical foundations and regulatory framework of electronic documents.

Keywords: electronic evidence, admissibility, reliability, evidentiary power, qualified electronic signature, identification, digital expertise, notary, civil procedure, digitalization.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС И РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЛОГЕРОВ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

© Пунцукова Мэдэгма Мункоевна

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

rmedega@mail.ru

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В настоящей статье, опираясь на актуальное законодательство Российской Федерации и зарубежный опыт, рассмотрены ключевые вопросы правового статуса блогеров, необходимость правового регулирования их деятельности, а также уже существующие в данной отрасли законодательные нормы. Анализируются причины необходимости правового контроля за блогерской деятельностью, включая влияние на общественное мнение, экономическую легализацию доходов и обеспечение информационной безопасности. Особое внимание уделяется юридически значимым аспектам, таким как налогообложение, ответственность за содержание информации и её распространение. Обзор действующих законодательных норм, позволяет выявить основные пробелы российского законодательства, связанные с отсутствием четкого определения понятия «блогер», недостаточной регламентацией ответственности за дезинформацию и отсутствием системы контроля качества предоставляемых услуг. Статья подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования правового поля для эффективного регулирования блогерской деятельности в условиях информационного общества.

Ключевые слова: интернет, блог, блогер, инфлюенсер, блогосфера, социальная сеть, правовой статус, правовое регулирование, анализ законодательства, информационное право, информационное общество.

Средства массовой информации (СМИ) играют ключевую роль в современном обществе. В эпоху стремительного развития технологий информация стала доступной мгновенно и в огромных объемах, что усилило её значение как ресурса, влияющего на политику, экономику и повседневную жизнь. Блогер — это человек, который создаёт и публикует информацию, так называемый «контент» в интернете на онлайн-платформах, таких как личный сайт, блог-платформа, социальные сети, видеохостинги или сервисы подкастов. Популярность блогинга обусловлена доступностью и оперативностью подачи материала, персонализацией информации, а также высокой интерактивностью, позволяющей пользователям участвовать в обсуждениях и формировать собственное мнение. В отличие от традиционных СМИ, блогеры часто воспринимаются как более независимые и креативные источники информации, что привлекает молодую аудиторию и способствует быстрому росту их влияния в информационном пространстве.

В период с 2014 по 2017 годы в тексте статьи 10.2 Федерального закона Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ термином «блогер» обозначался «владелец сайта и (или) страницы в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети. Такой подход не отражал стремительно развивающуюся действительность и после трех лет своего существования норма была отменена. До сих пор отсутствует универсальное определение данному термину в отечественном праве, что является проблемой и затрудняет применение норм. Более того, нет единого понимания сущности такой категории, как «блогосфера», поскольку в разных нормативных правовых актах она сводится либо к сетевому ресурсу, либо к средству коммуникации, либо к технологии распространения информации [5, с. 2]. Если говорить о зарубежной практике, например в странах ЕС и США, блогеры зачастую классифицируются как медиапроизводители или «инфлюенсеры», чья деятельность регулируется преимущественно в контексте законодательства о рекламе. Руководство по толкованию и приме-

¹ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

нению Директивы 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета¹, касающейся недобросовестной коммерческой практики по отношению к потребителям на внутреннем рынке, в п. 4.2.6 определяет понятие «инфлюенсер» (от англ. «influence» — «влияние») как «физическое лицо или виртуальную организацию, имеющую охват на соответствующей платформе выше среднего». На уровне национального законодательства сущность данного понятия в нормативно-правовом акте одна из первых закрепила Франция. Положения статьи 7 Закона Французской Республики № 2023-451 от 9 июня 2023 г. «О противодействии коммерческому влиянию и противодействии злоупотреблениям влиятельных лиц в социальных сетях»² определяют инфлюенсеров как физических или юридических лиц, которые добиваются своей популярности среди аудитории, чтобы сообщать общественности в электронном виде материалы, направленные на продвижение, прямо или косвенно, товаров, услуг или в иных целях, осуществляют коммерческое влияние в электронном виде. Утвердил свое определение и Совет директоров ARPP³ во Франции: инфлюенсер (блогер, видеоблогер и т. д.) — это человек, выражающий точку зрения и дающий советы в определенной области в соответствии со стилем и брендом, которые являются его собственными и идентифицируются его аудиторией⁴. В 2020 году в Испании Ассоциация саморегулирования коммерческих коммуникаций (Autocontrol) совместно с Испанской ассоциацией рекламы (АЕА) опубликовали Кодекс поведения по использованию инфлюенсеров

¹ Guidance on the interpretation and application of Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market (Text with EEA relevance) (2021/C 526/01) Стр. 526/97. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC1229\(05\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC1229(05)).

² LOI n° 2023-451 du 9 juin 2023 visant à encadrer l'influence commerciale et à lutter contre les dérives des influenceurs sur les réseaux sociaux (1) Chapitre III Article 7 I. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047663185>.

³ ARPP (Autorité de Régulation Professionnelle de la Publicité) — французская организация, которая регулирует и контролирует распространение рекламы. Не является государственным органом, а представляет собой ассоциацию саморегулирования рекламы.

⁴ COMMUNICATION D'INFLUENCEURS ET MARQUES Nouvelles dispositions adoptées dans la Recommandation ARPP. URL: <https://www.arpp.org/actualite/communication-influenceurs-marques/>.

в рекламе.¹ Под термином «инфлюенсер» понимаются «люди, имеющие высокий уровень влияния на аудиторию благодаря большому количеству подписчиков в социальных сетях и/или цифровых средствах коммуникации, воздействующие как через твиты, видео и посты, так и через сообщения в блогах или другие сообщения», к их числу так же относятся «блогеры», «ютуберы», «инстаграммеры» и «фейсбукеры» [7, с. 3].

Следует подчеркнуть, что в данных странах деятельность блогеров регулируется общими положениями рекламного права. Вместе с тем, законодательное закрепление терминов, связанных с блогингом и функционированием социальных сетей, как правило, реализуется через внесение правовых норм в законодательные акты, которые охватывают сферу СМИ, информационных технологий и массовых коммуникаций [1, с. 458].

Кроме России, где с недавнего времени действует закон об обязательной регистрации блогеров с аудиторией более 10 тысяч подписчиков в реестре Роскомнадзора, подобные требования встречаются крайне редко и в большинстве стран отсутствуют. Некоторые государства вводят различные меры контроля за контентом и регулируют интернет-деятельность в целом, но именно создание государственного реестра блогеров, позволяющего идентифицировать их личность и контролировать деятельность — это уникальная российская практика.

В 2025 году регулирование деятельности блогеров в России достигло качественно нового уровня. Сейчас, нормативно-правовыми актами, так или иначе регулирующими деятельность блогеров, являются: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях², Уголовный кодекс Российской Федерации³, Нало-

¹ Real Decreto 1138/2023, de 19 de diciembre, por el que se regulan el Registro estatal de prestadores del servicio de comunicación audiovisual. URL: https://vlex.es/vid/real-decreto-1138-2023-972797153?from_ft=1&forw=go&ft=webapp_preview&addon_version=6.7.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

говый кодекс Российской Федерации¹, Гражданский кодекс Российской Федерации², Федеральный закон «О персональных данных»³, Федеральный закон «О рекламе»⁴ и др. Нововведением в этой сфере является признание блогерства официальной профессией и введение следующих комплексных законодательных мер, направленных на упорядочение этого быстрорастущего сектора:

1. Обязательная регистрация блогеров в Роскомнадзоре. С 1 ноября 2024 года вступил в силу закон⁵, обязывающий блогеров с аудиторией более 10 тысяч подписчиков предоставлять сведения о себе в Роскомнадзор для включения в специальный реестр. Это касается не только авторов на популярных платформах, таких как YouTube и Telegram, но и владельцев публичных каналов в мессенджерах и социальных сетях. Нарушение этого требования влечёт запрет на размещение рекламы, сбор «донатов» (добровольных пожертвований) и распространения материалов таких блогеров, а также возможную блокировку их страниц интернет-площадками по требованию Роскомнадзора.

2. Были введены новые Общероссийские классификаторы видов экономической деятельности (ОКВЭД) для блогеров⁶. С 1 мая 2025 года блогерство официально приравнено к виду трудовой деятельности с выделением собственных кодов ОКВЭД, что позволяет бло-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

³ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

⁴ Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968.

⁵ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (посл. ред.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

⁶ Изменение 79/2025 ОКВЭД 2 Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) (принято и введено в действие Приказом Росстандарта от 21.03.2025 № 208-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504682/03d1ebaa5931d6afe74b250244bcb9687a170b1e/

герам легально заниматься распространением информации и рекламы в социальных сетях как основным видом деятельности. Это нововведение облегчает налоговый учёт, заключение официальных договоров, защиту авторских прав и участие в господдержке.

3. Ограничения и штрафы за рекламу в запрещённых соцсетях и без регистрации. Сейчас в реестре РКН содержатся следующие платформы: ВКонтакте, Одноклассники, TikTok, Likee, YouTube, Telegram, LiveJournal, Пикабу, Pinterest, Дзен, RuTube, Twitch и Yappy. А с 1 сентября 2025 года введён запрет на рекламу заблокированных в России иностранных соцсетях, таких как Facebook и Instagram¹. Рекламодатели и блогеры, нарушающие эти правила, будут штрафовать на суммы от 2,5 тыс. до 500 тыс. рублей в зависимости от статуса нарушителя. Аналогичные штрафы предусмотрены за размещение рекламы без регистрации в Роскомнадзоре. Владельцам страниц в заблокированных на территории РФ соцсетях не нужно регистрироваться в ведомстве.

Все вышеперечисленные нормы направлены на решение следующих задач:

- Регулирование информационного поля. Это позволяет снизить риски распространения противоправных материалов, включая экстремистский контент, фейки, призывы к нарушению закона, а также манипуляцию фактами.

- Усиление правовой ответственности. После регистрации блогеры обязаны следовать стандартам, аналогичным требованиям к СМИ. Теперь необходимо всегда маркировать рекламные публикации и проверять достоверность распространяемой информации. Соблюдать законодательные нормы, такие как защита персональных данных и запрет на пропаганду запрещенных действий.

- Контроль монетизации. Регуляторы получают инструменты для мониторинга рекламных доходов, борьбы со скрытой рекламой и нелегальным продвижением товаров или услуг.

- Защита прав аудитории. Создание реестра помогает бороться с фейковыми аккаунтами и страницами-двойниками. Наличие маркировки «А+» позволяет пользователям быстро проверить легитимность блога.

¹ Социальная сеть принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Итоговая цель, согласно официальной позиции, — систематизация цифровой среды. Большинство юристов оценивают нововведение в целом позитивно. Специалисты полагают, что принятые меры позволят эффективнее противодействовать интернет-преступлениям в цифровой среде (включая соцсети), а также повысить прозрачность деятельности популярных блогеров, что особенно актуально в текущих геополитических реалиях [6, с. 1].

Однако все еще остается большое количество пробелов в законодательстве РФ, связанного с блогерами. Приведу лишь некоторые из них: проблема с регулированием зарубежных платформ, ведь российские законы слабо воздействуют на иностранные платформы, где размещается значительная часть блогерского контента; неоднозначность в регулировании рекламы и спонсорства, ведь практика раскрытия рекламного характера контента еще не сформировалась и остаётся фрагментарной; недостаточная защита от киберпреступлений и нарушений в сфере цифровых прав и отсутствие комплексного подхода к этическим стандартам — нет обязательных норм, регулирующих этику блогерской деятельности, что приводит к распространению недостоверной информации. Одним из ярких примеров является распространение фейков во время пандемии COVID-19, когда блогеры и соцсети активно распространяли ложные сведения о причинах и способах лечения болезни, например, мифы о связи 5G с вирусом или «чудодейственных» народных средствах. Эти фейки получили широкое распространение, поскольку апеллировали к эмоциям и страхам людей, а также часто исходили от лиц, позиционирующих себя как эксперты или авторитеты. Подобные схемы обмана существуют и охватывают широкий спектр — от медицинских мифов и политических манипуляций до технологических новшеств и социальных конфликтов. Это требует комплексных мер по повышению медиаграмотности населения, последующему развитию правового регулирования ответственности блогеров и совершенствованию технических инструментов выявления и блокировки фейков.

В условиях стремительного развития информационного общества роль блогерской деятельности приобретает всё большую значимость, что требует адекватного и эффективного правового регулирования. Современные блогеры стали не только источниками массовой информации, но и важными участниками экономических и социальных процессов, влияющими на формирование общественного мнения и культурных трендов [4, с. 1–2].

Необходимость дальнейшего совершенствования правового поля определяется несколькими факторами. Во-первых, блогосфера остаётся динамичной и быстро меняющейся средой, где появляются новые форматы контента и способы взаимодействия с аудиторией, что требует гибких и своевременных законодательных ответов. Во-вторых, существующие нормы пока недостаточно полно охватывают вопросы ответственности за распространение дезинформации, манипулятивного контента и нарушения прав потребителей. В-третьих, несмотря на введение регистрации и контроля рекламы, остаются пробелы в механизмах саморегулирования и прозрачности блогерской деятельности, что подчёркивается инициативами по созданию федерального закона «О блогерах», предусматривающего обязательное указание ответственных за контент лиц и соблюдение этических стандартов.

Таким образом, совершенствование правового поля в сфере блогерской деятельности является ключевым условием для эффективного регулирования и развития этой важной составляющей современного информационного общества. Дальнейшее развитие законодательства должно обеспечить баланс между свободой выражения мнений и необходимостью защиты общества от вредоносного и незаконного контента. Это требует комплексного подхода, включающего совершенствование норм о рекламе, защите персональных данных, а также внедрение эффективных механизмов контроля и ответственности. Только при условии постоянного обновления правовой базы и активного взаимодействия государства, блогеров и общества возможно построение прозрачной и безопасной медиасреды, отвечающей вызовам информационного века.

Литература

1. Вербицкая Ю. В. Тенденции правового регулирования деятельности блогеров в России и за рубежом // Образование и право. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-blogerov-v-rossii-i-zarubezhom/viewer>.
2. Грищенко Г. А. Подходы к правовому регулированию блогосферы в российском законодательстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-pravovomu-regulirovaniyu-blogosfery-v-rossiyskom-zakonodatelstve/viewer>.

3. Дорский А. Ю. «Закон о блогерах»: правоприменительная практика // Интерактивная наука. 2016. № 7. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-blogerah-pravoprimeritel'naya-praktika/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-blogerah-pravoprimeritel'naya-praktika/viewer).

4. Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. К вопросу о необходимости усовершенствования правового регулирования осуществления блогерской деятельности в Российской Федерации (гуманитарный аспект) // Образование и право. 2023. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-usovershenstvovaniya-pravovogo-regulirovaniya-osuschestvleniya-blogerskoj-deyatelnosti-v-rossijskoj>.

5. Костин Д. М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России // Научный журнал. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-legalizatsii-deyatelnosti-blogerov-v-rossii/viewer>.

6. Кузнецова И. Блогеров начали маркировать. Первые итоги нового закона. // Аналитические статьи: ГАРАНТ.РУ. 13.11.2024. URL: <https://www.garant.ru/article/1766885/>.

7. Ана Kobakhidze. Испанский закон об инфлюенсерах: новые правила для рекламы азартных игр. // SBCEURASIA. 08.05.2024 URL: <https://sbceurasia.com/obshhie/2024/05/08/ispanskij-zakon-ob-influenserah-novye-pravila-dlja-reklamy-azartnyh-igr/>.

LEGAL STATUS AND REGULATION OF BLOGGERS' ACTIVITIES IN RUSSIA: MODERN CHALLENGES AND PROSPECTS

Puntsukova Medegma Munkoevna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

pmedega@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

marina.naletova.68@mail.ru

Based on the current legislation of the Russian Federation and foreign experience, this article examines key issues of the legal status of bloggers, the need to regulate their activities, as well as existing legislative norms in this area. The reasons for the need for legal control over blogging activities are analyzed, including the impact on public opinion, economic legalization of income and ensuring information security. Particular attention is paid to legally significant aspects such as taxation, responsibility for the content of information and its dissemination. A review of current legislation allows us to identify the main gaps in Russian legislation related to the lack of a clear definition of the term "blogger", insufficient regulation of liability for disinformation and the lack of a quality control system for services provided. The article emphasizes the need for further improvement of the legal framework for the effective regulation of blogging activities in the information society. Keywords: Internet, blog, blogger, influencer, blogosphere, social network, legal status, legal regulation, analysis of legislation, information law, information society.

Keywords: Internet, blog, blogger, influencer, blogosphere, social network, legal status, legal regulation, analysis of legislation, information law, information society.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ

© Сапуненко Ирина Алексеевна

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sapunenko2005@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@gmail.com

В статье исследуются теоретические и практические аспекты правового регулирования деятельности онлайн-платформ в России. Проводится комплексный анализ правовой природы онлайн-платформ, рассматриваются особенности их функционирования в современной цифровой среде. Особое внимание уделяется проблемам нормативно-правового регулирования платформенных отношений, включая вопросы определения правового статуса операторов платформ, специфики договорных отношений между участниками и механизмов защиты прав потребителей. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выявляются основные проблемы и противоречия в правовом регулировании онлайн-платформ. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, включая необходимость разработки специального федерального закона об онлайн-платформах. Определяются перспективные направления развития правового регулирования в контексте цифровизации экономики и международной интеграции.

Ключевые слова: онлайн-платформы, цифровая экономика, правовое регулирование, маркетплейс, электронная коммерция, цифровизация, информационное право, защита прав потребителей, платформенная экономика, операторы платформ, цифровые технологии, антимонопольное регулирование.

Современный этап развития экономических отношений характеризуется фундаментальной трансформацией традиционных биз-

нес-моделей под влиянием цифровых технологий. Особую роль в этом процессе играют онлайн-платформы, которые становятся ключевым элементом цифровой инфраструктуры и создают принципиально новые форматы взаимодействия между участниками рынка. По данным аналитических исследований, в 2022 году российские пользователи увеличили свои расходы на покупки через ведущие отечественные маркетплейсы почти в 1,5 раза по сравнению с предыдущим годом, а количество активных продавцов на платформах выросло на 50% [3, с. 1].

Стремительное развитие платформенной экономики создает новые вызовы для правового регулирования. Традиционные правовые конструкции и механизмы регулирования экономических отношений не всегда эффективны в условиях цифровой среды, что требует разработки новых подходов к правовому обеспечению деятельности онлайн-платформ. Актуальность данной проблематики усиливается в контексте необходимости обеспечения баланса интересов всех участников платформенных отношений, защиты прав потребителей и поддержания конкурентной среды в цифровом пространстве.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных различным аспектам функционирования онлайн-платформ, вопросы их правового регулирования остаются недостаточно изученными. В научной литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы онлайн-платформ, не сформирована целостная концепция их правового регулирования, существуют различные, порой противоречивые подходы к определению прав и обязанностей участников платформенных отношений.

В условиях стремительной цифровизации экономических отношений онлайн-платформы становятся ключевым элементом современной торговой инфраструктуры, трансформируя традиционные бизнес-модели и создавая новые формы взаимодействия между участниками рынка [5, с. 7]. Сущностное понимание правовой природы онлайн-платформ требует комплексного теоретического осмысления, поскольку данный феномен находится на стыке информационного и гражданского права, вбирая в себя элементы различных правовых институтов.

Онлайн-платформа как правовое явление представляет собой сложную многокомпонентную систему, основанную на информационно-технологической инфраструктуре, обеспечивающей взаимодействие между независимыми участниками определенного рынка

товаров или услуг. В юридическом смысле онлайн-платформа выступает особым субъектом права, который, с одной стороны, является информационным посредником, а с другой — активным участником экономических отношений, влияющим на их структуру и содержание [4, с. 29].

Как справедливо отмечает В. В. Акбердина: «Цифровые платформы меняют классические подходы ведения бизнеса, в том числе влияя на расстановку сил на рынке. Хозяева цифровых платформ усиливают свое влияние посредством контроля над ценообразованием, составляя мощную конкуренцию владельцам обычного бизнеса» [1, с. 20]. Данное утверждение подчеркивает необходимость особого правового регулирования деятельности онлайн-платформ, учитывающего их специфическую роль в современной экономике.

В системе правового регулирования можно выделить несколько ключевых типов онлайн-платформ, каждый из которых обладает своими юридическими особенностями:

1. Торговые платформы (маркетплейсы) — характеризуются наличием трехсторонних правоотношений между платформой, продавцами и покупателями, где платформа выступает как особый субъект, обеспечивающий инфраструктуру для совершения сделок. Примерами таких платформ являются Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет и СберМегаМаркет, которые демонстрируют различные подходы к организации взаимодействия между участниками и формированию договорных отношений;

2. Инвестиционные платформы — обладают специальным правовым режимом, регулируемым законодательством о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. К ним относятся Поток от Альфа-Банка, StartTrack, Московская биржа и Инвестиционная платформа МСП, деятельность которых регулируется Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»¹;

3. Платформы совместного использования ресурсов (шеринговые платформы) — формируют особый тип правоотношений, основанный на временном предоставлении доступа к ресурсам. В Рос-

¹Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

сии активно развиваются такие платформы, как Яндекс.Драйв, BelkaCar, Делимобиль (каршеринг), Циан и Avito (объявления), YouDo и Профи.ру (услуги фрилансеров), что ставит перед законодателем задачу регулирования новых форм экономических отношений;

4. Информационно-сервисные платформы — специализируются на предоставлении информационных услуг и создании цифровой инфраструктуры для взаимодействия участников. К данной категории можно отнести Госуслуги (государственные и муниципальные услуги), СберБанк Онлайн, ВТБ Онлайн (банковские услуги), 2ГИС и Яндекс.Карты (геоинформационные сервисы), которые интегрируют различные информационные потоки и создают новые форматы взаимодействия участников [6, с. 214].

Субъектный состав правоотношений в рамках онлайн-платформ характеризуется сложной структурой и включает:

- Оператора платформы — юридическое лицо, обеспечивающее функционирование информационной системы и определяющее правила взаимодействия участников;
- Профессиональных участников (продавцов, поставщиков услуг) — лиц, использующих платформу для реализации своих товаров или услуг;
- Потребителей — конечных пользователей, приобретающих товары или услуги через платформу;
- Вспомогательных участников (логистические компании, платежные системы и др.) [9, с. 75].

Договорные отношения между участниками онлайн-платформ характеризуются комплексностью и многоуровневостью. Базовым элементом выступает пользовательское соглашение, которое определяет общие правила использования платформы. Однако особую значимость приобретают специфические договорные конструкции, регулирующие отношения между платформой и профессиональными участниками. Эти отношения могут оформляться различными видами договоров: договором об оказании услуг, агентским договором или смешанным договором, содержащим элементы различных договорных типов.

Необходимо отметить, что правовая природа договорных отношений в рамках онлайн-платформ имеет ряд особенностей:

- Электронная форма заключения договоров с использованием специальных технических средств;

- Автоматизированный характер исполнения значительной части договорных обязательств;
- Наличие многоуровневой системы ответственности участников;
- Специфические механизмы обеспечения исполнения обязательств;
- Особые процедуры разрешения споров.

Н. В. Козинец подчеркивает значимость этой проблематики: «В текущее время существуют различные подходы к регулированию отношений между продавцом и маркетплейсом. На практике зачастую встречаются несколько вариантов: договор возмездного оказания услуг, агентское соглашение, смешанный договор и др. Безусловно, столь разные подходы к закреплению юридических отношений между продавцами и торговыми платформами приводят к формированию различных прав и обязанностей у сторон» [8, с. 30].

Теоретико-правовой анализ деятельности онлайн-платформ позволяет выявить ключевые направления развития их правового регулирования:

1. Необходимость законодательного закрепления понятия онлайн-платформы и их классификации;
2. Разработка специальных норм, регулирующих ответственность операторов платформ;
3. Унификация подходов к договорному регулированию отношений между участниками платформ;
4. Создание эффективных механизмов защиты прав потребителей в условиях платформенной экономики.

Современный этап развития правового регулирования онлайн-платформ в России характеризуется динамичным формированием нормативной базы, отражающей стремительную цифровизацию экономических отношений. Масштаб происходящих изменений подтверждается статистическими данными: по состоянию на 2022 год около 14,7% российских предприятий активно используют цифровые платформы в своей деятельности, при этом наблюдается устойчивая тенденция к росту этого показателя [2].

Действующее законодательство в сфере регулирования онлайн-платформ представляет собой комплексный массив правовых норм, включающий как общие положения гражданского законодательства, так и специальные нормативные акты. Центральное место в системе правового регулирования занимает Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных

технологиях и о защите информации»¹, который устанавливает базовые принципы функционирования информационных систем. Однако данный закон не учитывает всей специфики современных онлайн-платформ, что создает определенные правовые пробелы.

Особое значение для развития правового регулирования имела национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», действовавшая с 2017 по 2024 год, в рамках которой реализовывался федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»². С 2025 года эту программу сменил новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», рассчитанный на период до 2030 года. В рамках нового проекта предусматривается формирование к 2030 году цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, а также в области государственного управления. Среди основных направлений: разработка законопроекта «О платформенной экономике», создание антифрод-платформы для противодействия мошенническим действиям и обеспечение технологического суверенитета в сфере цифровых технологий³.

В практике правового регулирования онлайн-платформ можно выделить несколько ключевых проблемных аспектов:

1. Отсутствие единого законодательного определения онлайн-платформы, что создает неопределенность в правоприменительной практике;

2. Неоднозначность правового статуса операторов платформ, которые могут выступать как в роли информационных посредников, так и в качестве активных участников экономических отношений;

¹ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

² Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства РФ от 01.12.2018 № 1632-р (ред. от 11.08.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.

³ Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утверждён Протоколом заочного голосования членов президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20.12.2024 № 12пр // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.

3. Сложности в определении юрисдикции и применимого права при трансграничном функционировании платформ;

4. Недостаточная проработанность механизмов защиты прав потребителей в условиях платформенной экономики.

Важным шагом в развитии правового регулирования стало внесение изменений в законодательство о защите конкуренции¹. В частности, законопроект № 160280-8 направлен на предотвращение монополистических действий цифровых платформ.² «Если эти платформы оказывают значительное влияние на связанные рынки или получают годовую выручку свыше 2 млрд руб., им будет запрещено злоупотреблять своим доминирующим положением» [1, с. 22]. Данная инициатива демонстрирует стремление законодателя к формированию сбалансированной конкурентной среды в цифровом пространстве.

Перспективные направления совершенствования правового регулирования онлайн-платформ включают:

1. Разработку специального федерального закона об онлайн-платформах, который бы:

- Закрепил основные понятия и классификацию платформ;
- Определил права и обязанности участников платформенных отношений;
- Установил механизмы контроля за деятельностью платформ;
- Регламентировал вопросы ответственности операторов платформ.

2. Совершенствование механизмов защиты прав потребителей:

- Внедрение обязательных стандартов безопасности транзакций;
- Установление четких процедур разрешения споров;
- Развитие системы досудебного урегулирования конфликтов.

3. Развитие антимонопольного регулирования:

- Уточнение критериев доминирующего положения платформ;
- Разработка специальных мер антимонопольного реагирования;
- Создание механизмов мониторинга конкурентной среды.

¹Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.

² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.06.2023 № 4218-8 ГД «О проекте федерального закона № 160280-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Система обеспечения законодательной деятельности sozd.duma.gov.ru.

4. Формирование специальных налоговых режимов:

- Адаптация налогового законодательства к особенностям платформенной экономики;
- Разработка механизмов налогового администрирования цифровых транзакций;
- Создание стимулов для развития национальных платформ [7, с. 130].

Важным аспектом развития правового регулирования является необходимость гармонизации российского законодательства с международными нормами и стандартами в сфере цифровой экономики. Это особенно актуально в контексте развития трансграничной электронной торговли и обеспечения конкурентоспособности российских онлайн-платформ на международном рынке.

Проведенное исследование правового регулирования деятельности онлайн-платформ позволяет сформулировать ряд существенных выводов и предложений. Во-первых, современное состояние правового регулирования онлайн-платформ в России характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику платформенных отношений, что создает правовые пробелы и неопределенность в правоприменительной практике. Во-вторых, анализ теоретико-правовых основ регулирования онлайн-платформ показал необходимость законодательного закрепления базовых понятий и принципов функционирования платформенной экономики. Требуется четкое определение правового статуса операторов платформ, унификация подходов к регулированию договорных отношений между участниками платформ, установление четких критериев ответственности. В-третьих, перспективным направлением развития правового регулирования представляется разработка специального федерального закона об онлайн-платформах, который бы комплексно регламентировал все аспекты их деятельности. Такой закон должен учитывать международный опыт регулирования платформенной экономики и обеспечивать баланс интересов всех участников платформенных отношений.

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании действующего законодательства в сфере регулирования онлайн-платформ, а также в правоприменительной практике. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются вопросы международно-правового регулирования трансгра-

ничной деятельности онлайн-платформ, развития механизмов защиты прав потребителей в цифровой среде, а также формирования специальных режимов налогообложения для участников платформенной экономики.

Литература

1. Акбердина В. В., Барыбина А. З., Никулина Е. А. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ // Вестник Академии знаний. 2024. № 1(60). С. 20–25.

2. Акулов А. «Ъ»: российский бизнес не спешит переходить на цифровые платформы // Газета.Ru. 2022. 5 дек. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/05/19192225.shtml> (дата обращения: 29.04.2025).

3. Бугорский С. Цифровой разворот: почему крупный бизнес приходит на онлайн-платформы // Forbes Russia. 2023. 24 марта. URL: <https://blogs.forbes.ru/2023/03/24/cifrovoj-razvorot-pochemu-kрупnyj-biznes-prihodit-na-onlajn-platformy/> (дата обращения: 29.04.2025).

4. Галушко Д. В. Функционирование цифровых платформ: современные вызовы правовому регулированию // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. №. 1. С. 27–35.

5. Губин Е. П., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8. С. 5–13.

6. Дупан А. С., Бикбулатова Ю. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. №. 2. С. 211–218.

7. Истомин В. Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе // Правоприменение. 2022. Т. 6, №. 2. С. 120–133.

8. Козинец Н. В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. 2023. №. 1. С. 29–31.

9. Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1(244). С. 67–82.

LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES
OF ONLINE PLATFORMS

Sapunenko Irina Alekseevna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
sapunenko2005@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@mail.ru

The article examines the theoretical and practical aspects of legal regulation of online platforms in Russia. A comprehensive analysis of the legal nature of online platforms is carried out, the features of their functioning in the modern digital environment are considered. Particular attention is paid to the problems of legal regulation of platform relations, including issues of determining the legal status of platform operators, the specifics of contractual relations between participants and mechanisms for protecting consumer rights. Based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, the main problems and contradictions in the legal regulation of online platforms are identified. Proposals are formulated to improve legislation, including the need to develop a special federal law on online platforms. Promising areas for the development of legal regulation in the context of digitalization of the economy and international integration are identified.

Keywords: online platforms, digital economy, legal regulation, marketplace, e-commerce, digitalization, information law, consumer protection, platform economy, platform operators, digital technologies, antitrust regulation.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© Ханзаев Булат Баирович

студент 3-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
bulat2704@yandex.ru

© Цыренова Юлия Сергеевна

студент 3-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
tsyrenovajulia@gmail.com

Научный руководитель:

Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
brimma72@mail.ru

Меры по обеспечению иска играют важную роль в защите прав участников гражданского процесса. Они направлены на предотвращение действий ответчика, которые могли бы затруднить исполнение судебного решения либо сделать его невозможным. Однако практика показывает, что применение обеспечительных мер вызывает ряд проблем, связанных как с процессуальной стороной вопроса, так и с особенностями правовой регламентации института обеспечения иска. Настоящая статья посвящена исследованию наиболее значимых трудностей, возникающих при применении мер по обеспечению иска, и предлагает возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, обеспечение иска, проблемы обеспечения иска.

Стоит начать с того, что в современном праве место, которое отводится именно гражданско-правовым и гражданско-процессуальным отношениям достаточно велико, существует множество видов правоотношений, защита которых предполагает именно гражданско-

процессуальный порядок. В наши дни количество рассмотрения гражданских дел неимоверно растет. Это в первую очередь объясняется увеличением и изменением видов общественных отношений ввиду стремительных темпов роста технологий, появлением новых товаров и услуг. Имеется стойкая тенденция, направленная на увеличение количества юридических споров, разрешаемых именно в порядке гражданского судопроизводства, что, естественно, необходимо учитывать. Исходя из указанного, стоит отметить, что крайне важно обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Как известно, исковое судопроизводство является преобладающим видом в гражданском процессе. Иск является важнейшим элементом гражданского производства, так как с подачи искового заявления и начинается гражданское судопроизводство. В современном гражданском процессуальном праве институту обеспечения иска отводится большое значение, так как он является одной из важнейшей составляющей гражданского судопроизводства в целом, обеспечивает защиту прав истца, выступает инструментом в обеспечении правосудия по гражданским делам. Важно понять, что наличие института обеспечения иска — это очень необходимый и важный элемент современного гражданского судопроизводства, развитие и модернизация которого непременно сыграет положительную роль в будущем.

Верховный Суд РФ опубликовал статистические данные о рассмотренных делах за период, охватывающий первые шесть месяцев текущего года. Лидирующее положение по количеству рассмотренных дел, традиционно, занимает коллегия по гражданским делам — на её долю пришлось 36 000 дел. Отмечается тенденция к снижению процента удовлетворенных жалоб, рассматриваемых данной коллегией. Анализ опубликованных официальных статистических данных позволяет сделать вывод о значительной нагрузке, испытываемой судьями, и о ежегодном увеличении этой нагрузки, особенно в сфере рассмотрения гражданских споров¹.

Обеспечение иска является важным инструментом защиты прав истца, позволяющим сохранить существующее положение вещей

¹ Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfl.ru/?ysclid=mal88uq24b816127057> (дата обращения: 10.05.2025).

между сторонами спора вплоть до вынесения судом окончательного решения. Гражданско-процессуальное законодательство предусматривает возможность принятия различных мер по обеспечению иска, среди которых арест имущества, запрещение совершения определенных действий ответчиком, приостановление исполнения акта государственного органа и другие меры. Несмотря на наличие правовых норм, регулирующих этот институт, судебная практика сталкивается с рядом сложностей, обусловленных несовершенством законодательства и отсутствием единообразия судебной практики.

Однако, несмотря на значительный объем гражданских дел, ежегодно рассматриваемых судами общей юрисдикции, далеко не всем гражданам обеспечивается восстановление нарушенных прав. Это относится к ситуациям, когда, допустим, ответчик, во владении которого находится спорное имущество, проиграв дело или предвидя его проигрыш, скрывает данное имущество либо иным способом препятствует его передаче законному владельцу — истцу.

Также ответчику доступны иные способы уклонения от исполнения судебного решения. Например, он может продать недвижимость и иное имущество, подлежащее регистрации, передать что-либо на хранение другим лицам и т. Для предотвращения таких ситуаций в гражданско-процессуальном законодательстве существует институт обеспечения иска [1, с. 586].

Важно отметить, что в связи с повсеместным развитием новых технологий, будь то бы компьютерные, цифровые и тому подобное, появляется совершенно новые юридические факты и споры, которые законодатель предписывает рассматривать в порядке гражданского судопроизводства. Основная проблема, на наш взгляд, может заключаться в устаревании источников и нормативно-правовых актов, которыми регламентируется институт обеспечения иска. Складывается серьезная ситуация, в ходе которой гражданское процессуальное право в своем развитии движется вперед, появляются новые виды споров, однако институт обеспечения иска все еще остается на том же уровне, на котором он и был.

Проблема устаревания мер обеспечения иска заключается в том, что традиционные подходы к обеспечению иска могут быть неэффективными или неприменимыми в отношении новых объектов правоотношений. Например, в условиях цифровизации экономики и развития криптовалют возникают сложности с наложением ареста на цифровые активы или с оценкой их стоимости для целей обеспе-

чения иска. Кроме того, появление новых форм бизнеса и видов деятельности может привести к необходимости разработки новых подходов к обеспечению иска, которые бы учитывали специфику этих видов деятельности и обеспечивали бы защиту прав и интересов участников гражданского оборота.

Кроме того, появление новых форм бизнеса и видов деятельности может привести к необходимости разработки новых подходов к обеспечению иска, которые бы учитывали специфику этих видов деятельности и обеспечивали бы защиту прав и интересов участников гражданского оборота.

Здесь стоит отметить, что путь решения этой проблемы заключается, естественно, в совершенствовании законодательства, развитии судебной практики. Кроме этого имеется необходимость в обеспечении судей и адвокатов новым подходам к обеспечению иска, связанным с развитием технологий. Это поможет им более эффективно применять существующие меры и разрабатывать новые.

Институт обеспечения иска в рамках гражданского судопроизводства, функционирующий как механизм защиты истца и предупреждения возможных злоупотреблений со стороны ответчика на этапе исполнения судебного решения, является ключевым элементом обеспечения принципа обязательности исполнения судебных актов. Именно от способности лица прибегнуть к этой мере, призванной гарантировать удовлетворение его требований, во многом зависит конечная эффективность отправления правосудия по гражданским делам.

Актуальность избранной проблематики проявляется в том, что в области реализации права рассматриваемый правовой институт многократно используется на практике, вызывая череду спорных и неоднозначных проблем, нуждающихся в решении посредством теоретического переосмысления.

Обеспечительные меры нашли свое отражение в 13 главе Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в указанной главе отсутствует дефиниция данных мер. Более того, законодатель не счел необходимым раскрыть даже понятие обеспечения иска, ограничившись простым перечислением конкретных мер, к числу

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

которых относятся: наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся в его владении или у иных лиц, запрет ответчику на совершение конкретных действий, приостановка реализации имущества, а также запрет иным лицам на совершение определенных действий в отношении предмета спора и т.п.

Более того, исходя из смысла статьи 140 ГПК РФ, можно сделать вывод об отсутствии исчерпывающего перечня мер. Это порождает вопрос о критериях, по которым следует относить конкретное действие суда к обеспечению иска, что может вызвать трудности на практике.

Помимо этого, в статье 140, определяющей перечень обеспечительных мер, четко обозначено: «В необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, которые отвечают целям, указанные в статье 139 ГПК РФ».

Как справедливо указывали иные авторы, неясен круг обстоятельств, при которых эти самые иные меры должны применяться. Р. Н. Солдаткина в своей работе основывала свой вопрос на том, какие именно основания подразумевает статья 139 ГПК РФ в своем положении о том, что: «Обеспечение иска допускается во всяком положении дела, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда» [2, с. 305]. Иными словами, круг обстоятельств, которые могут являться основаниями для принятия обеспечительных мер весьма широк. Учитывая тот факт, что в действующей редакции ГПК РФ указанный пункт всё ещё существует, можно полагать, что проблема все еще актуальна.

Стоит учитывать, что законодательство в этом плане не установило конкретных пределов допустимости доказательств, в силу чего применяются положения статьи 55 ГПК РФ. В соответствии с этим, истец вправе приводить любые данные, свидетельствующие о возможной недобросовестности ответчика. Исходя из этого, как справедливо заметили авторы, на практике решение вопроса о принятии мер обеспечения иска является правом судьи, и в силу неопределенности указанных ранее положений статьи 139 ГПК, вопрос о том, что непринятие мер обеспечения может затруднить выполнение решения суда или невозможность его выполнения, решается единолично судьей.

Помимо вышеуказанных недостатков, следует подчеркнуть, что в ГПК отсутствует конкретное определение обеспечительных мер.

Различные специалисты в области права предлагают свои собственные интерпретации данного понятия.

При ознакомлении с научной и учебной литературой становится очевидным, что взгляды исследователей на то, что представляет собой обеспечение иска в рамках гражданского процессуального права, в целом совпадают, хотя каждый автор выделяет свои особенные черты данного понятия. В. С. Скурлатов, в частности, ссылался на дефиницию обеспечения иска, сформулированную Евгением Васьковским, известным российским и польским цивилистом и адвокатом: «принятие судом, по просьбе тяжущегося, мер, гарантирующих возможность осуществления исковых требований в случае выигрыша дела». При этом акцент делается на наличии соответствующей просьбы от истца и гарантии реализации его прав в случае, если требования будут удовлетворены. Между тем, стоит отметить, что в своем определении о мерах обеспечения иска Солдаткина расширила круг лиц, кто вправе обращаться с ходатайствами об этих мерах. Следовательно, целью мер по обеспечению иска является защита интересов не только истца, но и третьих лиц, в будущем.

В то же время совершенно справедливо отмечается, что Солдаткина в своём определении обеспечения иска расширила список лиц, обладающих правом подавать ходатайство о применении обеспечительных мер. Следовательно, меры по обеспечению иска направлены на защиту будущих интересов не только истца, но и иных лиц, вовлеченных в процесс. [1, с. 588].

Вместе с тем, данное правило не применимо к ситуациям, когда, допустим, собственность, подвергнутая аресту, переходит во владение к другому субъекту. Так, в примере, который привел Скурлатов В. С., Деев А. А. подал в суд иск к ООО, Кошиной Н. Н. о снятии ареста с имущества, аргументируя тем, что на момент принятия обеспечительных мер ответчик Кошина Н. Н. не была владельцем автомобиля, на который был наложен арест. Однако суд отклонил требования истца, ссылаясь на то, что обеспечительные меры — это совокупность мер, гарантирующих исполнение судебного решения в случае удовлетворения иска, и что единственным основанием для отмены этих мер после удовлетворения иска является исполнение решения суда ответчиком. Другое решение противоречило бы принципам и задачам суда, направленным на избежание сложностей при исполнении судебных решений, а также ущем-

ляло бы права взыскателя на своевременную и эффективную защиту его интересов посредством применения обеспечительных мер, гарантированных законом. [1, с. 588].

Порядок реализации мероприятий по обеспечению исковых требований в гражданском процессе порождает множество смежных проблем. Скажем, можно задаться вопросом о полномочиях суда — имеет ли он право по собственной инициативе, без ходатайства сторон, применять подобные меры, или, например, как надлежит извещать ответчика о рассмотрении прошения об обеспечении иска? Помимо этого, существуют и иные вопросы в данной области. Важно понимать, что решение этих проблем в значительной мере определяется особенностями конкретного случая. Суды, опираясь на практику отдельных регионов и внимательно изучая обстоятельства дела, самостоятельно преодолевают противоречия и пробелы актуального гражданского процессуального законодательства.

Литература

1. Скурлатов В. С. Некоторые проблемы применения мер по обеспечению иска в гражданском судопроизводстве // Вопросы Российской юстиции. 2020. № 8. С. 585–596.

2. Солдаткина Р. Н. Проблемы обеспечения иска // Бюллетень науки и практики. 2018. № 1. С. 304–307.

SOME PROBLEMS OF APPLYING MEASURES TO SECURE A CLAIM IN CIVIL PROCEEDINGS

Khanzaev Bulat Bairovich

3rd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

bulat2704@yandex.ru

Tsyrenova Julia Sergeevna

3rd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

tsyrenovajulia@gmail.com

Baldaeva Rimma Alexandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

brimma72@mail.ru

Measures to secure a claim play an important role in protecting the rights of participants in civil proceedings. They are aimed at preventing the defendant's actions, which could complicate the execution of the judgment or make it impossible. However, practice shows that the application of interim measures causes a number of problems related both to the procedural side of the issue and to the specifics of the legal regulation of the institution of securing a claim. This article is devoted to the study of the most significant difficulties encountered in the application of measures to secure a claim, and suggests possible ways to overcome them.

Keywords: civil proceedings, civil procedure, securing a claim, problems of securing a claim.

ДОГОВОР КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

© **Янжинов Батор Буянович**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

byanzhinov@mail.ru

© **Балдаева Римма Александровна**

кандидат биологических наук, доцент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

Статья посвящена одному из составных элементов института комплексного развития территорий — договору комплексного развития территорий (далее по тексту — КРТ). Важная особенность указанного института заключается в широких возможностях субъектов РФ и муниципалитетов по правовому регулированию отношений, связанных с КРТ. Так, субъекты Российской Федерации и муниципалитеты самостоятельно определяют территории, подлежащие включению в зону КРТ, создают критерии, по которым жилые дома могут быть изъяты для муниципальных или государственных нужд, издают решение о КРТ, утверждают правила заключения договора о КРТ и т.д. В статье представлены различные точки зрения на правовую природу договора, позиции судов о возможности применения гражданско-правовых норм к договору, характеристика основных условий и некоторые особенности заключения договора.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, решение, зона, субъекты Российской Федерации, критерии, договор.

В декабре 2020 года Федеральный закон № 494-ФЗ¹ внес существенные дополнения в Градостроительный кодекс Российской Фе-

¹Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 декабря 2020 г. № 0001202012300039.

дерации¹ (далее по тексту — ГрК РФ) и была введена глава 10, посвященная новому институту градостроительного права — комплексное развитие территорий. Под комплексным развитием территорий понимается совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов.

По данным Минстроя РФ на 04.02.2025 решение о КРТ принято в 77 субъектах РФ, а жилищные условия улучшены 13 тыс. человек [6]. Таким образом, институт КРТ находится в стадии начального развития, в связи с чем вопросы правового регулирования вызывают большой интерес.

В соответствии со ст. 68 ГрК РФ после издания уполномоченным субъектом решения о проведении КРТ для реализации решения необходимо заключение договора о КРТ (за исключением КРТ по инициативе правообладателей, для которого не требуется решения уполномоченного субъекта). В этой связи актуальным видится вопрос о правовой природе данного договора, его правовой характеристике, порядке заключения и проблемах правоприменения.

На федеральном уровне регулированию договора КРТ посвящены ст. 68 и ст. 69 ГрК РФ, в субъектах РФ принимаются собственные акты по отдельным вопросам заключения договора, органы власти субъектов также утверждают типовые договоры КРТ. Упрощенно, по договору КРТ публичный субъект (орган исполнительной власти субъекта, местного самоуправления) обязуется предоставить другой стороне земельные участки в аренду без проведения торгов и оказать содействие в утверждении градостроительных документов, а непубличный субъект (иногда именуемый застройщиком) обязуется на основе утвержденной документации по планировке территории освободить земельные участки от занимаемых объектов и построить новые объекты недвижимости. В зависимости от вида КРТ перечень обязательств сторон может изменяться.

Большая часть исследователей считает, что договор КРТ имеет гражданско-правовую природу либо носит смешанный характер. Но существует и альтернативный административно-правовой взгляд на

¹Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 2004. № 290. 30 дек.

договор КРТ. Например, Е. Б. Козлова отмечала некоторые административные условия, предшествующие заключению договора о развитии застроенной территории (ранее существовавший договор, по своей сущности аналогичный договору КРТ, поэтому замечания актуальны и для договора КРТ), так, для возникновения договорных отношений по КРТ требуется целый ряд актов публичного органа власти [3, с. 14]. К ним относятся специальное решение уполномоченного органа власти о проведении КРТ, решение о проведении торгов на право заключения договора КРТ, утверждение протокола о результатах торгов. Другими словами, инициатива возникновения договорных отношений по КРТ всегда исходит от публичных субъектов права, без которых договор не может быть заключен. Из указанных административных предпосылок следует и основная цель договора КРТ — обеспечение и реализация интересов публичной власти. Попова Е. Д. отмечает, что в содержание договора КРТ, в соответствии с п. 4 ст. 68 ГрК РФ, включаются обязательства, не присущие традиционным гражданским договорам, например, обязательство по утверждению публичным субъектом документов по планировке территории либо обязательство по изъятию земельных участков, находящихся в зоне КРТ, что свидетельствует о публичном характере договора [5, с. 244]. Таким образом, договор КРТ действительно содержит административно-правовые элементы, но можно ли на основе данных признаков сделать вывод об административной природе договора КРТ? Этот вопрос имеет значение в контексте п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ¹ (далее по тексту — ГК РФ), согласно которому ГК РФ не применяется к правоотношениям, основанным на административном или ином властном подчинении [2]. Для ответа на вопрос следует выявить гражданско-правовые признаки договора КРТ. Базовыми принципами гражданского права, в соответствии со ст. 1 ГК РФ, являются юридическое равенство и автономия воли субъектов правоотношений, что позволяет им свободно выбирать наиболее предпочтительные варианты поведения. Ограничивается ли свобода выбора непубличного субъекта в договоре КРТ?

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

В ст. 68 ГрК РФ действительно содержатся некоторые нормы-запреты для непубличных субъектов: запрет уступки прав по договору аренды земельных участков и договору КРТ, однако данные ограничения присущи всем договорам, заключаемым по результатам торгов, в связи с чем автономия воли непубличного субъекта не ограничивается, напротив, в статье содержатся диспозитивные нормы: так, непубличный субъект вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора при невыполнении органом исполнительной власти обязательств по утверждению планировки территории либо принятии решения об изъятии земельных участков; непубличный субъект вправе привлечь к исполнению договора «субподрядчика», а также сдавать предоставленный земельный участок в субаренду. При этом, ст. 68 ГрК РФ не содержит каких-либо дополнительных властных полномочий публичного субъекта над поведением второй стороны. Таким образом, стороны договора КРТ уравниваются в возможностях по защите своих прав в случае неисполнения обязательств другой стороной, а также вправе распоряжаться своими договорными правами.

При этом, вопрос о правовой природе договора КРТ находит свое отражение в судебной практике. Так, Арбитражный суд Саратовской области в Решении от 26.04.2023 по делу № А57-23140/2022 указал, что договор КРТ, по своей сущности, является гражданско-правовой сделкой, следовательно, к нему применимы общие положения ГК РФ о сделках [2, с. 2].

В другом деле Десятый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 29.01.2024 по делу № А41-54921/23 указал в отношении уже договора о развитии застроенной территории, что такой договор является гражданско-правовым и относится к числу непоименованных ГК РФ, следовательно, к нему применимы общие положения ГК РФ об обязательствах [1, с. 2].

Представляется, что позиции судов являются обоснованными и соответствующими фактическому положению дел, что обусловлено отсутствием на законодательном уровне понятия административно-го договора и его особенностей.

В этой связи можно провести гражданско-правовую характеристику договора КРТ. В статье 68 ГрК РФ нет прямых указаний на форму договора КРТ, следовательно, здесь применима общая для гражданских сделок ст. 161 ГК РФ, в соответствии с которой сделка

с участием юридических лиц должна быть заключена в письменной форме.

По моменту возникновения договорных обязательств договор КРТ консенсуальным, так как договор вступает в силу после согласования всех его существенных условий, по наличию встречных обязательств сторон договор является взаимным, поскольку по п. 13 и п. 14 ст. 68 ГрК РФ стороны вправе отказаться от договора в случае неисполнения какой-либо из сторон своих обязательств, следовательно, предполагается их встречность.

Предмет договора КРТ в ст. 68 ГрК РФ не определен, но предусматриваются условия, обязательно включаемые в текст договора. По критерию обязанной стороны их можно разделить на три группы: во-первых, обязательства непубличного субъекта по созданию документации по планировке территории, обязательства по возведению сооружений, а также связанных с ними объектов инфраструктуры и сроки их строительства, а также обязательство по предоставлению гражданам жилых помещений взамен сносимых, во-вторых, обязательства публичного субъекта по согласованию представленной документации, изъятию земельных участков и их предоставлению победителю торгов, и, в-третьих, другие условия: данные о зоне КРТ, перечень сооружений, подлежащих сносу, соотношение планируемой площади жилых и нежилых помещений в МКД, ответственность сторон, срок действия договора и порядок изменения договора. Столь большое количество прописываемых условий объясняется сложностью и разнородностью возникаемых правоотношений, при этом, по мнению Кирсанова А. Р., все условия, перечисленные в п. 4 ст. 68 ГрК РФ являются существенными, что по смыслу ст. 432 ГК РФ, означает возможное признание договора незаключенным в случае отсутствия какого-либо условия [4, с. 10]. В целом, в п. 4 ст. 68 ГрК РФ смешаны и предмет договора, и его содержание, что несколько затрудняет их разделение, но, с другой стороны, создается более ясное представление о конкретных обязательствах сторон и их распределении между ними.

Как отмечает Кирсанов А. Р., некоторые из предусмотренных в п. 4 ст. 68 ГрК РФ условия затруднительно предусмотреть на стадии заключения договора, например, условия о соотношении общей площади будущих жилых и нежилых помещений в МКД, и конкретные этапы и сроки строительства объектов, которые должны соответствовать документации по планировке территории, но при

этом сама документация по планировке утверждается органом власти лишь после заключения договора. Впрочем, данное обстоятельство не является существенной помехой для заключения договора, что можно проследить далее.

В 2023 г. Правительством Республики Бурятия принято решение о комплексном развитии территории центральной части г. Улан-Удэ. В целях реализации данного решения по итогам проведенного конкурса был заключен договор комплексного развития центральной части г. Улан-Удэ между Минстроем РБ, Администрацией г. Улан-Удэ и ООО «ПИК Байкала» [7, с. 1]. Отметим, что в договоре согласованы и условие о планируемом соотношении площади жилых и нежилых помещений, и условие о конкретных этапах и объемах строительства в отсутствие утвержденной документации по планировке. Примечательно, что в силу диспозитивной нормы п. 5 ст. 68 ГрК РФ в этом договоре предусмотрены и другие обязательства застройщика, так, на ООО «ПИК Байкала» возложены обязанности по переговорной работе с выселяемыми жильцами, обязанности по осуществлению государственных экспертиз, обязанности по созданию и согласованию иной документации (например, тех. паспорта на объекты благоустройства, акты тех. присоединения линейных объектов и т.д.). Помимо этого, предусмотрено и обеспечение исполнения обязательств застройщика в формах неустойки и независимой гарантии. В силу того, что проект КРТ является крайне значимым для города, а ООО «ПИК Байкала» является профессиональным участником рынка, размер неустойки является повышенным: за нарушение сроков строительства объектов составляет 1/300 ставки ЦБ РФ от цены договора за каждый день просрочки, что составляет около 120 000 рублей в день. Также необходимо отметить «ПИК Байкала» обязуется передать часть объектов строительства в собственность муниципального образования, а муниципальное образование обязуется принять эти объекты. Но при этом в договоре отсутствует порядок приемки данных объектов, не указаны права муниципального образования в случае обнаружения недостатков в результатах выполненных работ. В этой связи интересен вопрос о том, какие нормы поименованных в ГК РФ договоров могут быть применены в данном случае, однако судебной практики по данному вопросу еще недостаточно.

Таким образом, институт КРТ и договор КРТ еще находятся в начальной стадии развития, в главу 10 ГрК РФ периодически вно-

сятся изменения, субъекты РФ все еще принимают собственные НПА, а судебная практика только складывается. Следовательно, о результатах эффективности и полезности механизма КРТ для развития градостроения в России можно будет говорить лишь через некоторое время.

Литература

1. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2024 № 10АП-27666/2023 по делу № А41-54921/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 26.04.2023 по делу № А57-23140/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Козлова Е. Б. Проблемы недействительности договора о развитии застроенной территории (в свете изменений гражданского законодательства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 12–23.

4. Кирсанов А. Р. Договор о комплексном развитии территории: правовая природа и существенные условия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 8. С. 8–19.

5. Попова Е. Д. Административный договор в сфере строительства // Старт в науке. 2022. С. 242–252.

6. Минстрой России: официальный сайт. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitie-territoriy/1-monitoring-realizatsii-mekhanizma-kompleksnogo-razvitiya-territoriy-subektami-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 05.05.2025).

7. Управление комплексного развития территорий Республики Бурятия: официальный сайт. URL: <https://krt03.ru/договор/> (дата обращения: 05.05.2025).

THE COMPLEX TERRITORY DEVELOPMENT AGREEMENT

Yanzhinov Bator Buyanovich

1st year Master's student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

byanzhinov@mail.ru

Baldaeva Rimma Alexandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

brimma72@mail.ru

The article is devoted to one of the constituent elements of the Institute of integrated territorial development – the Integrated Territorial Development Agreement (hereinafter referred to as the CRT). An important feature of this institution is the wide possibilities of the subjects of the Russian Federation and municipalities for the legal regulation of relations related to the CRT. Thus, the subjects of the Russian Federation and municipalities independently determine the territories to be included in the CRT zone, create criteria according to which residential buildings can be withdrawn for municipal or state needs, issue a decision on the CRT, approve the rules for concluding a CRT agreement, etc.

Keywords: integrated development of the territory, solution, zone, subjects of the Russian Federation, criteria, contract.

ТРУДОВОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.22

АТТЕСТАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

© **Базарханова Татьяна Павловна**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

tat1547@yandex.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы нормативно-правового регулирования аттестации муниципальных служащих в Российской Федерации. Автор обсуждает вопрос отсутствия четких критериев и формального подхода, влияющего на объективность процесса аттестации муниципальных служащих. В статье автор анализирует эффективность проведения аттестации как инструмента оценки муниципальных служащих. Изучая нормативные правовые акты, автор приходит к выводу о наличии пробелов в процедуре аттестации муниципальных служащих. В частности, непрозрачность процедуры аттестации — важная проблема, стоящая перед оценкой муниципальных служащих. Акцентируется внимание на необходимости ее реформирования. В связи с этим автором сформулированы некоторые предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы аттестации муниципальных служащих. Автор отмечает, что деятельность кадровых подразделений органов местного самоуправления напрямую влияет на повышение качества подбора кадров.

Ключевые слова: аттестация муниципальных служащих, аттестационная комиссия, процедура аттестации, муниципальная служба, муниципальный служащий, профессиональная подготовка, увольнение муници-

пальных служащих, сокращение штата, расторжения трудового договора по инициативе работодателя, трудовые споры.

Аттестация муниципальных служащих — это необходимый инструмент для оценки их профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности. Законодательная основа процедуры — Трудовой кодекс Российской Федерации¹ (далее — ТК РФ) и Федеральный закон № 25-ФЗ от 2 марта 2007 года «О муниципальной службе в Российской Федерации»². Тем не менее, для эффективного функционирования органов местного самоуправления требуется совершенствование, как нормативно-правовой базы, так и самой практики аттестации.

Отсутствие законодательного определения понятия «аттестация муниципальных служащих» — ключевой недостаток существующей системы правового регулирования [1, с. 11]. Статья 18 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» указывает на цель — определение соответствия должности, однако отсутствуют санкции за нарушения процедуры, как для самих служащих, так и для ответственных должностных лиц. Это создает пробел, способствующий игнорированию требований и, как следствие, коррупционным рискам из-за отсутствия обязательной оценки профессиональных и моральных качеств. Представляется целесообразным расширить, включив в задачи аттестации выявление перспективных сотрудников для кадрового резерва и продвижения по службе [2, с. 25].

Необходимо уточнить законодательное определение ключевого понятия, обеспечив его четкость и полноту, отразив все существенные характеристики и аспекты. Существующие трактовки в научной литературе неоднозначны. Так, Ю. Н. Полетаев и М. А. Ключков наиболее полно описывают аттестацию как юридически обязательное подтверждение сотрудниками своей профессиональной компетентности и соответствия должности. Работодатель, руководствуясь нормативными актами, использует аттестацию для оптимизации персонала, стимулирования профессионального роста, повы-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

² Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

шения ответственности и дисциплины, а также для принятия кадровых решений (сохранение, изменение или расторжение трудового договора) [6, с. 52].

Проблема аттестации муниципальных служащих остро стоит из-за отсутствия регулярного мониторинга эффективности работы и нечёткого определения сроков. Законодательство предписывает аттестацию раз в три года, но это недостаточно (п. 1 ст. 18 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Предложение проводить первую аттестацию через три года после назначения, а последующие — каждые три года, вызывает споры [7, с. 18]. Разные даты назначения муниципальных служащих потребует частых, индивидуальных аттестаций, что существенно увеличит нагрузку на кадровые службы муниципальных органов.

Несмотря на то, что Федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» напрямую не регулирует проведение внеочередной аттестации, такая возможность для муниципальных служащих всё же существует. Опираясь на п. 2 ст. 3 вышеуказанного закона, распространяющую действие трудового законодательства на муниципальных служащих (с некоторыми ограничениями), можно провести аналогию со ст. 179 ТК РФ. Данная статья закрепляет приоритет сохранения рабочего места за сотрудниками, демонстрирующими более высокую квалификацию и производительность при сокращении штата. Внеочередная аттестация, таким образом, может служить инструментом для объективного подтверждения этих показателей и, следовательно, быть применимой к муниципальным служащим [7, с. 18].

Непрозрачность процедуры аттестации — вот главная проблема, стоящая перед оценкой муниципальных служащих. Отсутствие единого федерального стандарта усугубляет ситуацию. Действующее законодательство ограничивается лишь указанием на необходимость утверждения положения об аттестации муниципальным правовым актом, который, в свою очередь, должен соответствовать типовому положению, разработанному на уровне субъекта РФ (п. 7 ст. 18 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Но даже эти документы не дают исчерпывающего представления о самой аттестации, поскольку не содержат подробных правил, регулирующих ее проведение.

Аттестация муниципальных служащих зачастую превращается в формальность: комиссия, состоящая преимущественно из руководителей, рассматривает документы, характеристику и краткое выступление сотрудника. Однако, итоговая оценка в значительной степени основывается на субъективной характеристике и короткой беседе. Объективность процедуры подрывается субъективностью вопросов и влиянием авторитетных членов комиссии на остальных. В результате, мнение о сотруднике может оказаться зависимым от его личных отношений с непосредственным руководителем [4, с. 99].

Процесс оценки муниципальных служащих включает применение разнообразных инструментов, традиционно охватывающих несколько ключевых направлений. Одно из них — анализ реальной трудовой деятельности, включающий оценку выполнения сотрудником своих функциональных обязанностей и достижения поставленных задач в установленные сроки. Другое направление — проверка уровня профессиональной подготовки и знаний, часто реализуемая посредством тестирования. Третий аспект касается изучения личностных качеств и особенностей поведения, для чего могут применяться психологические методики, помогающие определить соответствие требованиям позиции и оценить взаимодействие в коллективе. Наконец, оценивается общая производительность и вклад сотрудника в достижение целей организации.

Для повышения непредвзятости при проведении оценки муниципальных служащих, рекомендуется дополнительно использовать подход всесторонней обратной связи, известный как «оценка 360 градусов». Этот метод позволяет получить более объективное представление о работе сотрудника путем сбора и анализа мнений из его профессионального окружения. К источникам такой обратной связи относятся непосредственные руководители, подчиненные, коллеги по работе, а также самооценка самого аттестуемого. Подобный многоаспектный анализ обеспечивает более глубокое понимание компетенций и эффективности специалиста.

Успешное прохождение аттестации не является безусловным основанием для повышения в должности, равно как и неудовлетворительные результаты не влекут за собой автоматическое увольнение или перевод на другую работу. Данное положение обусловлено требованиями трудового законодательства, в частности, положениями ст. 81 ТК РФ, ограничивающими возможности расторжения трудового договора по инициативе работодателя в связи с недоста-

точной квалификацией, подтвержденной результатами аттестации.

В целях совершенствования системы аттестации муниципальных служащих представляется целесообразным расширить спектр решений, принимаемых аттестационными комиссиями и руководством муниципальных органов по итогам аттестационных процедур. Кроме того, заслуживает внимания практика привлечения независимых экспертов к работе аттестационных комиссий, успешно применяемая в системе государственной гражданской службы [3, с. 89].

Увольнение муниципальных служащих на основании ч. 3 ст. 81 ТК РФ направленное на повышение эффективности работы, нередко оборачивается трудовыми спорами. Муниципальные служащие обжалуют увольнения, мотивируя это не только несогласием с результатами аттестации и содержанием записей в трудовых книжках, но и сложностью самой процедуры. Судебная практика свидетельствует о распространенных ошибках, допускаемых работодателями, что приводит к признанию увольнений незаконными [5, с. 46]. Данный факт подтверждается как решениями судов по делам об оспаривании аттестационных комиссий, так и данными из социальных сетей (с учетом их относительной достоверности) [8, с. 177].

Таким образом, аттестация муниципальных служащих служит эффективным инструментом для выявления наиболее квалифицированных кадров. Центральное место в этом процессе занимают кадровые подразделения, чья работа напрямую влияет на повышение качества подбора кадров в органах местного самоуправления.

Литература

1. Аксенов С. А., Трещевская Н. Ю., Шахворостов Г. И. Об основных проблемах и задачах аттестации муниципальных служащих // Государство и общество в современной политике: сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции. Воронеж: Научная книга, 2025. С. 9–13.

2. Кузнецов В. А. Недостатки системы аттестации муниципальных служащих // Устойчивое развитие России – 2025: сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск: Новая Наука, 2025. С. 21–26.

3. Маркова Ю. Ю., Лейман И. В. Некоторые проблемы законодательного регулирования аттестации муниципальных служащих // Экономика и право – 2023: сборник статей II Международной науч-

но-практической конференции. Петрозаводск: Новая Наука, 2023. С. 85–90.

4. Павлова Д. А. О проблемах аттестации муниципальных служащих в Российской Федерации // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: материалы национальной научно-практической студенческой конференции. Брянск: Изд-во Брянск. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2024. С. 98–102.

5. Пластинина Н. Аттестация. Споры и советы работодателям // Трудовое право. 2019. № 12. С. 41–54.

6. Полетаев Ю. Н., Клочков М. А. Правовое регулирование труда государственных гражданских служащих: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2024. 163 с.

7. Попова В. В. Аттестация государственных гражданских и муниципальных служащих: правовое регулирование и судебная практика // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2023. № 4(42). С. 15–24.

8. Сергеев А. О. Правовые основы аттестация муниципальных служащих // Современная наука: взгляд молодых исследователей: материалы II Всероссийской (с международным участием) студенческой научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Изд-во Межрегион. открытого соц. ин-та, 2023. С. 174–177.

CERTIFICATION OF MUNICIPAL EMPLOYEES

Bazarkhanova Tatyana Pavlovna

1 year master's student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

tat1547@yandex.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

elena.murzina.57@mail.ru

The article addresses some problematic issues of regulatory regulation of certification of municipal employees in the Russian Federation. The author

discusses the lack of clear criteria and a formal approach that affects the legitimacy of the certification process for municipal employees. In the article, the author analyzes the effectiveness of certification as a tool for assessing municipal employees. Studying the standard base, the author comes to the conclusion that there are gaps in the certification procedure for municipal employees. In particular, the opacity of the attestation procedure is an important issue facing the assessment of municipal employees. The emphasis is on the need to reform it. In this regard, the author formulated some proposals for improving the legislation governing the certification of municipal employees. The author notes that the activities of personnel divisions of local self-government bodies directly affect the improvement of the quality of recruitment.

Keywords: certification of municipal employees, certification committee, certification procedure, municipal service, municipal employee, professional training, dismissal of municipal employees, staff reduction, termination of employment contract at the initiative of the employer, labor disputes.

**ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРОЧАЩИХ
ПРОСТУПКОВ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

© Бальжинимаева Арюна Саяновна

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
balzhinimaeva0303@mail.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
elena.murzina.57@mail.ru

В статье рассматриваются правовые и этические последствия проступков сотрудников органов внутренних дел, включая коррупцию, превышение полномочий и неэтичное поведение. Обсуждаются последствия для доверия общества к правоохранительным органам, а также меры, необходимые для улучшения ситуации, такие как ужесточение контроля, обучение по этике и создание анонимных каналов для сообщений о правонарушениях.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, правовые последствия, этические последствия, коррупция, превышение полномочий, доверие общества, меры по улучшению, этические кодексы.

Сотрудники органов внутренних дел (далее по тексту — ОВД) играют важную роль в поддержании правопорядка и безопасности граждан. Однако не все из них действуют в соответствии с установленными нормами, что может привести к серьезным последствиям. Проступки, такие как коррупция, превышение полномочий и другие нарушения, подрывают доверие общества к правоохранительным органам и могут иметь правовые последствия, как для самих сотрудников, так и для всей системы.

В целом требования к поведению государственного служащего изложены в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее по тексту — Закон о госу-

дарственной службе)¹, одновременно статья 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон о службе)² определяет, что на сотрудников органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о государственной службе, который определяет, что государственный гражданский служащий обязан не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство в статье 18. Вместе с тем, в статье 30.1 Федерального закона «О полиции» (далее по тексту — Закон о полиции)³ определена ответственность сотрудников полиции за неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции.

Существует несколько основных категорий проступков сотрудников ОВД. Коррупция, например, включает в себя получение взяток или других выгод за действия или бездействие. Превышение полномочий проявляется в использовании служебных полномочий для личной выгоды или давления на граждан. Нарушение служебной дисциплины связано с несоблюдением внутренних правил, а неэтичное поведение может выражаться в грубости или предвзятости.

В свою очередь, в Трудовом кодексе РФ⁴ одним из оснований увольнения сотрудника по инициативе работодателя является совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка. Законодатель не определил, что входит в категорию аморальных проступков, что говорит об оценочности данного термина. В этой связи, представляется необходимым обратиться к научному толкованию. Так, «аморальный проступок — деяние работника (в форме действия или бездействия), нарушающее нормы морали» [7, с. 59]. Вместе с тем необходимо отметить, что

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215; 2017. № 15. Ст. 2139.

² Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 05.12.2011. № 49.

³ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» // Российская газета. 08.02.2011. № 25; 14.02.2011. № 7.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.

список должностей, осуществляющих воспитательную деятельность, открытый, что позволяет широко толковать норму права. Анализ судебной практики позволяет также говорить о том, что ввиду развития информационных технологий, приобрело популярность увольнение работников ввиду совершения аморальных проступков в сети «Интернет», как правило, по средствам публикации в социальных сетях постов, фотографий, видеозаписей, содержащих аморальные материалы [1, с. 2]. Вместе с тем, в соответствии с законодательством, время и место совершения проступка не имеет значения, тогда как увольнение работника по инициативе работодателя ввиду непринятия работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов возможно только при совершении таких действий в рабочее время и на рабочем месте, однако, на практике суды принимают решения, в обход данного условия. Также стоит отметить тот факт, что, хотя и для работников, в соответствии с Трудовым кодексом РФ, не предусмотрена ответственность за аморальное поведение в сети «Интернет», для государственных служащих действует статья 20.2 Закона о государственной службе, регулирующая данный вопрос. Несоблюдение таких правил будет основанием для освобождения от должности и увольнения с госслужбы, в соответствии с п. 13, п. 14 ч. 1 ст. 33 Закона о государственной службе. Также стоит отметить такой нормативный акт как Письмо Минтруда России от 11 октября 2017 г. № 18-4/10/В-7931¹. Оно содержит рекомендации не упоминать о занимаемой должности, не публиковать фото, которые свидетельствуют о статусе и т. п. И, хотя этот документ носит рекомендательный характер, но любую из этих рекомендаций можно "привязать" к нормам Закона о государственной службе. Правовые последствия таких проступков могут быть серьезными.

Сотрудники правоохранительных органов несут ответственность не только перед законом, но и перед обществом. За проступки им может грозить дисциплинарное взыскание — от выговора до штрафа или даже увольнения. Если же речь идет о более серьезных

¹ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 11 октября 2017 г. № 18-4/10/В-7931 «О направлении рекомендаций по соблюдению государственными (муниципальными) служащими норм этики в целях противодействия коррупции и иным правонарушениям». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нарушениях, например о коррупции, дело может дойти до уголовного преследования, вплоть до лишения свободы. Помимо этого, возможна и гражданская ответственность — особенно в случаях, когда действия сотрудника нанесли ущерб гражданам или государству.

Однако правовые последствия — это лишь одна сторона медали. Не стоит забывать и о моральной стороне вопроса. В современном обществе сотрудники полиции играют важнейшую роль — они обеспечивают безопасность и порядок. Но если кто-то из них злоупотребляет своей властью, превышает полномочия или занимается коррупцией, это вызывает не только юридические, но и серьёзные этические вопросы, отражающиеся как на самой системе, так и на гражданах.

Прежде всего, такие поступки бьют по самому важному — доверию общества. Люди перестают верить в справедливость и честность правоохранителей, особенно если сами столкнулись с несправедливостью. В итоге граждане начинают избегать контакта с полицией: не сообщают о преступлениях, не хотят помогать в расследованиях. Это снижает эффективность работы органов, а иногда даже способствует росту преступности и общего напряжения в обществе. Начинает действовать замкнутый круг: недоверие порождает отчуждение, а оно, в свою очередь, только усиливает недоверие.

К тому же проступки отдельных сотрудников бросают тень на всю систему. В глазах общества все полицейские начинают казаться нечестными или некомпетентными. Это удар по имиджу профессии в целом. Молодёжь теряет интерес к службе в органах, а значит, в будущем может возникнуть нехватка квалифицированных кадров. Те же, кто изначально пришёл работать честно и по совести, могут разочароваться и уйти, не желая ассоциироваться с запятнанной репутацией. Такая ситуация только усугубляет кадровую и имиджевую проблему правоохранительной системы [4, с. 158].

Этические нарушения внутри правоохранительных органов — это не только вопрос морали, но и серьёзный внутренний вызов для всей системы. Когда кто-то из сотрудников позволяет себе недопустимое поведение и остается без последствий, это сказывается на всей рабочей атмосфере. Коллеги, наблюдая за этим, могут потерять веру в справедливость и смысл собственных усилий. Постепенно это приводит к падению морального духа, растёт напряжённость, угасает мотивация, а сотрудничество внутри коллектива

начинает разрушаться¹. Недоверие и разобщенность в команде мешают эффективно выполнять служебные задачи. Более того, в такой токсичной среде неизбежно повышается уровень стресса, сотрудники чаще сталкиваются с эмоциональным выгоранием, что негативно влияет на их продуктивность и общее состояние.

Таким образом, последствия этических нарушений выходят далеко за рамки индивидуальных случаев. Они подрывают не только доверие граждан, но и внутреннюю устойчивость самих правоохранительных структур. Чтобы этого избежать, необходима система превентивных мер. Речь идет не только о строгом контроле, но и о просвещении — обучении сотрудников вопросам профессиональной этики, внедрении прозрачных механизмов обратной связи, безопасных путей для сообщения о нарушениях. Только в таком случае можно сохранить высокий уровень профессионализма и восстановить утраченные позиции в глазах общества.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал особую природу службы в органах внутренних дел — это не просто работа, а выполнение задач, напрямую связанных с обеспечением общественного порядка, безопасности и реализации публичных интересов. Поэтому сотрудники полиции обладают особым правовым статусом, связанным с высокой степенью ответственности [2, с. 3].

Однако не все понимают серьезность этой ответственности. Довольно часто нарушения совершаются не на службе, а во внерабочее время, что, тем не менее, не делает их менее значимыми. Такие проступки, порочащие честь сотрудника, бросают тень не только на него самого, но и на всю организацию. Они дискредитируют саму идею честной службы в полиции, формируя у общества впечатление, что таких случаев больше, чем на самом деле.

Судебная практика наглядно демонстрирует, насколько серьезными могут быть последствия таких проступков. Сотрудники, уличенные в нарушениях — от коррупции и превышения полномочий до незаконного применения силы — нередко оказываются на скамье подсудимых. И речь идет не только об административной, но и об уголовной ответственности. Некоторые дела становятся прецедентами, служащими напоминанием: закон одинаков для всех, в том числе для тех, кто сам обязан его защищать.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 № 57-КГ19-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вот один из характерных примеров. Полицейский неоднократно передавал крупные суммы денег под проценты, а затем взыскивал полученную прибыль и передавал её третьим лицам [3, с. 43]. Когда его уволили из органов, он попытался оспорить решение в суде, заявив, что увольнение и итоги служебной проверки были незаконными. Однако суд пришёл к иному выводу: в действиях сотрудника усмотрели проступок, порочащий честь представителя ОВД. Эти действия подорвали доверие к его объективности и справедливости, а вместе с тем нанесли ущерб не только его личной репутации, но и авторитету Министерства внутренних дел и всей государственной власти.

Подобные случаи говорят сами за себя. Важно помнить: каждый сотрудник органов внутренних дел — это лицо системы. От его поведения зависит, каким общество увидит всю структуру. А значит, обеспечение этических стандартов — не формальность, а ключ к восстановлению доверия и укреплению правопорядка.

Суд апелляционной инстанции, наоборот, отметил, что факт совершения сотрудником проступка, порочащего честь сотрудника ОВД, не нашел своего подтверждения, обосновывая это тем, что материалы служебной проверки не позволяют расценить проступок в качестве такового. Также в обосновании подчеркивалось: сотрудник ОВД выступал посредником во взаимоотношениях между Б. и третьим лицом, не имея материальной заинтересованности; данные отношения не связаны со служебным положением истца как сотрудника ОВД и носили некоммерческий характер, основывались на личных близких отношениях с Б., что не может расцениваться как действия, несовместимые с дальнейшим прохождением службы. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указывая на неправильное толкование и применение норм материального права¹.

Для снижения числа проступков необходимо ужесточить контроль за деятельностью сотрудников, проводить обучение по вопросам этики и правовых норм, создать анонимные каналы для сообщения о правонарушениях и разработать этические кодексы, которые установят высокие стандарты профессионализма. Эти меры

¹Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 № 57-КГ19-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

помогут повысить доверие к правоохранительным органам и улучшить их репутацию.

С учетом изложенного, по мнению Беляевой Е. Г., проступком, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, целесообразно считать виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел профессионально-этических норм и принципов, добровольно принятых на себя обязательств, ограничений и запретов, правил и требований к служебному поведению, и, тем самым, наносящих ущерб своей репутации и авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти, совершенное как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время [3, с. 88].

С учетом судебной практики, продолжаемой научной дискуссии и выводов, сделанных автором в ходе исследования данной проблемы, представляется, что проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, — это деяние, нарушающее профессионально-этические принципы, нравственные правила поведения сотрудника, как при исполнении служебных обязанностей, так и вне службы, подрывающее деловую репутацию, авторитет органов внутренних дел и противоречащее требованиям, предъявляемым к сотрудникам ОВД, в том числе профессиональной пригодности, независимо от того, предусмотрена ли за такое деяние юридическая ответственность [8, с. 262].

В заключение следует отметить, что правовые и этические последствия порочащих проступков сотрудников органов внутренних дел имеют глубокие и многогранные последствия как для самих правоохранительных органов, так и для общества в целом. Неправомерные действия, такие как коррупция и превышение полномочий, подрывают доверие граждан к полиции, создавая атмосферу недоверия, которая может привести к снижению сотрудничества и увеличению преступности.

С юридической точки зрения, такие проступки могут привести к уголовной ответственности и дисциплинарным мерам, что негативно сказывается на карьере нарушителей и подрывает легитимность всей системы правопорядка. Этические последствия, в свою очередь, связаны с ухудшением имиджа профессии, что может отпугнуть потенциальных кандидатов и снизить моральный дух честных сотрудников.

Как отмечалось выше, для восстановления доверия и повышения профессиональных стандартов необходимо внедрение эффективных механизмов контроля, обучения по этике и создания прозрачных процедур для сообщения о правонарушениях, поскольку именно благодаря таким мерам может быть реализован принцип добросовестности и сохранён морально-нравственный облик сотрудников ОВД. Только через эти меры можно обеспечить, чтобы правоохранительные органы действительно служили интересам общества, поддерживали порядок и безопасность, а также сохраняли высокие стандарты профессионализма.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2019 г. по делу №33-10251/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2019 г. № 33-8271/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

3. Беляева Е. Г. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник УЮИ. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostupok-porochaschiy-chest-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-nekotorye-problemy-pravoprimeritel-noy-praktiki> (дата обращения: 29.04.2025).

4. Елфимова Е. В., Коркин А. В. Административное правонарушение как проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-pravonarushenie-kak-prostupok-porochaschiy-chest-sotrudnika-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 29.04.2025).

5. Корчагина К. А., Пестов Р. А. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел: проблемы в нормативно-правовом регулировании и правоприменении. 2020. № 2(93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostupok-porochaschiy-chest-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-problemy-v-normativno-pravovom-regulirovanii-i-pravoprimerenii> (дата обращения: 29.04.2025).

6. Махаева Л. Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм // Гуманитарные и юридические исследования.

2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-uvolneniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-svyazannye-s-narusheniem-professionalno-eticheskikh-norm> (дата обращения: 29.04.2025).

7. Новикова Ю. А. Нарушение работником норм морали как юридический факт в трудовом праве // Закон и право. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-rabotnikom-norm-morali-kak-yuridicheskiy-fakt-v-trudovom-prave> (дата обращения: 10.05.2025).

8. Равнюшкин А. В. Согласие на примирение с обвиняемым (подсудимым) как проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел // Вестник ВИ МВД России. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-na-primirenie-s-obvinyаемым-podsudimым-kak-prostupok-porochaschiy-chest-sotrudnika-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 29.04.2025).

LEGAL AND ETHICAL CONSEQUENCES OF DEFAMATORY MISCONDUCT FOR LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Balzhinimaeva Aryuna Sayanovna

Ist year master student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
balzhinimaeva0303@mail.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article examines the legal and ethical consequences of misconduct by law enforcement officers, including corruption, abuse of authority, and unethical behavior. The implications for public confidence in law enforcement agencies are discussed, as well as measures needed to improve the situation, such as stricter controls, ethics training, and the creation of anonymous channels for reporting offenses.

Keywords: law enforcement officers, legal consequences, ethical consequences, corruption, abuse of authority, public trust, improvement measures, ethical codes.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ СПОРЫ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ИХ РАЗРЕШЕНИЯ
В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ**

© **Батомункуев Саян Максимович**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

caian@bk.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена исследованию индивидуальных трудовых споров, их законодательной базы и судебной практики разрешения. Рассматриваются проблемы применения трудового законодательства: сроки обращения, порядок представления доказательств и правовая неопределённость. Анализируются категории споров и позиции судов. Выявлены недостатки действующего регулирования — пробелы в регулировании стимулирующих выплат, срочных договоров и подтверждения трудовых отношений. Предлагаются меры по повышению эффективности правозащиты работников: усиление роли инспекций труда, упрощение доступа к юридической помощи и закрепление письменной формы трудовых отношений.

Ключевые слова: индивидуальные трудовые споры, судебная защита, трудовое законодательство, работник, работодатель, увольнение, комиссия по трудовым спорам, права работников.

Актуальность темы индивидуальных трудовых споров в современной России определяется рядом факторов. Во-первых, трудовые отношения представляют собой одну из наиболее распространённых форм социальных взаимодействий, охватывают миллионы граждан, и любые конфликты в этой сфере напрямую затрагивают права и интересы работника как экономически более слабой стороны. Во-вторых, несмотря на наличие системы правовых гарантий,

установленных Конституцией РФ¹ и Трудовым кодексом РФ², на практике сохраняется множество нарушений трудовых прав, что указывает на недостатки существующих механизмов защиты.

Статья направлена на анализ законодательной базы индивидуальных трудовых споров и практики их разрешения в судах общей юрисдикции. Её цель — выявить существующие проблемы в применении трудового законодательства, оценить эффективность механизмов судебной защиты прав работников и предложить пути совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики в сфере индивидуальных трудовых споров.

Процедуры рассмотрения индивидуальных трудовых споров, деятельность комиссий по трудовым спорам и судов часто оказываются неэффективными, устаревшими и сопровождаются правовой неопределённостью, в том числе в части применения сроков давности и разграничения компетенции разных органов. Отсутствие сроков обращения в государственную инспекцию труда и прокуратуру создаёт правовые коллизии и ведёт к формальным отказам в защите прав. Всё это показывает необходимость переосмысления действующего регулирования и разработки решений, направленных на улучшение законодательства и усиление правовой защиты работников.

Х. А. Тхабисимов указывает, что «Конституция РФ, Трудовой кодекс РФ и ГПК РФ формируют нормативную базу индивидуальных трудовых споров. В частности, он отмечает, что именно Пленум Верховного Суда РФ (Постановление от 17.03.2004 № 2) придал конкретику практике их разрешения, обеспечив единообразное применение норм» [10, с. 74]. Т. Э. Ашурова анализирует принципы, лежащие в основе разрешения индивидуальных трудовых споров, и предлагает их закрепить в ТК РФ (например, принцип гласности, доступности, равенства сторон, быстроты и объективности рассмотрения). Сходные принципы реализованы и в международных актах МОТ, и в правовых порядках других стран (КНР, Украина) [2, с. 81–85].

¹Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 9. Ст. 851.

²Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 07.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

Индивидуальный трудовой спор — это неурегулированные разногласия между работником и работодателем по вопросам применения трудового законодательства, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта или трудового договора, переданные на рассмотрение в орган по разрешению индивидуальных трудовых споров (ст. 381 ТК РФ). Индивидуальные трудовые споры возникают между работником и работодателем и касаются личных трудовых прав: увольнение, оплата труда, отпуск. Коллективные споры возникают между группой работников или их представителями и работодателем и связаны с интересами коллектива — условиями труда, заключением или изменением коллективного договора. Индивидуальные споры рассматриваются в комиссиях по трудовым спорам или судах, коллективные — через переговоры, посредничество, трудовой арбитраж, при необходимости может быть объявлена забастовка. Индивидуальные споры регулируются главой 60 Трудового кодекса РФ, коллективные — главой 61. Решение по индивидуальному спору затрагивает одного работника, по коллективному — весь трудовой коллектив. В индивидуальном трудовом споре участвуют работник, работодатель, орган, уполномоченный на разрешение спора — комиссия по трудовым спорам или суд. Работник — физическое лицо, которое состоит или состояло в трудовых отношениях. Работодатель — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, с которым есть трудовой договор.

М. А. Драчук указывает, что «суды при рассмотрении индивидуальных трудовых споров переносят обязанность доказывания правомерности увольнения или дисциплинарного взыскания на работодателя, в то время как работник должен подтвердить сам факт трудовых отношений. Это согласуется со статьёй 56 ГПК РФ» [3, с. 128–129].

Индивидуальные трудовые споры регулируются главой 60 Трудового кодекса Российской Федерации, статьями с 381 по 397. Статья 381 содержит определение индивидуального трудового спора. Статья 382 устанавливает органы, рассматривающие споры — комиссия по трудовым спорам и суд. Статья 383 определяет категории работников, которые вправе обратиться в суд без предварительного рассмотрения спора в комиссии. Статья 384 регламентирует порядок создания комиссии по трудовым спорам. Статья 385 устанавливает срок подачи заявления в комиссию — три месяца с момента,

когда работник узнал о нарушении своего права. Статья 386 определяет порядок подачи заявления, статья 387 — порядок рассмотрения. Статья 388 устанавливает предельный срок принятия решения — десять календарных дней. Статья 389 определяет возможность обжалования решения комиссии. Статьи 390, 391, 392 регламентируют обращение в суд, сроки и содержание исков. Статья 392 предусматривает месячный срок для подачи иска по спорам об увольнении. Статьи 393–397 регулируют судебное разбирательство, исполнение решений и вопросы компенсации морального вреда.

Т. В. Рязанцева и др. отмечают, что реальная роль КТС в современной практике снижается из-за права работника обращаться напрямую в суд, минуя комиссию. Это вызывает сомнение в целесообразности существования КТС как обязательного этапа в ряде категорий дел. Н. С. Толкачев анализирует природу сроков, установленных статьёй 392 ТК РФ, и указывает на полярные позиции в науке: часть авторов считает их сроками исковой давности, другая — процессуальными сроками. Кроме того, он критикует предложения о введении сроков обращения в инспекцию труда и прокуратуру, считая это неэффективным и юридически противоречивым [8, с. 129–130]. К. Л. Томашевский обращается к научному наследию С. С. Алексеева и показывает, как его идеи повлияли на формирование подотраслей трудового права (включая индивидуальное трудовое право), а также на осмысление принципов, таких как свобода труда, социальная справедливость и приоритет прав человека. Он призывает учитывать данные подходы при дальнейшем развитии законодательства [9, с. 105–107].

К судебному порядку разрешения индивидуальных трудовых споров применяются положения главы 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹. Статья 37 Конституции Российской Федерации закрепляет право на труд, статья 46 — право на судебную защиту нарушенных трудовых прав.

Основаниями возникновения индивидуального трудового спора являются разногласия между работником и работодателем по вопросам нарушения норм трудового законодательства, иных правовых актов, содержащих нормы трудового права, условий трудового

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): часть первая: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; (в ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

договора, коллективного договора, соглашений или локальных нормативных актов. Это установлено в статье 381 Трудового кодекса Российской Федерации¹. Поводом для спора служит действие или бездействие одной из сторон, которое нарушает трудовые права другой стороны. Основания: незаконное увольнение, отказ в приеме на работу, неполная или несвоевременная выплата заработной платы, отказ в предоставлении отпуска, изменение условий труда без согласия работника, требование о возмещении материального ущерба. Споры рассматриваются по правилам главы 60 Трудового кодекса Российской Федерации — статьи с 381 по 397. В статье 382 указаны органы, рассматривающие споры: комиссия по трудовым спорам и суд. Статья 392 определяет сроки обращения в суд. Отказ работодателя удовлетворить законные требования работника или отсутствие реакции на них также образует правовую основу для спора.

Индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссией по трудовым спорам или судом. Согласно статье 382 Трудового кодекса Российской Федерации, комиссии по трудовым спорам создаются на предприятиях по инициативе работников и работодателя на паритетной основе, суд рассматривает споры, если работник обращается напрямую или не согласен с решением комиссии. Обращение в комиссию обязательно не для всех категорий споров. Споры об увольнении, дискриминации, компенсации морального вреда и вреда здоровью рассматриваются исключительно в судебном порядке (статья 391 ТК РФ). Досудебный порядок в виде обращения в комиссию обязателен только по спорам, которые не отнесены законом к компетенции суда напрямую.

Исковое заявление подаётся в суд по правилам главы 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Оно составляется в письменной форме и должно содержать сведения, указанные в статье 131 ГПК РФ, подтверждаться доказательствами в соответствии со статьёй 132 ГПК РФ. Подсудность определяется по выбору истца: по месту нахождения ответчика, по месту исполнения трудового договора либо по месту жительства истца (статья 29 ГПК РФ). Срок обращения в суд по спорам об увольнении — один

¹Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 07.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

месяц, по остальным трудовым спорам — три месяца (статья 392 ТК РФ). Исключение составляют индивидуальные трудовые споры о невыплате или неполной выплате заработной платы и других причитающихся работнику выплат, для таких индивидуальных трудовых споров установлен срок обращения в суд: в течение одного года со дня установленного срока выплаты.

Судебное разбирательство проводится в порядке искового производства, в соответствии с правилами главы 13 ГПК РФ. Дела рассматриваются в течение одного месяца с момента поступления заявления, если они связаны с восстановлением на работе (статья 154 ГПК РФ). Решение суда о восстановлении на работе и выплате заработной платы подлежит немедленному исполнению (статья 211 ГПК РФ).

В трудовых спорах обязанность доказывания чаще всего возлагается на работодателя. Согласно статье 56 ГПК РФ и позиции Верховного Суда РФ, работодатель обязан доказать законность увольнения или дисциплинарного взыскания. Работник должен подтвердить факт трудовых отношений и обстоятельства нарушения своих прав. Суд вправе истребовать доказательства по собственной инициативе, если это необходимо для установления истины по делу. Частыми категориями трудовых споров являются: незаконное увольнение, невыплата заработной платы, восстановление на работе, установление трудовых отношений при отсутствии трудового договора и отказ в приеме на работу. При рассмотрении споров суды возлагают обязанность доказывания законности действий на работодателя, обеспечивают немедленное исполнение решений о восстановлении и выплате зарплаты и допускают компенсацию морального вреда за нарушение трудовых прав.

Анализ судебных дел по индивидуальным трудовым спорам позволяет установить практические подходы судов при разрешении конфликтов между работниками и работодателями. Так, в деле № 2-3637/2018 К. А. В. против МУП «КТТУ» Центральный районный суд г. Краснодара признал увольнение по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ правомерным, установив наличие дисциплинарных взысканий и соблюдение установленной процедуры¹. В деле № 2-4673/2019 Кюрдян А. А. против ОАО «Центр «Омега» Железнодорожный район-

¹Решение Первомайского районного суда от 13.02.2018 года по делу № 2-470/2018. URL: <https://pervomaisky--krd.sudrf.ru>.

ный суд г. Ростова-на-Дону признал увольнение в связи с неудовлетворительным результатом испытательного срока незаконным, поскольку работодатель не представил доказательств, подтверждающих основания увольнения¹. В деле № 2-1261/2020 сотрудники филиала ОАО «МРСК Центра» в г. Твери требовали взыскания премий; суд указал на необоснованность лишения премий при отсутствии дисциплинарных взысканий и признал их частью установленной системы оплаты труда². В деле № 2-7324/2019 Романченко В. И. против ЗАО «Транснефть-сервис» суд отказал в иске, установив, что премии носили нерегулярный, разовый характер и не были закреплены в локальных нормативных актах³. В деле № 2-345/2016 Первомайский районный суд г. Новосибирска удовлетворил требование о выплате премии, признав её частью системы оплаты труда, обязательной к выплате при выполнении предусмотренных условий⁴. Суды при разрешении указанных дел руководствовались положениями статей 81, 129, 135, 192, 193, 237 Трудового кодекса Российской Федерации, статьями 55 и 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, правовыми позициями, сформулированными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2⁵. Приведенные решения позволяют обосновать подход судов к квалификации фактических трудовых отношений, оценке правомерности увольнения и порядка выплаты стимулирующих выплат, с учётом норм трудового законодательства и правовых гарантий работника. Работники при защите своих трудовых прав сталкиваются с рядом устойчивых проблем. Отсутствие базовых правовых знаний мешает им правильно оценить ситуацию

¹ Определение Краснодарского краевого суда от 31.03.2014 года по делу № 4г-3128/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-krajs/act-452882199/>.

² Решение Центрального районного суда города Твери от 07.06.2014 года по делу № 2-1640/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyjsud-g-tveri-tverskaya-oblast-s/act-541967552/>.

³ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 03.06.2014 года по делу № 33-11696/2014. URL: <https://kraevoi--krd.sudrf.ru>.

⁴ Решение Первомайского районного суда от 13.02.2018 года по делу № 2-470/2018. URL: <https://pervomaisky--krd.sudrf.ru>.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (в ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 72. 08.04.

и своевременно подать обращение в суд или комиссию по трудовым спорам. Многие не осведомлены о сроках, установленных статьей 392 Трудового кодекса РФ, и не укладываются в установленный период. Во многих организациях применяются гражданско-правовые договоры вместо трудовых, в связи с чем работники вынуждены добиваться признания трудовых отношений через суд.

Недоработки в законодательстве касаются регулирования стимулирующих выплат (статья 135 ТК РФ), правомерности установления испытательного срока (статья 70 ТК РФ), заключения срочных трудовых договоров (статья 59 ТК РФ). Работодатель получает широкую свободу действий, что используется в ущерб правам работника. Несмотря на закреплённую в статье 56 Гражданского процессуального кодекса РФ обязанность работодателя доказывать законность своих действий, суды в ряде случаев перекладывают эту обязанность на работника, в том числе при спорах о невыплате премий. Несовпадение сроков обращения в различные органы (статьи 384, 386, 390, 392 ТК РФ) снижает эффективность защиты прав и создаёт ситуацию правовой неопределённости.

Таким образом, индивидуальные трудовые споры остаются актуальным механизмом защиты прав работников, однако практика их разрешения в судах сталкивается с рядом проблем: неэффективностью досудебных процедур, пробелами в законодательстве, правовой неграмотностью работников и злоупотреблениями со стороны работодателей. Необходимо не только установить обязательность письменной фиксации трудовых отношений, но и ответственность работодателя за отказ в их оформлении. Для улучшения ситуации необходимо совершенствовать нормы Трудового кодекса РФ, усилить роль инспекций труда, упростить доступ к правовой помощи и обеспечить обязательность оформления трудовых отношений.

Литература

1. Ашурова Т. Э. Принципы разрешения индивидуальных трудовых споров в судебной практике и международном праве // Принципы разрешения индивидуальных трудовых споров. 2023. С. 80–86.
2. Драчук М. А. Особенности индивидуальных трудовых споров, рассматриваемых судами, и распределение в них обязанности по доказыванию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 127–134.

3. Рязанцева Т. В. Право на индивидуальные трудовые споры // Территория науки. 2013. № 6. С. 151–157.

4. Толкачёв Н. С. Исковая давность по трудовым спорам во взглядах ученых: дискуссионные предложения по совершенствованию законодательства о труде // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 1. С. 121–130.

5. Томашевский К. Л. Научные идеи С. С. Алексеева и их влияние на систему и принципы трудового права // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19, № 1. С. 100–109.

6. Тхабисимов Х. А. Индивидуальные трудовые споры: законодательные основы и практика их разрешения // Принципы разрешения индивидуальных трудовых споров. 2023. С. 73–79.

INDIVIDUAL LABOR DISPUTES: LEGISLATIVE BASES
AND PRACTICE OF THEIR RESOLUTION IN COURTS
OF GENERAL JURISDICTION

Batomunkuyev Sayan Maksimovich

1st year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
caian@bk.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article examines individual labor disputes, their legal framework, and judicial practices for resolution. It explores challenges in the application of labor legislation, including filing deadlines, evidentiary procedures, and legal ambiguities. The study analyzes categories of disputes and court rulings, identifying gaps in current regulations-particularly concerning incentive payments, fixed-term contracts, and the proof of employment relationships. Measures are proposed to improve the effectiveness of workers' rights protection: strengthening the role of labor inspectorates, simplifying access to legal assistance and securing the written form of labor relations.

Keywords: individual labor disputes, judicial protection, labor legislation, employee, employer, dismissal, labor dispute commission, workers' rights.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© Батуева Арюна Жаргаловна

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

ar.batueva2101@mail.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена некоторым актуальным аспектам правового регулирования труда несовершеннолетних граждан. Автор рассматривает процесс упрощения процедур трудоустройства несовершеннолетних, включая последние изменения в Трудовой кодекс РФ. В статье предлагаются изменения в трудовое законодательство, что решит проблемы, возникающие на практике между работодателем и несовершеннолетним работником. По мнению автора, особое значение приобретает надзор и контроль за соблюдением законодательства в области труда несовершеннолетних работников, как наиболее незащищенной категории населения. Автор отмечает, что необходимо выработать рекомендации по улучшению правового регулирования труда несовершеннолетних в ночное время с целью обеспечения их защиты. В связи с этим автором сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего особенности трудовых отношений с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: трудовые отношения, субъекты трудовых отношений, работники, несовершеннолетние, труд несовершеннолетних, охрана труда, государственные гарантии, трудоустройство, трудовой договор, ночное время.

В России продолжается совершенствование законодательства, регулирующего трудовые отношения с участием несовершеннолетних. Так, Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 259-ФЗ внесены изменения в ст. 63 Трудового кодекса Российской Федера-

ции (далее — ТК РФ), направленные на упрощение порядка трудоустройства лиц, не достигших совершеннолетия. В соответствии с новой редакцией статьи, отменено ранее действовавшее требование об обязательном получении согласия органа опеки и попечительства для заключения трудового договора с несовершеннолетним в возрасте от 14 лет. Теперь для приема на работу несовершеннолетнего, достигшего четырнадцати лет, достаточно получить письменное согласие одного из его родителей или попечителя. Вместе с тем, данное нововведение установило отдельное правило для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в той же возрастной категории: их трудоустройство по-прежнему требует согласия органа опеки и попечительства или его представителя. Важно отметить, что ранее трудовое законодательство не содержало норм, регулирующих трудоустройство именно этой группы подростков [2, с. 9].

Внесенные поправки способствуют снижению бюрократической нагрузки и оптимизации процесса трудоустройства как для самих несовершеннолетних соискателей, так и для потенциальных работодателей. Указанные нововведения, с одной стороны, призваны облегчить процесс оформления на работу несовершеннолетних в возрасте от 14 лет, а с другой — гарантировать соблюдение их прав. Важно отметить, что это не финальная точка в развитии данной области. Учитывая поручение Президента РФ В. В. Путина Правительству РФ и Агентству стратегических инициатив о разработке комплекса мер, направленных на поддержку работодателей и стимулирование трудоустройства несовершеннолетних [6], можно ожидать дальнейших изменений в трудовом законодательстве.

Глава 42 ТК РФ устанавливает ряд льгот для лиц, не достигших совершеннолетия. В частности, законодательно закреплены: сокращенное рабочее время (ст. 92 ТК РФ), приоритетное право на ежегодный оплачиваемый отпуск (ст. 267 ТК РФ), а также ограничение на привлечение к работам, которые могут нанести вред их здоровью или нравственному развитию (ст. 265 ТК РФ). Однако, принимая на работу несовершеннолетнего, работодатель должен учитывать, что его производительность труда может быть ниже, чем у взрослого сотрудника. Это, в сочетании с необходимостью соблюдения всех предусмотренных законом льгот и ограничений, может создавать дополнительную финансовую нагрузку на предприятие.

Представляется, что стимулирование трудоустройства несовершеннолетних возможно через предоставление работодателям налоговых и социальных льгот. Речь идёт о снижении ставки НДФЛ и компенсации затрат на обязательные медицинские осмотры. Такие меры уменьшат финансовое бремя нанимателей, сделав привлечение подростков к работе более выгодным.

Так, основной причиной, по которой работодатели проявляют осторожность при найме несовершеннолетних, является законодательно закреплённая сложность процедуры прекращения трудового договора. В ситуации, когда принятый на работу несовершеннолетний не обладает необходимыми трудовыми качествами или не справляется с обязанностями, его увольнение представляет собой непростую задачу. Согласно ст. 269 ТК РФ, для такого увольнения требуется обязательное согласование с государственной инспекцией труда и комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. Игнорирование этого требования может повлечь за собой не только восстановление уволенного сотрудника на рабочем месте, но и применение к работодателю мер административной ответственности.

В данной ситуации выявляются две ключевые проблемы. Первая связана с отсутствием законодательно установленного порядка получения согласия на увольнение. Требуется четкое закрепление этой процедуры в нормативных актах. Вторая проблема заключается в длительности процедуры обращения в Государственную инспекцию труда. Рассмотрение заявления работодателя об увольнении занимает тридцать дней с момента регистрации, что создаёт значительные неудобства для работодателя, лишая его возможности оперативно закрыть вакансию и восстановить нормальный рабочий процесс. Решением является законодательное урегулирование процесса увольнения несовершеннолетних, включающее обязательное закрепление порядка получения согласия трудовой инспекции, а также сокращение срока рассмотрения заявления до пятнадцати дней.

Статья 84.1 ТК РФ не содержит положения, обязывающие работодателя информировать органы опеки и законных представителей несовершеннолетнего работника о прекращении с ним трудовых отношений. Это касается как расторжения договора по соглашению сторон или по инициативе самого работника (увольнение по собственному желанию), так и оформления соответствующего приказа. Подобное отсутствие законодательного требования является пробле-

лом в правовом регулировании труда несовершеннолетних. Данное упущение создает серьезные риски нарушения прав несовершеннолетних, поскольку может способствовать фальсификации документов, искажению фактических обстоятельств или игнорированию установленных законом процедур [4, с. 518].

Отметим также, что запрет на ночную работу для несовершеннолетних, закреплённый в ТК РФ (ч. 5 ст. 96), необходимо усилить. Нарушение этого запрета влечёт административную ответственность работодателя, однако этого недостаточно для эффективной защиты прав подростков. Ночная работа крайне негативно влияет на их физическое и психическое здоровье, нарушая режим отдыха и сна.

Поэтому предлагаем дополнить ТК РФ требованием об обязательной отчетности работодателей перед контролирующими органами о количестве и условиях труда несовершеннолетних сотрудников. Такая отчетность обеспечит более строгий контроль и предотвращение нарушений [1, с. 54].

В российском трудовом законодательстве вопрос рабочего времени для детей до 14 лет остается не урегулированным, поскольку официальное трудоустройство в этом возрасте не предусмотрено. Исключение составляют юные таланты, занятые в творческой деятельности. Для них режим труда устанавливается по аналогии с несовершеннолетними 14–16 лет.

В этой связи предлагается дополнить ст. 94 ТК РФ положением о максимальной продолжительности рабочего времени для несовершеннолетних младше 14 лет. При определении этого параметра необходимо учитывать особенности психофизического развития данной возрастной группы, установив меньшую продолжительность рабочего времени, чем для несовершеннолетних 14–16 лет [3, с. 358].

Нарушение трудовых прав несовершеннолетних работодателями проявляется в различных формах. Часто отсутствует письменное оформление трудовых договоров, несмотря на фактическое трудоустройство, подтвержденное договорами с учебными заведениями и заявлениями самих подростков. Компенсация за неиспользованный отпуск при увольнении по окончании срока договора не выплачивается. При работе в каникулярное время нередко не ведутся трудовые книжки, а после производственной практики отсутствуют приказы об увольнении. Законодательство нарушается указанием в договорах разъездного характера работы, установлением 28-дневного отпуска вместо положенных 31 дня, несоблюдением требований к

медицинским осмотрам для лиц младше 21 года, допуском к ночным и сверхурочным работам, а также установлением полного рабочего времени.

Для повышения уровня защиты трудовых прав несовершеннолетних предлагается комплекс мер, направленных на совершенствование существующей системы. Одним из ключевых направлений является необходимость создания более сфокусированного подхода в рамках надзорных органов. В частности, представляется целесообразным учредить в структуре Федеральной инспекции труда специализированное подразделение. Его деятельность будет полностью сосредоточена на вопросах, касающихся трудоустройства и обеспечения безопасности труда несовершеннолетних, что позволит учитывать все специфические особенности работы с этой уязвимой категорией граждан.

Параллельно с организационными изменениями, требуется существенное усиление контрольно-надзорных функций. Необходимо ужесточить контроль за тем, как работодатели соблюдают нормы трудового законодательства в отношении несовершеннолетних. Это напрямую связано с повышением ответственности за любые нарушения, допущенные в данной сфере. Эффективным инструментом для достижения этой цели является введение более строгих мер финансового воздействия. Увеличение штрафных санкций для работодателей, нарушающих права несовершеннолетних при приеме на работу, увольнении или в процессе трудовой деятельности, станет значимым стимулом для соблюдения закона и обеспечит лучшую защиту интересов молодых работников.

Не менее важным аспектом является информационное обеспечение самих несовершеннолетних. Организация регулярных консультаций, в ходе которых им будет предоставлена исчерпывающая информация о трудовых правах, правилах охраны труда и требованиях законодательства, поможет повысить их осведомленность. Это, в свою очередь, даст им возможность более эффективно защищать свои интересы и права в трудовых отношениях [7, с. 211].

В целях защиты прав несовершеннолетних, органы Прокуратуры РФ должны играть активную роль, начиная с ранних стадий выявления нарушений. Эффективный надзор не должен ограничиваться только специализированными проверками, поскольку информация о нарушениях может поступать не только через официальные жалобы, но и в рамках другой работы.

Особую тревогу вызывают виды деятельности, связанные с ночными развлечениями, производством, транспортировкой и продажей алкогольной продукции, игорным бизнесом, а также продажей и изготовлением табачных изделий, включая наркотические и токсичные вещества.

Эффективная защита трудовых прав несовершеннолетних требует от органов прокуратуры не только реагирования на обращения граждан, но и активного применения многоаспектного подхода. Ключевым направлением является организация систематических инспекций на предприятиях и в учреждениях, уделяя особое внимание сферам, где риск использования детского труда наиболее высок, включая общественное питание, обслуживание и строительство.

Таким образом, для оперативного выявления и пресечения нарушений трудовых прав несовершеннолетних необходимо наладить тесное взаимодействие с другими правоохранительными органами. Не менее важной задачей является повышение правовой осведомленности самих несовершеннолетних. Часто несовершеннолетние не знают своих трудовых прав, что препятствует их своевременному обращению за защитой. Проведение регулярных просветительских мероприятий, например, в образовательных учреждениях, может существенно улучшить эту ситуацию [5, с. 487].

Литература

1. Баранова А. Д., Казицкая В. Д. Особенности регулирования труда несовершеннолетних в ночное время // Студенческий триумф: сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 53–55.

2. Бардина Е. А., Вороньжева К. В. Правовое регулирование труда несовершеннолетних // Правовая парадигма государственной молодежной политики: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 8–11.

3. Гимаева Л. Н. Несовершеннолетние, как субъекты трудовых отношений в творческой среде // За права трудящихся! Гражданин как субъект трудового права: реализация и защита прав и законных интересов в условиях современных вызовов: материалы X Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19 декабря 2024 года) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой.

Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. юрид. ун-та им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 355–359.

4. Лилюкова О. С., Доронин М. А. Проблемные аспекты регулирования труда несовершеннолетних граждан // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сборник научных статей XIV Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2024. С. 516–519.

5. Москвин А. О. Прокурорский надзор за исполнением законов о труде несовершеннолетних // Аллея науки. 2024. Т. 2, № 1(88). С. 485–488.

6. Путин поручил разработать льготы за прием на работу молодежи. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2023/64e8de849a7947d355a971eb> (дата обращения: 05.05.2025).

7. Хакунова М. М., Гедуадже Д. Р. Некоторые проблемы охраны труда несовершеннолетних в Республике Адыгея // Социальная работа в современном мире: теория и практика: сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2024. С. 209–212.

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF MINOR LABOR

Batueva Aryuna Zhargalovna

1 year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
ar.batueva2101@mail.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article is devoted to some relevant aspects of the legal regulation of the work of minors. The author examines the process of simplifying the procedures for the employment of minors, including the latest amendments to the Labor Code of the Russian Federation. The article proposes changes to labor legislation that will solve the problems that arise in practice between an employer and a minor employee. According to the author, supervision and

control over compliance with legislation in the field of labor of underage workers, as the most vulnerable category of the population, is of particular importance. The author notes that it is necessary to develop recommendations for improving the legislative regulation of minors' nighttime work in order to ensure their protection and well-being. In this regard, the author has formulated proposals to improve legislation regulating the specifics of labor relations involving minors.

Keywords: labor relations, subjects of labor relations, employees, minors, labor of minors, labor protection, state guarantees, employment, labor contract, night time.

**ЗАЩИТА ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
ПРИ ИЗЪЯТИИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
НУЖД: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

© Гуменюк Полина Сергеевна

студент 3-го курса,

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Российская Федерация, г. Хабаровск

porrkova.24@mail.ru

Научный руководитель:

Попкова Юлия Раимжановна

старший преподаватель,

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Российская Федерация, г. Хабаровск

porrkova.24@mail.ru

В настоящее время вопрос защиты прав собственников земельных участков становится всё более актуальным, это связано не только с развитием городской инфраструктуры, но и заниженной компенсацией убытков и ограниченной возможностью судебной защиты при изъятии участков. Также необходимо уделять особое внимание вопросу справедливости и прозрачности исполнения процедуры изъятия, учитывать соблюдение баланса между частными и публичными интересами. В связи с этим, целью настоящего исследования является нахождение путей совершенствования существующего законодательства, включая уточнение оснований изъятия, повышение гарантий компенсационных выплат и расширение процессуальных прав собственников. Исследование направлено на поиск оптимальных решений защиты прав владельцев земельных участков в условиях усиления государственного регулирования земельных отношений.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, защита прав собственников, государственные и муниципальные нужды, земельное законодательство, компенсация при изъятии, судебная защита, принудительное отчуждение, правовые гарантии, совершенствование законодательства, земельные споры.

На сегодняшний день, вопрос защиты прав владельцев земли при изъятии участков под государственные нужды стал особенно

острым. Многие люди рискуют потерять свою собственность из-за строительства важных для страны объектов — дорог, трубопроводов или других инфраструктурных сооружений. Такие нюансы регулируются основным законом РФ — Конституцией, которая прямо защищает право человека на жильё. В законе доступно сказано: никто не может быть лишён своего жилища против воли, кроме как по решению суда.

Предположим, что изъять можно любой участок, который окажется нужным для общества и государства, то в таком случае собственники таких участков не будут застрахованы от изъятий. Таким образом, необходимо изначально определить области возможного изъятия или определить категории таких участков и сделать данную информацию общедоступной.

В данном контексте государственные или муниципальные нужды определяются как потребности публично-правового образования, связанные с достижением общественно значимых целей. Их удовлетворение требует изъятия имущества из частной собственности, что является обязательным условием. Принудительное изъятие недопустимо, если его основной или единственной целью является извлечение выгоды частными лицами, даже если их деятельность косвенно способствует общественным интересам [2, с. 85–86].

Нарушения прав собственников проявляются в проблемах: занижения размеров компенсационных выплат, отсутствия четких и понятных процедур принятия решений, а также в недостаточной эффективности системы судебной защиты. В связи с этим, возникает потребность в глубоком научном анализе существующей правовой модели изъятия земельных участков, разработке путей её совершенствования.

Закон выделяет три основных способа защиты прав собственников участков: строго определенный перечень субъектов, которые могут осуществлять полномочия по изъятию земельных участков (ст. 56.2 ЗК, ст. п. 3 ст. 279 ГК); нормативное закрепление процедуры изъятия земельного участка (ст. 56.2-56.7 ЗК, п. 5-6 ст. 279 ГК); исчерпывающий перечень оснований изъятий земельных участков для государственных и муниципальных нужд (ст. 49 ЗК)¹. На деле

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 года № 136-ФЗ (в ред. от 20.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

эти меры защиты не всегда работают эффективно, оставляя владельцев недвижимости без реальной возможности отстаивать свои права.

Действующая правовая система устанавливает исчерпывающий перечень оснований для принудительного изъятия земельных участков у собственников в пользу государства.

К числу законных оснований для изъятия земельных участков в пользу государства можно отнести следующие: строительные работы (включая реконструкцию) объектов недвижимости при условии наличия согласованной проектной документации; выполнение международных договорных обязательств; увеличение площади особо охраняемых природных зон; лицензированная добыча полезных ископаемых; а также признание жилого фонда непригодным для эксплуатации с последующим демонтажем.

Закон обязывает власти выбирать землю под государственные или муниципальные стройки только если других вариантов нет (статья 49 Земельного кодекса РФ). Однако, на практике возникают сложности с доказательством, что другие участки действительно не подходят. Сложность в реализации процедуры изъятия земельного участка у правообладателя зачастую возникает за счет конфликта с представителем власти. Собственник может защитить свои права в судебном и досудебном порядке [5, с. 18–19]. Первоначальный способ подходит в случае, если владельцу не удалось добиться соглашения о стоимости, сроках, и других условиях выкупа, или же, если заинтересованное лицо не согласно с изъятием во внесудебном порядке. Необходимо отметить, что второй способ является наиболее выгодным и оптимальным для обеих сторон, так как посредством переговоров возможно достигнуто соглашения, и удовлетворить интересы друг друга.

Вне зависимости от наличия нормативной базы, права собственников земельных участков все же могут нарушаться. Примером служит судебная практика по изъятию земли № 2-1537/2020 2А-1537/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 2А-3781/2019~М-3104/2019. Собственники земельного участка (Знак Т.М., Знак М.М. и ФИО1) оспаривали постановление Администрации Екатеринбурга № 3063 от 17.12.2018 об изъятии их участка (2136 кв.м) и жилого дома для строительства автомобильной дороги местного значения. Основными аргументами стороны послужили следующие факты: изъятие проводится для нужд застройщика (ООО «Эфес»), а не му-

ниципальных нужд, возможность строительства дороги в другом месте, можно изъять только часть участка (777 кв.м), нарушена процедура публичных слушаний [1]. Однако суд принял отрицательное решение, и права собственников были нарушены, тем самым доказывая, что законодательная база нуждается в совершенствовании, и требует определенного вмешательства, так как все чаще стали ущемляться права граждан в земельных правоотношениях.

Главной проблемой остается выплата справедливой компенсации владельцам земельных участков. Когда землю забирают для государственных нужд, люди часто не получают полного возмещения. Существующие методики оценки рыночной стоимости зачастую не учитывают реальные экономические интересы собственников, приводя к существенному занижению размера возмещения. На практике не принимаются во внимание такие важные факторы, как упущенная выгода, цена улучшений земельного участка или вынужденные расходы на переселение. Собственники, как правило, сталкиваются с нарушениями сроков уведомления, формальным подходом к проведению общественных обсуждений, отсутствием реальных альтернатив изъятию [3, с. 33–34.]. Особенно серьезно эта проблема проявляется в случаях изъятия земель в городской черте, где рыночная стоимость может существенно колебаться в зависимости от местоположения.

Действующее правовое регулирование (ст. 49 ЗК РФ, ст. 279-282 ГК РФ) содержит ряд существенных недостатков¹. Прежде всего, вызывает критику неопределенность понятия «публичные нужды», что создает возможность для злоупотреблений. Также стоит учитывать, что под видом нужд для общества реализуются коммерческие проекты, а это противоречит принципу соразмерности ограничения прав собственности. Крайне важно обеспечить прозрачность при изъятии земель для государства. Открытость этого процесса служит ключевой гарантией защиты прав собственников и поддержания равновесия между общественными потребностями и частными интересами.

Существенное значение имеет расширение процессуальных возможностей владельцев. Речь идет о регулировании обязательно-

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ, (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

го досудебного порядка разрешения споров, предусматривающего проведение переговоров с участием независимых лиц [4, с. 362]. Процедура изъятия должна включать обязательные публичные слушания на ранних стадиях планирования проектов с обеспечением реальной возможности для собственников вносить свой голос и влиять на принимаемые решения, отсюда мы понимаем, что требуется пересмотр системы защиты, включая перераспределение бремени доказывания в пользу собственника при оспаривании стоимости и изменение процессуальных сроков для подачи исковых заявлений.

Совершенствование законодательства необходимо лишь для того, чтобы государство могло строить важные объекты, а люди не теряли свое имущество. Безусловно, нормативная база не оставляет этот вопрос в стороне не урегулированным, однако сложности все же возникают.

Земля — это не просто участок с кадастровым номером. Для многих людей это дом, бизнес или наследство, переданное через поколения. Когда государству нужны земли для строительства дорог, больниц или других важных объектов, необходимо прислушиваться к собственникам, а те в свою очередь должны адекватно и справедливо оценивать ситуацию, что необходимо для разрешения общественных споров мирным путем. Для исключения спорных моментов, стоит стремиться к тому, чтобы изъятию подлежало, по возможности, как можно меньше земельных участков непосредственно на этапе планирования проектов по расположению объектов инфраструктуры.

В заключение необходимо отметить, что защита прав собственников при изъятии земель для государственных нужд остаётся проблемной. Несмотря на правовые гарантии, на практике возникают нарушения: несправедливые компенсации, формальность процедур и злоупотребления под видом общественных интересов. Судебная практика подтверждает, что собственники часто не могут отстоять свои права. На данном этапе мы можем чётко определить понятие «публичные нужды», исключив коммерческие интересы, обеспечить прозрачность процедур, включая реальное участие владельцев в обсуждениях, усовершенствовать систему оценки компенсации, учитывая все потери собственников, а также усилить досудебные механизмы урегулирования споров.

Литература

1. Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга № 2-1537/2020 2А-1537/2020 от 17.07.2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eYhgZnZg57du/> (дата обращения: 01.05.2025).

2. Аббасова Е. В., Ерохина Е. В. Проблемы законодательного регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2019. Т. 1, № 1(24). С. 84–89.

3. Булгаков В. В., Гасанова Д. П. Защита прав собственника при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-6. С. 31–34.

4. Денисов С. Ю., Степанов К. А. К вопросу о проблемах защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 360–365.

5. Исакова Н. А. Защита прав собственника при изъятии земельного участка в интересах государства // Современная наука. 2015. № 4. С. 18–19.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF LAND OWNERS WHEN TAKING PLOT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Gumenyuk Polina Sergeevna

3rd year student,

Far Eastern State University of Railway Transport

Russian Federation, Khabarovsk

popkova.24@mail.ru

Popkova Yulia Raimzhanovna

Senior Lecturer,

Far Eastern State University of Railway Transport

Russian Federation, Khabarovsk

popkova.24@mail.ru

Currently, the issue of protecting the rights of land owners is becoming increasingly important, because it is associated not only with the development

of urban infrastructure, but also with understated compensation for losses and limited opportunities for judicial protection when seizing land. It is also necessary to pay special attention to the issue of fairness and transparency in the execution of the seizure procedure, taking into account the balance between private and public interests. In this regard, the purpose of this study is to find ways to improve existing legislation, including clarifying the grounds for seizure, increasing guarantees for compensation payments and expanding the procedural rights of owners. The study is aimed at finding optimal solutions to protect the rights of land owners in the context of increased state regulation of land relations.

Keywords: seizure of land plots, protection of owners' rights, state and municipal needs, land legislation, compensation for seizure, judicial protection, forced alienation, legal guarantees, improvement of legislation, land disputes.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОХРАНЫ ТРУДА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ**

© **Иданов Михаил Васильевич**

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

idanovmisha@mail.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

В статье исследуются проблемы правового регулирования охраны труда в контексте развития нестандартных форм занятости. Анализируются изменения в трудовом законодательстве Российской Федерации, направленные на адаптацию к новым формам трудовых отношений. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности труда при дистанционной работе, временной занятости и работе через цифровые платформы. Рассматриваются проблемы применения традиционных механизмов охраны труда к нестандартным формам занятости. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере охраны труда с учетом современных тенденций развития рынка труда.

Ключевые слова: охрана труда, нестандартные формы занятости, дистанционная работа, платформенная занятость, трудовое законодательство, безопасность труда, цифровизация.

Развитие цифровых технологий и глобальные изменения в экономике привели к значительной трансформации рынка труда и появлению новых форм занятости, которые зачастую не вписываются в традиционные рамки трудовых отношений. Эти изменения ставят перед законодателем и правоприменителями новые задачи в сфере обеспечения охраны труда и защиты прав работников. Актуаль-

ность данной проблематики обусловлена необходимостью адаптации существующих механизмов правового регулирования охраны труда к реалиям современного рынка труда.

Целью настоящего исследования является анализ проблем правового регулирования охраны труда в условиях развития нестандартных форм занятости и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Традиционное понимание охраны труда, закрепленное в статье 209 Трудового кодекса РФ, определяет ее как систему сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающую правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия¹. Однако в условиях развития нестандартных форм занятости возникает вопрос о применимости данного определения и связанных с ним механизмов к новым реалиям трудовых отношений.

Нестандартные формы занятости, к которым можно отнести дистанционную работу, временную занятость, работу через цифровые платформы и другие, характеризуются рядом особенностей, которые затрудняют применение традиционных подходов к охране труда. Среди этих особенностей можно выделить:

1. Отсутствие четко определенного рабочего места;
2. Гибкий график работы;
3. Использование собственного оборудования работника;
4. Сложности в контроле за соблюдением режима труда и отдыха;
5. Размытие границ между рабочим и личным временем.

Законодатель предпринял ряд шагов для адаптации трудового законодательства к новым формам занятости. Так, Федеральным законом от 05.04.2013 № 60-ФЗ в Трудовой кодекс РФ была введена глава 49.1, регулирующая особенности труда дистанционных работников². Впоследствии, в связи с массовым переходом на удаленную работу в период пандемии COVID-19, эти положения были су-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

шественно доработаны Федеральным законом от 08.12.2020 № 407-ФЗ¹.

Новая редакция статьи 312.7 ТК РФ устанавливает, что работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда и охрану труда дистанционных работников в период выполнения ими трудовой функции дистанционно. При этом на работодателя возлагаются следующие обязанности:

1) ознакомление дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем;

2) обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, оказанию первой помощи пострадавшим на производстве, проведение инструктажа по охране труда, стажировки на рабочем месте (для определенных категорий работников) и проверки знания требований охраны труда;

3) расследование и учет несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Однако практика показывает, что реализация этих положений в отношении дистанционных работников сопряжена с рядом трудностей. В частности, возникают вопросы о том, как обеспечить контроль за соблюдением требований охраны труда на дому у работника, как проводить специальную оценку условий труда в таких условиях, каким образом фиксировать и расследовать несчастные случаи, произошедшие во время выполнения трудовых обязанностей вне офиса работодателя.

Еще более сложная ситуация складывается в отношении работников цифровых платформ, статус которых в российском законодательстве до сих пор четко не определен. Такие работники зачастую рассматриваются как самозанятые или индивидуальные предприниматели, что выводит их из-под действия трудового законодательства и лишает многих гарантий в сфере охраны труда [1, с. 99].

Анализ судебной практики показывает, что суды при рассмотрении споров, связанных с охраной труда дистанционных работни-

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8052.

ков и работников платформ, сталкиваются с трудностями в применении норм трудового законодательства. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.09.2019 № 5-КГ19-106 рассматривался вопрос о признании отношений между курьером и агрегатором такси трудовыми. Суд указал на необходимость учета фактических обстоятельств взаимодействия сторон, несмотря на формальное отсутствие трудового договора [5].

Для решения выявленных проблем представляется необходимым внесение ряда изменений в трудовое законодательство:

1. Расширить понятие охраны труда, включив в него аспекты, связанные с обеспечением безопасности при нестандартных формах занятости.

2. Разработать специальные нормы, регулирующие проведение специальной оценки условий труда для дистанционных работников, учитывающие специфику их рабочих мест.

3. Уточнить порядок расследования несчастных случаев, произошедших с дистанционными работниками и работниками платформ.

4. Ввести в законодательство понятие «платформенной занятости» и определить минимальные стандарты охраны труда для таких работников.

5. Разработать механизмы контроля за соблюдением режима труда и отдыха при нестандартных формах занятости, в том числе с использованием цифровых технологий.

6. Предусмотреть особый порядок обучения и инструктажа по охране труда для дистанционных работников и работников платформ.

Важным аспектом совершенствования правового регулирования охраны труда в условиях нестандартных форм занятости является развитие системы социального партнерства. Необходимо стимулировать включение в коллективные договоры и соглашения положений, касающихся обеспечения безопасности труда при дистанционной работе и других нестандартных формах занятости [3, с. 109].

Особое внимание следует уделить вопросам психологической безопасности работников, занятых в нестандартных формах. Длительная изоляция при дистанционной работе, стресс от необходимости постоянного нахождения "на связи" при платформенной занятости могут негативно сказываться на психическом здоровье ра-

ботников. В связи с этим предлагается дополнить статью 209 ТК РФ положением о необходимости учета факторов психологической нагрузки при оценке условий труда.

Важным шагом в направлении совершенствования охраны труда в условиях цифровизации может стать внедрение цифровых инструментов мониторинга состояния здоровья работников и условий их труда. При этом необходимо соблюдать баланс между обеспечением безопасности труда и защитой персональных данных работников [4, с. 4].

В контексте развития платформенной занятости представляется целесообразным рассмотреть возможность введения института «квазиработодателя» — субъекта, который, не являясь формально работодателем, тем не менее несет определенные обязанности по обеспечению безопасности труда лиц, выполняющих работу через его платформу [5, с. 152].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применении искусственного интеллекта и больших данных для прогнозирования и предотвращения производственных рисков. Внедрение таких технологий может существенно повысить эффективность системы охраны труда, однако требует тщательной проработки с точки зрения правового регулирования [6, с. 13].

В заключение следует отметить, что развитие нестандартных форм занятости создает новые вызовы для системы охраны труда, требуя переосмысления традиционных подходов и разработки инновационных решений. Ключевым принципом при совершенствовании законодательства должно стать обеспечение равной защиты всех работников, независимо от формы их занятости. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Существующее правовое регулирование охраны труда не в полной мере учитывает специфику нестандартных форм занятости, что создает риски нарушения прав работников на безопасные условия труда.

2. Необходимо расширить и адаптировать понятийный аппарат трудового законодательства, включив в него определения новых форм занятости и соответствующих им механизмов охраны труда.

3. Требуется разработка специальных норм, регулирующих проведение специальной оценки условий труда, расследование несчастных случаев и обучение по охране труда для работников, занятых в нестандартных формах.

4. Важным направлением совершенствования законодательства является развитие механизмов социального партнерства и коллективно-договорного регулирования в сфере охраны труда при нестандартных формах занятости.

5. Перспективным направлением является внедрение цифровых технологий для мониторинга условий труда и состояния здоровья работников, с учетом необходимости защиты их персональных данных.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность системы охраны труда в условиях развития нестандартных форм занятости и обеспечить адекватную защиту прав работников на безопасные условия труда в современных реалиях рынка труда.

Литература

1. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 98–107.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.09.2019 № 5-КГ19-106 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Черных Н. В. Влияние нетипичных форм занятости на теорию трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 108–117.

4. Куренной А. М. Цифровизация и трудовое право: точки соприкосновения // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 3–6.

5. Лютов Н. Л., Войтковская И. В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 149–159.

6. Филипова И. А. Искусственный интеллект и трудовые отношения: социальные перспективы и тенденции правового регулирования // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 11–14.

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF LABOR PROTECTION
IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT
OF NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT

Idanov Mikhail Vasilievich

2st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
idanovmisha@mail.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article studies the problems of legal regulation of labor protection in the context of the development of non-standard forms of employment. Changes in the labor legislation of the Russian Federation aimed at adaptation to new forms of labor relations are analyzed. Particular attention is paid to the issues of labor safety in remote work, temporary employment and work through digital platforms. The problems of applying traditional labor protection mechanisms to non-standard forms of employment are considered. On the basis of the analysis of legislation and law enforcement practice, proposals for improving the regulatory framework in the field of labor protection are formulated taking into account modern trends in the development of the labor market.

Keywords: labor protection, non-standard forms of employment, remote work, platform employment, labor legislation, labor safety, digitalization.

НЕЗАКОННОЕ УВОЛЬНЕНИЕ РАБОТНИКА

© **Меньшикова Ирина Александровна**

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 8

iriskam90@yanfex.ru

Научный руководитель:

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме незаконных увольнений, акцентируя внимание на сложностях, с которыми сталкиваются работники при отстаивании своих прав в суде. В основе исследования лежит анализ научной литературы и судебной практики, что позволяет продемонстрировать ключевую роль трудового законодательства в защите интересов работника как стороны, нуждающейся в особой правовой защите. Автор отмечает, что прогул одно из наиболее распространенных нарушений трудовой дисциплины. Увольнение — это крайняя мера, и его применение должно быть обоснованным. Отдельное внимание уделяется специфике увольнения работников образовательных учреждений по причине совершения аморальных проступков, появления на работе в состоянии опьянения, а также беременных. В статье представлены рекомендации по совершенствованию законодательства и механизмов судебной защиты, направленные на оперативное восстановление прав незаконно уволенных работников.

Ключевые слова: защита прав работников, трудовые споры, увольнение, восстановление на работе, работодатель, работник, судебная практика, аморальный проступок, недобросовестность, прогул.

Судебная практика по трудовым спорам в Российской Федерации базируется на законодательно закрепленном признании работника экономически менее защищенной стороной, что обусловлено его зависимостью от работодателя. Эта фундаментальная позиция определяет общий подход судов при рассмотрении таких дел. В частности, одним из наиболее актуальных и обширных направлений судебного разбирательства являются споры, связанные с прекращением трудового договора, особенно в случаях, когда работник счи-

тает увольнение незаконным. Подтверждением общей тенденции судебной защиты прав работников служат статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, согласно которым около 88% трудовых дел завершаются удовлетворением исковых требований работников¹.

Расторжение трудового договора по инициативе работодателя, регламентированное ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации² (далее — ТК РФ). Именно ТК РФ зачастую базируется на виновных действиях сотрудника. К таким основаниям относятся: прогулы, появление на работе в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также грубые нарушения правил охраны труда и техники безопасности; виновные действия, связанные с обслуживанием материальных ценностей, включая хищение, умышленное повреждение имущества, установленные приговором суда, а также иные проступки, связанные с виновным поведением работника и служащие основанием для увольнения.

В случае несогласия с увольнением, работник имеет право обратиться в суд. Однако судебная практика по таким делам демонстрирует определенные сложности для истца. Основная проблема заключается в отсутствии у работника полного комплекта документов, подтверждающих соблюдение работодателем всех процедур расследования и привлечения к дисциплинарной ответственности, предшествующих увольнению.

Так, в деле № 2-1593/2023 суд признал неправомерным увольнение сотрудника по пп. «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ (прогул). Истец утверждал, что его увольнение произошло без запроса объяснения и без учёта уважительной причины его отсутствия на работе — амбулаторного лечения. Ответчик, несмотря на утверждения о законности увольнения, не смог предоставить достаточных доказательств. В результате, суд, констатировав нарушение трудового законодательства, восстановил истца в должности и обязал работодателя компенсировать заработную плату за период вынужденного прогула.

¹Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.04.2025).

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

ла, а также моральный вред¹. В другом деле № 2-161/2024 Ф. обратилась в суд с иском заявлением к ООО «Э.», оспаривая законность своего увольнения и требуя восстановления в прежней должности. История трудовых отношений истицы с компанией началась в 2017 году, когда она была принята на должность руководителя отдела продуктового дизайна и бизнес-аналитики. Конфликтная ситуация возникла в 2022 году после предложения работодателя подписать дополнительное соглашение к трудовому договору, расширяющее ее должностные обязанности. Ф. отказалась от подписания, мотивируя свое решение отсутствием предусмотренной компенсации за выполнение дополнительных проектов.

После отказа работодатель предпринял ряд действий, направленных на ограничение ее трудовой деятельности: был прекращен доступ к необходимым рабочим ресурсам, а также она была исключена из корпоративного чата. В ответ на эти действия и задержку выплаты заработной платы, 15 августа 2022 года Ф. приостановила работу, воспользовавшись правом, предоставленным ст. 142 ТК РФ. Тем не менее, в июле 2023 года последовало ее увольнение по основанию, предусмотренному пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ — за прогул.

Рассмотрев обстоятельства дела, суд установил, что процедура увольнения была проведена работодателем с существенными нарушениями. В частности, в приказе об увольнении отсутствовала точная дата предполагаемого прогула, работодатель не затребовал у работника письменные объяснения по факту отсутствия, а также не учел тяжесть совершенного проступка при принятии решения.

На основании выявленных процессуальных нарушений суд признал увольнение Ф. незаконным. В результате судебного решения истица была восстановлена в должности, а с ООО «Э.» взысканы денежные средства в размере среднего заработка за период вынужденного отсутствия на работе, а также компенсация морального вреда².

При разрешении трудовых споров, связанных с увольнением, суды внимательно анализируют доказательства, представленные сторонами. Окончательное решение суд принимает, основываясь на

¹Судебная практика по восстановлению на работе. URL: <https://sudact.ru/practice/po-voosstanovleniyu-na-rabote> (дата обращения: 20.04.2025).

²Судебная практика по восстановлению на работе. URL: <https://sudact.ru/practice/po-voosstanovleniyu-na-rabote> (дата обращения: 20.04.2025).

тщательном рассмотрении этих доказательств с учетом действующего законодательства и всех обстоятельств дела. На работодателя, который выступает ответчиком, возлагается обязанность предоставить доказательства, подтверждающие законность его решения об увольнении.

К основным документам, которые работодатель использует для защиты своей позиции, относятся приказ о прекращении трудового договора, письменные объяснения работника, акты, фиксирующие дисциплинарные нарушения или несоответствие профессиональным требованиям, а также характеристики и служебные записки от непосредственных руководителей и коллег. Суд оценивает эти документы не только по их наличию, но и по убедительности, а также по соответствию нормам трудового законодательства и установленным процедурам. Например, в деле № 2-161/2024 суд отметил, что наличие надлежащим образом оформленных документов имеет существенное значение, и их отсутствие стало решающим фактором при вынесении решения.

С точки зрения работника (истца) в ходе судебного разбирательства рассматриваются условия трудового договора, свидетельские показания коллег, подтверждающие его профессиональные качества и другие важные обстоятельства, а также доказательства, касающиеся соблюдения работодателем законных оснований для увольнения. Например, если работодатель не может предоставить достаточные обоснования своих действий, как это произошло в рассматриваемом выше деле № 2-1593/2023, это часто приводит к признанию увольнения незаконным.

Судебная практика показывает, что иски о восстановлении на работе удовлетворяются, если работодателем была нарушена установленная законом процедура увольнения. Типичным примером может служить ситуация с увольнением педагога по п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, когда причиной расторжения трудового договора послужило совершение аморального проступка, признанного несовместимым с его воспитательной деятельностью. В конкретном случае, это выразилось в физическом насилии над учеником: нанесение удара в область переносицы и укус в предплечье, произошедшие в рабочее время.

В процессе судебного разбирательства выяснилось, что педагог являлся членом профсоюзного комитета. Увольнение члена выборного профсоюзного органа по определенным основаниям требует

обязательного учета мотивированного мнения данного органа. Работодатель это требование проигнорировал, что и послужило основанием для признания увольнения незаконным. Суд акцентировал внимание на несоблюдении установленного порядка увольнения¹.

Дополнительно, при анализе действий педагогического работника, повлекших вред здоровью учащегося, необходимо принимать во внимание факт обращения за медицинской помощью, если такое имело место. Вопросы организации медицинского обслуживания в образовательных учреждениях, включая наличие квалифицированного медицинского персонала, регламентируются соответствующими нормативными актами [2, с. 858].

Защита прав беременных женщин — сложная и неоднозначная область судебной практики. Часто возникают ситуации, когда уволенная сотрудница, скрывшая свою беременность, требует восстановления на работе. Суды, как правило, встают на сторону работницы, признавая увольнение незаконным, даже если оно было по собственному желанию. Это подтверждается, например, Определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2022 года № 88-13409/2022². Суд подчеркнул, что неинформирование работодателя о беременности не является злоупотреблением правом и не лишает работницу защиты, гарантированной ТК РФ. Приоритетным для суда является сам факт беременности, а не сопутствующие обстоятельства.

Трудовые споры, связанные с появлением сотрудников в состоянии опьянения на рабочем месте, рассматриваются судами неоднозначно. Даже наличие потенциально серьезных последствий не всегда является решающим фактором для признания увольнения законным. Показательным примером служит дело № 88-16300/2021, рассмотренное Седьмым кассационным судом общей юрисдикции³. В данном случае суд встал на сторону работника, признав его

¹Апелляционное определение Верховного Суда Республики Бурятия от 24.02.2021 по делу № 33-747/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2022 по делу № 88-13409/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 по делу № 88-16300/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

увольнение неправомерным. Ситуация заключалась в том, что работник был обнаружен в нетрезвом виде на проходной предприятия. Однако суд не счел достаточным основанием для увольнения сам факт нахождения в состоянии опьянения, даже на объекте, представляющем потенциальную опасность. Решающую роль сыграли следующие смягчающие обстоятельства: безупречная трудовая история на протяжении десяти лет, подтвержденная отсутствием дисциплинарных взысканий и наличием благодарности; невозможность доказать факт употребления алкоголя на территории общежития, что исключило применение каких-либо санкций по этому поводу; отсутствие каких-либо негативных последствий, вызванных появлением сотрудника в нетрезвом состоянии; трудное положение работника, уволенного в период пандемии, с учетом наличия у него малолетнего ребенка на иждивении.

В итоге, суд заключил, что работодатель не принял во внимание совокупность этих факторов, что и послужило основанием для признания увольнения незаконным. Это подчеркивает важность учета всех обстоятельств дела при принятии решения об увольнении за появление на работе в состоянии опьянения [3, с. 838].

В современной юридической практике ответственность за доказательство законности увольнения сотрудника возлагается на работодателя. Это связано с тем, что работник считается более уязвимой стороной в трудовых отношениях и может просто заявить о принуждении к увольнению. Многочисленные индивидуальные трудовые споры касаются иска о восстановлении на работе, признания увольнения незаконным, а также требований о выплате заработной платы. В таких случаях работодателю также необходимо подтвердить законность своих действий, будь то изменение зарплаты, невыплата премий или других вознаграждений.

Неправомерное увольнение влечет за собой для работодателя серьезные последствия, включая обязанность оплатить вынужденный прогул в размере среднего заработка и немедленно восстановить работника на его должности. При этом существует риск, что на освобожденное место уже принят другой сотрудник, что создает дополнительные трудности. Исходя из этого, при первом нарушении трудовой дисциплины со стороны работника целесообразно применять менее строгие меры. Увольнение должно рассматриваться как крайняя мера и применяться только в случае систематических нарушений.

Завершение трудовых отношений с сотрудником требует строгого соблюдения установленной процедуры. Несоблюдение этого правила чревато для работодателя судебными разбирательствами, предписанием о восстановлении сотрудника в должности и выплатой материальной компенсации [5, с. 128].

Процедура увольнения включает в себя следующие ключевые этапы: тщательная регистрация фактов невыполнения или ненадлежащего исполнения сотрудником своих трудовых обязанностей, на этом этапе собираются объяснительные записки от работника, а также показания свидетелей; работника извещают о возможности расторжения трудового договора и предоставляют шанс исправить ситуацию; работнику направляется официальное уведомление, содержащее информацию о предстоящем увольнении, с детальным изложением причин и ссылками на соответствующие статьи ТК РФ; проведение внутреннего расследования для обеспечения справедливого и обоснованного решения; издание приказа об увольнении; предоставление работнику оригинала приказа для ознакомления под личную подпись с обязательной выдачей копии документа.

В случае нарушения прав работника в процессе увольнения, наиболее действенным способом защиты является обращение в судебные органы [1, с. 15]. Работник имеет право требовать восстановления на прежнем месте работы, выплаты компенсации за время вынужденного отсутствия на работе, а также возмещения морального ущерба.

Анализ судебных решений по спорам о незаконном прекращении трудового договора демонстрирует устойчивую тенденцию: суды зачастую принимают сторону сотрудника. Особенно это проявляется в ситуациях, когда работодатель не способен представить убедительные аргументы или достаточные доказательства в обоснование законности своих действий.

Таким образом, успешное разрешение споров о незаконном увольнении зависит от трех ключевых факторов: строгого соблюдения трудового законодательства, наличия неоспоримых документальных доказательств и безупречного оформления процедуры увольнения. Анализ судебных решений помогает выявить типичные проблемы работников и позволяет работодателям улучшить внутренние процедуры и документацию, снижая риски конфликтов и судебных разбирательств. Для повышения правовой осведомленности работников и работодателей рекомендуется регулярная публи-

кация обзоров судебной практики на сайте Роструда. Это обеспечит своевременное информирование об изменениях в законодательстве и поможет обеим сторонам трудовых отношений лучше понимать свои права и обязанности [4, с. 25].

Литература

1. Агейчева Н. Н. Судебная защита трудовых прав работников при незаконном увольнении // Актуальные проблемы частного права в условиях модернизации российского общества: материалы научно-практической конференции. Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2022. С. 8–16.

2. Климчук Е. С. Проблемы увольнения лиц, совершивших аморальные проступки // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: материалы 79-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2023 год. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. аграрн. ун-та им. И. Т. Трубилина, 2024. С. 856–858.

3. Кокарева Э. В. Свобода работодателя и границы прав работника. Вопросы современной судебной практики // Эволюция российского права: материалы XXII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. юрид. ун-та им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 831–840.

4. Самойлова В. В., Коростелёва С. А. Актуальные проблемы практики защиты судами прав работников по делам о восстановлении на работе в связи с увольнением по инициативе работодателя // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 3(103). С. 21–25.

5. Усачева Е. Г. Применение увольнения как дисциплинарная мера // Актуальные проблемы развития научных исследований: теоретический и практический взгляд: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2025. С. 127–129.

UNLAWFUL DISMISSAL OF AN EMPLOYEE

Menshikova Irina Alexandrovna

2st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
iriskam90@yanfex.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article is devoted to the current problem of illegal dismissals, focusing on the difficulties that workers face when defending their rights in court. The study is based on an analysis of scientific literature and judicial practice, which allows us to demonstrate the key role of labor legislation in protecting the interests of the employee as a party in need of special legal protection. The author notes that absenteeism is one of the most common violations of labor discipline. Dismissal is a last resort, and its application must be justified. Special attention is paid to the specifics of dismissal of employees of educational institutions due to immoral acts, showing up to work in a state of intoxication, and pregnant women. The article presents recommendations for improving legislation and judicial protection mechanisms aimed at promptly restoring the rights of illegally dismissed workers.

Keywords: protection of workers rights, labor disputes, dismissal, reinstatement, employer, employee, judicial practice, immoral act, bad faith, absenteeism.

**БРАЧНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РОССИИ И КИТАЕ**

© Моксонова Дария Баировна

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

dariamoksi@yandex.ru

В статье проведен сравнительный анализ законодательства Китая и России в сфере регулирования брачных договоров, выявлены основные характеристики и особенности их содержания. Рассматриваются вопросы субъектного состава, допустимых условий заключения и правового статуса участников брачного договора, а также особенности правового регулирования при заключении межгосударственных браков между гражданами России и Китая. Обозначены актуальные дискуссионные вопросы, связанные с формулировками законодательства, и предложены направления дальнейшего развития данной сферы в контексте международных семейных отношений.

Ключевые слова: брачный договор, иностранные граждане, семейное право, Россия, Китай, международное право, имущественные отношения, личные неимущественные отношения.

В условиях глобализации заключение смешанных браков становится инструментом формирования толерантного сознания и установления взаимодополняющих социальных связей. Современная юриспруденция определяет брак как институционализированный правовой акт, оформляющий союз мужчины и женщины.

Явление кросс-культурного супружества, охватывающее такие термины, как «смешанный», «международный» или «межэтнический» брак, подразумевает создание семьи представителями различных этносов.

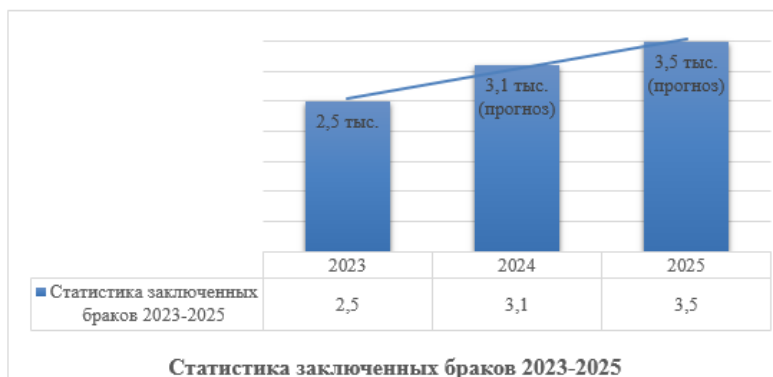
Значимым социальным эффектом российско-китайских брачных союзов выступает трансформация традиционных культурных парадигм, способствующих как взаимной адаптации супругов, так и эффективной социокультурной интеграции населения, что в совокуп-

ности создает предпосылки для улучшения демографической ситуации в стране [1, с. 178].

Институт брачного договора приобретает особую значимость в контексте роста международных браков, осложненных коллизиями юрисдикций. Например, согласно данным Росстата (2023 г.), число браков между гражданами России и Китая за последние три года выросло на 18%, достигнув 2,7 тыс. случаев заключения брака¹. В КНР аналогичный тренд подтверждается статистикой провинции Хэйлуцзян, где 9% браков заключаются с иностранцами².

Анализ ключевых статистических показателей (социально-экономические, демографические, культурные), позволяет сформировать ожидаемую динамику роста: 2024 г., рост на 10–12 % (до 2,8–3,1 тыс.), в 2025 г., стабилизация на уровне 3,2–3,5 тыс. браков при сохранении позитивной экономической и политической конъюнктуры.

Диаграмма 1

Такая тенденция актуализирует вопросы правового регулирования имущественных отношений между супругами. Российское и китайское законодательство имеют принципиальные различия в подходах к брачному договору, отражая конфликт между автономией воли сторон и защитой публичного интереса.

¹ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Москва. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2025).

² Национальное бюро статистики: официальный сайт. Пекин. URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 02.05.2025).

Брачный договор, как инструмент международного частного права, базируется на принципе автономии воли (ст. 3 Гаагской конвенции 1978 г.)¹. В России это выражается в свободе определения имущественного режима (ст. 40–44 Семейного кодекса РФ)², тогда как китайское право подчиняет договор принципу социальной справедливости (ст. 19 Закона КНР о браке)³. Эти различия отражают противоречие между либеральной и коллективистской правовыми традициями стран.

Российское законодательство допускает заключение брачного договора до и после брака, охватывая имущественные вопросы (ст. 42 СК РФ). Обязательное нотариальное удостоверение минимизирует риски недобросовестности. Однако коллизии возникают при применении зарубежного права, а именно при отсутствии общего места жительства применяется право гражданства одного из супругов (ст. 161 СК РФ), что может нивелировать защиту слабой стороны.

Китайские нормы разрешают брачный договор только после регистрации брака, исключая возможность заключения такого договора до брака. Главным акцентом в КНР является принцип «справедливого» распределения имущества, то есть любое отклонение от равенства может стать основанием для аннулирования такого договора (Постановление ВНС КНР № 3, 2011).

Например, в деле Чжан Ли (2023) Верховный народный суд КНР признал недействительным договор, передающий 75% активов мужу, как нарушающий социальную гармонию⁴.

В Китае не предусмотрено требования о нотариальном удостоверении брачного договора, но он должен быть заключен в простой письменной форме и зарегистрирован в органах регистрации брака

¹ Гаагская конвенция о праве, применимом к имущественным режимам супругов: [принята 14 марта 1978 г.]. Ст. 3. URL: <https://www.hcch.net> (дата обращения: 03.05.2025).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

³ Китайская Народная Республика. Законы. О браке: Закон КНР от 10.09.1980 (中华人民共和国婚姻法). Ст. 19. URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 05.10.2025).

⁴ База судебных решений Китайской Народной Республики: электронный ресурс. URL: <https://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 02.05.2025).

(ст. 19 Закона КНР о браке). Также, доминирует право места заключения брака (ст. 24 Закона КНР о МЧП)¹. Таким образом, российский договор, заключенный до брака, не признается в Китае, создавая правовую неопределенность. Различия в правоприменении публичного порядка усугубляют проблему: в России запрещены условия, ущемляющие права (ст. 44 СК РФ), а в КНР — нарушающие «социальную гармонию».

В обеих странах подход к регулированию процесса доказывания добровольности брачного договора различается. В России суд имеет право самостоятельно инициировать почерковедческую экспертизу подписей, а также обстоятельств при которых был заключен договор (ст. 80 ГПК РФ)², тогда как в Китае суд чаще занимает пассивную роль, представляя истцу возможность собственноручно отвечать за предоставление доказательств нарушения, таких как документальные подтверждения, показания свидетелей, или заключение медицинского эксперта (ст. 14 Закона КНР о браке).

Такое различие в подходах к доказыванию подчеркивает основополагающее различие в правовых позициях между рассматриваемыми странами: российская модель ориентирована на активное судебное вмешательство для защиты слабой стороны, тогда как китайская модель, основывается на принципе состязательности, тем самым, минимизирует инициативу суда, что существенно ограничивает возможности доказывания в случаях нарушения автономии роли.

Для решения вышеназванных проблем при заключении брачных договоров в межнациональных браках предложены следующие меры. Одним из ключевых шагов для преодоления различия в правовых системах между Россией и КНР, а также коллизионных противоречий может стать процесс унификации, который предполагает разработку межгосударственного соглашения, учитывающего основополагающие принципы обеих стран. Такое соглашение поможет в

¹ Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям (принят 28.10.2010 на 17 заседании Постоянного комитета 11 Национального Народного Конгресса). URL:

<https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf>. (дата обращения 03.05.2025).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 23.10.2002 (ред. 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

разработке стандартизированного шаблона брачного договора, в котором уже будет включено положение о выборе применимого права.

Например, использования принципа международного частного права — принцип тесной связи (ст. 1210 ГК РФ) для определения права, регулирующего договора¹. В своей работе С. Н. Лебедев и Е. В. Кабатова предполагают, что применение данного принципа может способствовать постепенному отказу от коллизионного подхода при определении применимого права. Такой подход приведет к уменьшению конфликтов интерпретации и гарантирует справедливость в процессе разрешения споров [2, с. 314].

Внедрение в КНР процедуры судебной проверки добровольности заключения брачных договоров, аналогичной российской практике, значительно повысит защиту прав сторон. Стандартизация доказательной базы (например, обязательное аудиовизуальное фиксирование подписания договора) позволит минимизировать сложности с доказыванием.

Создание общей базы судебных решений, доступной для судей и юристов обеих стран, будет способствовать выработке единых критериев оценки и снижению уровня субъективизма в судебной практике.

Кроме того, существует необходимость в разработке образовательных программ для судей и юристов, которые будут затрагивать межкультурные аспекты межнациональных браков. Такие программы помогут лучше понять культурные различия и особенности, что в свою очередь улучшит качество судебных решений.

Подводя итог данной работы, следует сделать вывод, что смешанные браки между гражданами России и Китая сталкиваются с правовыми конфликтами, обусловленными различиями в подходах к регулированию брачных договоров.

Для снижения коллизий, возникающих в связи с такими договорами, необходимо разработать двухсторонние образцы договоров, создать цифровые платформы для проверки условий и внедрить обучение межкультурным аспектам. Это позволит сделать брачный договор инструментом защиты, а не источником споров для пар, стремящимся преодолеть правовые и культурные границы.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

Литература

1. Ван Ся. Современная ситуация общественного управления международных браков жителей в китайско-российских приграничных районах // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 7А. С. 178–182.

2. Лебедев С. Н., Кабатова Е. В. Международное частное право: учебник: в 2 томах. Т. 2: Особенная часть. Москва: Статут, 2015. 764 с.

MARRIAGE CONTRACT BETWEEN FOREIGN CITIZENS: COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATION IN RUSSIA AND CHINA

Mokonova Darya Bairovna

2nd year master,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

dariamoksi@yandex.ru

The article provides a comparative analysis of the legislation of China and Russia in the field of marriage contracts, identifies the main characteristics and features of their content. The issues of the subject composition, permissible conditions for concluding and the legal status of a marriage contract, as well as the features of legal regulation in the conclusion of interstate marriages between citizens of Russia and China are considered. Current controversial issues related to the wording of the legislation are identified, and directions for further development of this area in the context of international family relations are proposed.

Keywords: marriage contract, foreign citizens, family law, protection of rights of the parties, Russia, China, international law, property relations, personal non-property relations.

ТРУДОВОЕ ОТНОШЕНИЕ И ТРУДОВОЙ ДОГОВОР ПО НОВОМУ ЗАКОНУ МОНГОЛИИ «О ТРУДЕ»

© Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Трудовые отношения и трудовой договор занимают центральное место в системе общественных отношений, образующих предмет трудового права. Данная статья посвящена анализу некоторых новелл нового Закона Монголии «О труде» с краткой характеристикой регулирования трудовых отношений и трудового договора.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовой договор, монгольское трудовое законодательство.

На протяжении всего XX в. сравнительное правоведение было сосредоточено на исследованиях романо-германской и англосаксонской правовых систем. XXI век усиленно ищет пути сопоставления азиатского и европейского права. С этой точки зрения отрасль трудового права Монголии, как одна из составляющих правовую систему Монголии, заслуживает своего внимания, что подтверждают последние изменения действующего монгольского трудового законодательства.

К началу XX века в Монголии не существовало ни одного современного правового института. После победы Народной революции в 1921 году в Монголии была постепенно создана новая правовая система, имевшая в качестве образца для подражания правовую систему Союза Советских Социалистических Республик.

На основе Конституции 1940 года в Монголии была создана социалистическая правовая система. В начале 1990-х годов Монголия стала одной из первых азиатских стран, провозгласивших переход от марксистско-ленинской социалистической системы к обществу, основанному на политическом и идеологическом плюрализме и экономической свободе. Смену общественного строя закрепила Конституция 1992 года, основанная на тех же принципах, что и большинство новейших основных законов: демократия, разделение

властей, приоритет прав человека, многообразие форм собственности. Целью Конституции провозглашено построение и развитие в стране гуманного, гражданского, демократического общества. Крупным шагом к правовому государству является усиление в монгольской Конституции правовых, прежде всего судебных, гарантий прав и свобод человека [3, с. 194].

Определенным реформам в Монголии в 1990-е годы подверглось трудовое право, которое адаптировалось к рыночным отношениям при сохранении высокого уровня гарантий трудовых прав. Конституция Монголии в пункте 4 статьи 16 закрепила право на свободный выбор профессии, обеспечение благоприятных условий труда, получение заработной платы, отдых. Закреплен запрет принудительного привлечения к труду кого бы то ни было в обход закона.

До 1 января 2022 года действовал Закон Монголии «О труде», принятый в 1999 году¹. С 1 января 2022 года вступил в законную силу новый Закон Монголии «О труде», принятый 02 июля 2021 года². Этот Закон ввёл в действие определённые новеллы, касающиеся характеристики как трудовых отношений, так и трудового договора с точки зрения монгольского законодателя.

Следует отметить, что не только ученые и законодатели постоянно исследуют вопросы сложившихся отношений по труду и правильной их квалификации, этот вопрос изначально был предметом регулирования на международном уровне, что подтверждает деятельность Международной организации труда (далее по тексту — МОТ), которая ещё 15 июня 2006 года на Генеральной конференции МОТ приняла Рекомендацию № 198 «О трудовом правоотношении». Названную Рекомендацию известный ученый А. М. Куренной отметил, как очень важный и полезный в практическом плане документ, дающий достаточно чёткие ориентиры для определения статуса наемных работников и ориентирующий государства — члены МОТ на необходимость закрепления в своих правовых системах и в правоприменительной практике определенных подходов к простым вопросам, связанным с обеспечением эффективного суще-

¹ Закон Монголии от 14.05.1999 «О труде». URL: <https://mongolnow.com/law6.html>.

² Закон Монголии от 02.07.2021 «О труде». URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/16230709635751>.

ствования трудовых правоотношений [1, с. 27; 2, с. 32]. Как и другие государства, являющиеся членами МОТ, Монголия также осуществляет правовое регулирование трудовых отношений с учетом закрепленных в актах МОТ основных положений в этой сфере. Как и в Российской Федерации монгольский законодатель уделяет значительное внимание совершенствованию действующего трудового законодательства. Что и явилось основанием для изменения ранее действующего Закона Монголии «О труде» 1999 года (далее по тексту — Закон о труде).

Следует отметить, что в статье 1 ранее действовавшего Закона о труде было закреплено, что цель его заключается в регулировании отношений, связанных с установлением, в том числе, основных прав и обязанностей работника, работодателя, участвующих в трудовых отношениях, возникших на основании трудового договора. При этом само понятие «трудовое отношение», в отличие от Трудового кодекса Российской Федерации¹, в названном Законе не закреплено. В статье 3 в пункте 3.1.3 как основной термин, применяемый в этом Законе, закреплено понятие «трудового договора» — соглашение взаимного обязательства между работником и работодателем, по которому работник обязуется выполнить определенную работу согласно внутреннему трудовому распорядку, установленному работодателем в соответствии с законом с одной стороны, и уплате работнику работодателем заработной платы, соответствующей с результатом труда, обеспечении условиями труда, указанными в законодательстве, коллективном договоре, соглашении с другой стороны.

В новом Законе 2021 года в статье 4, посвященной терминам и определениям, используемым в Законе, закреплено, что «трудовые отношения» означают отношения, возникающие по соглашению о взаимных правах и обязанностях, при которых работник выполняет определенные обязанности под руководством и контролем работодателя на рабочем месте по указанию работодателя, а работодатель выплачивает заработную плату и обеспечивает работнику другие условия труда.

Особенностью Закона Монголии 2021 года является закрепление запрета на применение обеспечения в трудовых отношениях.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 07.04.2025). URL: [http: www/consultant.ru](http://www.consultant.ru).

Согласно содержанию статьи 10 работодателю запрещается принимать и требовать от кандидата и работника в качестве обеспечения деньги, вещи и личные документы в оригиналах, таких как национальное удостоверение личности, заграничный паспорт, свидетельства об образовании и профессии, а также свидетельства о недвижимом и движимом имуществе.

Ещё одной особенностью названного Закона является закрепление в статье 11 запрета на несправедливость в сфере труда и трудовых отношений со стороны работодателя, выражающейся в недобросовестных действиях и бездействии, таких как: воспрепятствование осуществлению права работника на свободу собраний, свободу мнения и его выражения, свободу слова, вмешательство в деятельность организации, представляющей и защищающей права и законные интересы работника, а также обещания и предоставление финансовой и иной поддержки с этой целью. Работнику и его представителям также запрещены несправедливые трудовые действия и бездействие в сфере занятости и трудовых отношений, выражающиеся в принуждении или убеждении работодателя требованием, которое может привести к дискриминации работников; требовании и получении от работодателя финансовой и иной поддержки при ведении коллективных переговоров и разрешении трудового спора.

Условиями возникновения трудовых отношений названа обязанность работодателя или уполномоченного им представителя до начала трудовых отношений ознакомить лицо, принимаемое на работу, с должностными обязанностями, условиями труда и заработной платой; согласовать с принимаемым на работу лицом должностные обязанности, размер заработной платы и иные условия труда. Трудовые отношения начинаются с момента начала выполнения лицом трудовых обязанностей независимо от факта заключения трудового договора в письменной форме.

Понятие «трудовой договор» определено как взаимное соглашение между работодателем и работником на основе трудовых отношений. При этом работодатель обязан заключить трудовой договор в письменной форме, после подписания выдать один его экземпляр работнику. Законом также предусмотрено, если трудовой договор не заключен в письменной форме по уважительной причине, работодатель обязан оформить его в письменной форме в течение 10 рабочих дней со дня начала работы работника. Лицо, нарушившее это требование, подлежит ответственности, предусмотренной Зако-

ном о правонарушениях. В Законе о труде закреплены следующие виды трудовых договоров: заключаемые на неопределённый срок и срочные трудовые договоры. К категории срочных трудовых договоров отнесены: трудовой договор на работу в качестве ученика; трудовой договор на прохождение стажировки; испытательный трудовой договор (с работающими на испытательном сроке); трудовой договор на выполнение сезонных работ; трудовой договор с работающими на временном рабочем месте; трудовой договор с работающим вместо работника, за которым сохраняется должность; трудовой договор на выполнение работы или обязанностей, ограниченных по срокам из-за финансирования или объёма работы. Также Законом 2021 года предусмотрены такие виды трудового договора, как трудовой договор с особыми условиями; трудовой договор на дому; трудовой договор о дистанционной работе. Подробная характеристика этих видов трудового договора изложена в специальном подразделе, посвящённом видам трудового договора (статьи 62–68).

Законом также закреплено, что в случаях, если работодатель не напомнит об истечении срока таких видов трудового договора, как выполнение сезонных работ; с работающим вместо работника, за которым сохраняется должность; с работающим на временном рабочем месте; по выполнению работы или обязанностей, ограниченных по срокам из-за финансирования или объёма работы, по истечении срока договора и при продолжении работником выполнения работы, договор считается продлённым на срок первоначального срока. При этом Законом предусмотрено, если первоначальный и продлённый сроки договора, заключённого на определённый срок, в общей сложности превышают 2 года, такой договор считается продлённым на неопределённый срок.

Срок испытательного трудового договора при приёме на работу должен составлять не более 3 месяцев и может быть продлён один раз не более чем на 3 месяца по взаимному согласию.

Характеризуя содержание трудового договора по Закону Монголии «О труде» 2021 года, следует отметить, что к основным условиям, которые должны быть предусмотрены в трудовом договоре, указаны: наименование работы и обязанностей в должностной инструкции; место работы; размер заработной платы; условия труда. Стороны могут добавить в трудовой договор такие условия, как время работы и отдыха; порядок предоставления вознаграждения; основания прекращения или расторжения трудового договора; по-

рядок установления трудовой дисциплины и порядок рассмотрения жалоб и иные вопросы, согласованные сторонами. А в качестве дополнительных условий трудового договора по взаимному соглашению сторон Закон допускает также такие условия, как имущественная ответственность и конфиденциальность, обучение или неконкуренция. При этом допускается заключение специального договора по этим условиям в качестве дополнительного к трудовому договору. Вопросы новелл в регулировании изменения, прекращения, расторжения трудового договора требуют своего отдельного исследования, поэтому в данной статье не освещаются, но будут исследованы в следующих научных трудах.

Литература

1. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2016. 256 с.

2. Мурзина Е. А. Сравнительно-правовой анализ регулирования трудовых отношений российским и китайским законодательством // Кадровик. 2018. № 12. С. 31–35.

3. Раднаева Э. Л. Ювенальная уголовная политика и ее особенности в Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 2. Экономика. Право. 2013. С. 194.

EMPLOYMENT RELATIONSHIP AND EMPLOYMENT CONTRACT UNDER THE NEW LAW OF MONGOLIA «ON LABOR»

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
elena.murzina.57@mail.ru

Labor relations and the employment contract occupy a central place in the system of public relations that form the subject of labor law. This article is devoted to the analysis of some novelties of the new Law of Mongolia «On Labor» with a brief description of the regulation of labor relations and the employment contract.

Keywords: labor relations, employment contract, Mongolian labor legislation.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

© **Намсараева Намлана Чингисовна**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

namlana.nam2004@gmail.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В статье анализируется правовой статус брачного договора в России, его определение и проблемы регулирования. Отмечается, что договор, определяющий имущественные права супругов, призван предотвращать конфликты, но страдает от недостаточной правовой определенности и пробелов в законодательстве. Более 30% договоров содержат противоречия закону, а низкая популярность (5% браков в 2021) связана с правовой неграмотностью и стереотипами. Судебная практика выявляет проблемы с разделом имущества и справедливостью условий. Предлагается повышать юридическую грамотность, использовать стандартизированные формы и расширять перечень регулируемых вопросов. Брачный договор, при грамотном оформлении, может быть эффективным инструментом защиты прав, но требует дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: брачный договор, Семейный кодекс РФ, личные отношения, имущественные отношения, семейное право, имущественные права, законодательство, юридическая грамотность, раздел имущества, проблемы регулирования.

Брачный договор — это соглашение между супругами или лицами, намеревающимися вступить в брак, который регулирует их имущественные права и обязанности. Согласно статье 40 Семейного кодекса Российской Федерации: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в

браке и (или) в случае его расторжения»¹. Такое соглашение может быть заключено как до регистрации брака, так и в течение брака. Цель брачного договора заключается в урегулировании имущественных отношений между супругами для предотвращения разногласий в будущем в случае развода. Данный инструмент дает возможность самим определять условия владения, пользования и распоряжения совместным имуществом.

Согласно положениям законодательства России, брачный договор касается только имущественных отношений супругов. Договор не может затрагивать личные неимущественные права, то есть не может ограничивать свободу каждого из супругов и их обязанности и права в отношении детей. Брачный договор должен отвечать требованиям законодательства, быть в письменной форме и заверен нотариусом. Такая регламентация направлена на защиту интересов обеих сторон.

Основное значение брачного договора — это способность обеспечить защиту имущественных интересов сторон. Он помогает укреплению доверия между супругами, и его заключение предусматривает открытое и честное обсуждение финансовых вопросов их совместной жизни. В настоящее время в России стало больше пар, которые перед вступлением в брак обращают внимание на возможность заключения брачного договора [3, с. 418]. Хотя пока в России договор не пользуется большой популярностью, его значение неуклонно растет.

В практике применение брачного договора охватывает множество аспектов, касающихся возможности заранее определить условия раздела имущества, что важно при конфликтных ситуациях. Вместе с тем, судебная практика демонстрирует, что брачные договоры часто признаются недействительными из-за несоответствия их условий законодательным требованиям. Это показывает недостаток юридической грамотности при составлении этих документов и необходимость привлечения специалистов. Нотариус играет ключевую роль в процессе заключения брачного договора. В его обязанности входят: проверка личности сторон, консультирование сторон и проверка состояния недвижимости, указанной в договоре [8, с. 2].

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.04.2025).

Пахомова Н. А. отмечает, что важно выявление ключевых аспектов и трудностей, связанных с брачными контрактами, и разработка стратегий для их устранения, опираясь на анализ международной практики [6, с. 75].

Одной из главных проблем, с которыми сталкиваются супруги при заключении таких договоров, — это неопределенность в законодательстве. Согласно статье 42 Семейного кодекса Российской Федерации, брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами и их права и обязанности в отношении детей¹. Это ограничение ведет к тому, что многие аспекты жизни остаются неурегулированными, что может порождать конфликты и споры. Проблемы правоприменения брачных договоров в России обусловлены недостаточной ясностью норм, регулирующих их содержание и исполнение. Известно, что единой практики по спорам о брачных договорах нет, что приводит к различным решениям по схожим делам. Это создает правовую неопределенность для сторон и снижает доверие к институту брачного договора. Несмотря на то что, как отмечает Кужилина А. А., брачный договор имел свое распространение еще с древности [5, с. 1], современные реалии указывают на то, что значительное число брачных договоров оспаривались, что свидетельствует о трудностях в их реализации.

Еще одной важной проблемой является отсутствие надежной защиты интересов сторон, подписавших брачный договор. В настоящее время законы не обеспечивают необходимых гарантий справедливости и равенства в отношениях между супругами, особенно когда один из них оказывается в сложной ситуации, например, из-за финансовой зависимости. Низкий уровень использования брачных договоров в России, где их заключают только в 5% случаев, говорит о том, что люди не доверяют этому инструменту. Тем не менее, в настоящее время в мире практика заключения брачных договоров набирает все большую популярность. Не осталась в стороне и Россия. В последнее время возросла роль брачных договоров как гаранта закрепления имущественных отношений супругами [2, с. 48].

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

Судебная практика по брачным договорам в России оставляет желать лучшего, так как в 2022 году 15% таких договоров оспаривались в суде. Низкий уровень правовой грамотности, отсутствие традиции и негативное общественное мнение препятствуют популярности таких договоров: в 2021 году 80% браков заключались без них.

Экономические аспекты также влияют на популярность заключения брачного договора. Например, в регионах с высоким уровнем доходов населения брачные договоры заключаются в два раза чаще, чем в областях с низким уровнем доходов, что подтверждается исследованиями. Это связано с большей осведомленностью обеспеченных слоев общества о правовых инструментах и потребностью в защите имущественных интересов. В то же время, в регионах с низким доходом, где преобладают традиционные взгляды, заключение брачных договоров остается редкостью.

Брачные договоры в России становятся всё более популярными, что свидетельствует о растущем интересе к ним. По данным специалистов Федеральной нотариальной палаты, в 2023 году россияне оформили 119,4 тысячи брачных договоров, что на 11% превышает показатели 2022 года. В основном споры связаны с разделом имущества и оценкой справедливости условий договора. Судебные органы внимательно проверяют такие документы на соответствие законодательству, что формирует практику применения закона. Важно учитывать все свои активы и внимательно подходить к условиям договора, чтобы избежать проблем в будущем.

Одним из важных решений, повлиявших на применение брачных договоров, стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 5 ноября 1998 года. В документе разъясняется, какие брачные договоры признаются недействительными в случае, если один из супругов оказывается в крайне неблагоприятном положении. Это постановление предоставило судам четкие указания по оценке условий договоров с точки зрения их соответствия законодательству и принципам добросовестности. Вместе с тем, существует проблема — пробел в законодательстве, выраженный в отсутствии законодательного закрепления цели заключения брачного договора в СК РФ [4, с. 4].

Суды сейчас сталкиваются с трудностями в толковании норм, касающихся брачных договоров. Это связано с недостатками в законодательстве и отсутствием единого подхода. Проблемы возни-

кают, когда нужно определить, насколько свобода договора может сочетаться с обязательными нормами, что добавляет правовой неопределённости. Брак требует особого подхода к толкованию правил. В России растёт интерес к брачным договорам: например, в 2021 году их заключили более 10 тысяч человек. Законодатели работают над улучшением законодательного регулирования отношений в связи с заключением супругами брачного договора, в том числе касающегося воспитания детей. Это может помочь сократить споры и лучше защищать права сторон.

Исследование законодательства и судебной практики показывает, что брачные договоры будут развиваться в сторону большей гибкости и учёта интересов обеих сторон. Они могут стать более разнообразными, охватывая не только имущественные вопросы, но и обеспечивая больше гарантий справедливости. Это поможет укрепить доверие к таким договорам, которые важны для семейных отношений.

Одна из главных проблем с брачными договорами в России заключается в том, что люди плохо понимают, как правильно их составлять и использовать. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, около 70% брачных договоров содержат ошибки из-за недостатка знаний о законодательстве. Эти ошибки могут сделать договор недействительным или менее эффективным. Важно отметить, что «институт брачного договора в России по-прежнему остаётся непривычным, непонятым для большинства граждан. При этом брачный договор является эффективным правовым механизмом, который ставит своей целью мирное и цивилизованное урегулирование отношений супругов при разделе имущества [7, с. 222]. Эта ситуация подчеркивает необходимость улучшения информирования населения о правовых аспектах брачных договоров.

Чтобы брачные договоры работали лучше, нужно:

- Внести поправки в закон о брачном договоре, которые будут касаться личных отношений.
- Создать удобные шаблоны для упрощения процесса заключения договора и повышения юридической грамотности.

Исследование показало, что брачный договор важен, но не все воспринимают его всерьёз из-за недостатка знаний и пробелов в законодательстве. Нужно улучшить законы, информировать людей и сделать юридическую помощь более доступной для защиты интересов супругов. Дальнейшие исследования помогут усовершенство-

вать правовое регулирование и повысить значимость брачного договора.

Литература

1. Александрова М. А., Федорова О. А. Особенности правового режима личного имущества супругов в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. С. 319–333.

2. Бахарева К. Р. Раздел совместно нажитого имущества супругов: актуальные проблемы // Право как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов всероссийской научной конференции (Курск, 1 октября 2020 г.). Курск: Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2020. С. 79–82.

3. Булгакова Н. А. Реализация брачного договора в Российской Федерации: вызовы и препятствия // Образование и право. 2024. № 3. С. 418–420.

4. Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Колмогоров М. В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации // Социология и право. 2021. Т. 13, № 4. С. 73–78.

5. Кужилина А. А. История становления института брачного договора в России и в зарубежных странах // Вестник ТвГУ. Сер. Право. 2014. № 2. С. 161–168.

6. Пахомова Н. А. Брачный договор: российский зарубежный и опыт // Право и управление. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brachnyu-dogovor-rossiyskiy-zarubezhnyy-i-opyt> (дата обращения: 05.05.2025).

7. Рудых С. Д., Суханова Д. А. Проблемы реализации брачного договора в России // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 220–226.

8. Тимкин А. А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения // Имущественные отношения в РФ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-brachnogo-dogovora-v-rossii-problemy-praktiki-pri-meneniya> (дата обращения: 05.05.2025).

PRENUPTIAL AGREEMENT:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Namsaraeva Namlana Chingisovna
2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
namlana.nam2004@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna
Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@mail.ru

The article analyzes the legal status of the marriage contract in Russia, its definition and regulatory issues. It is noted that the contract defining the property rights of the spouses is designed to prevent conflicts, but suffers from insufficient legal certainty and gaps in legislation. More than 30% of contracts contain contradictions to the law, and the low popularity (5% of marriages in 2021) is associated with legal illiteracy and stereotypes. Judicial practice reveals problems with the division of property and the fairness of conditions. It is proposed to improve legal literacy, use standardized forms and expand the list of regulated issues. A marriage contract, if properly executed, can be an effective tool for protecting rights, but requires further improvement of legislation.

Keywords: prenuptial agreement, Family Code of the Russian Federation, personal relations, property relations, family law, property rights, legislation, legal literacy, division of property, regulatory issues.

**ПРОБЛЕМЫ АНОНИМНОСТИ ДОНОРСТВА
ПОЛОВЫХ КЛЕТОК ЧЕЛОВЕКА (ООЦИТОВ, СПЕРМЫ)**

© **Николаева Дари Станиславовна**

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

darinikolaeva08.04@icloud.com

Научный руководитель:

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В данной статье рассматривается сложный и многоаспектный вопрос анонимности донорства половых клеток (ооцитов, спермы), ставший предметом активных дискуссий в контексте развития репродуктивных технологий. Проводится компаративный анализ законодательства России и других стран, выделяются основные аргументы «за» и «против» сохранения анонимности, анализируются правовые и этические аспекты, а также предлагаются возможные направления совершенствования законодательного регулирования в данной сфере. Указанное обуславливает актуальность настоящей статьи.

Ключевые слова: донорство половых клеток, анонимность, репродуктивные технологии, семейное право, компаративный анализ, право ребенка, закон, дети, защита, донор.

Объектом исследования выступают правовые и этические аспекты анонимности донорства. Предметом является нормативно-правовые акты, научная литература на указанную тему.

Цель исследования заключается в выявлении основных проблем, связанных с анонимностью донорства, а также определение возможных путей достижения баланса интересов доноров и детей, рожденных в результате искусственной репродукции.

Репродуктивные технологии, включая донорство половых клеток, расширили возможности для людей, сталкивающихся с про-

блемами бесплодия. Однако, использование донорских клеток порождает ряд сложных вопросов, связанных с правовым и этическим статусом участников репродуктивного процесса. Одним из наиболее острых вопросов является анонимность донорства, то есть сохранение конфиденциальности информации о доноре от реципиентов и рожденного ребенка, и наоборот. Традиционно анонимность донорства считалась необходимой для защиты доноров и обеспечения доступности репродуктивных технологий. Однако в последние годы все больше внимания уделяется правам детей, рожденных в результате донорства, включая их право знать свое происхождение [1, с. 29].

Законодательство о донорстве половых клеток варьируется в разных странах, отражая различные подходы к балансу [5, с. 282]. Можно выделить следующие основные модели:

1. Анонимное донорство: информация о доноре полностью закрыта для реципиентов и детей.

2. Неанонимное донорство (с правом на идентификацию): дети, рожденные в результате донорства, по достижении определенного возраста (16 или 18 лет) имеют право получить информацию о доноре (распространено в Великобритании, Швеции, Нидерландах и др.).

3. Регулирование промежуточной информации: разрешено предоставление реципиентам и детям неидентифицирующей информации о доноре: возраст, образование, профессия, увлечения (Россия, Канада, Дания).

4. Добровольное раскрытие информации: доноры добровольно соглашаются на раскрытие своей информации детям, достигшим определенного возраста (в США).

Правовое регулирование донорства в Российской Федерации

В России в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ в ч. 8 статьи 55 Применение вспомогательных репродуктивных технологий, говорится о том, что при использовании донорских половых клеток и эмбрионов граждане имеют право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.04.2025).

также о его внешних данных. То есть это относится к модели промежуточной информации, где реципиент и ребенок рожденный с помощью донорства не могут знать личные данные донора, но могут знать не идентифицирующую информацию.

Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»¹. Здесь говорится о том, что информация о доноре является врачебной тайной и не подлежит разглашению.

Данный закон и приказ рассматривает как способ защиты доноров и стимул для увеличения количества доноров, однако они вызывают критику сторонников прав детей, которые требуют предоставления каждому информации о своем происхождении.

Аргументы «за» и «против» анонимности донорства половых клеток. Вопрос об анонимности донорства порождает множество споров, в которых сталкиваются различные интересы.

Аргументы в пользу анонимности:

1. Защита доноров от нежелательного вмешательства: анонимность защищает доноров от нежелательного внимания, навязчивости и возможных материальных претензий со стороны детей, рожденных в результате донорства, и их родителей [3, с. 1785].

2. Обеспечение достаточного количества доноров: сохранение анонимности стимулирует донорство, так как позволяет избежать проблем, связанных с раскрытием информации о себе.

3. Упрощение правовых вопросов: анонимность упрощает правовые аспекты, связанные с установлением отцовства/материнства и исключением возможных споров о родительских правах и обязанностях.

Аргументы против анонимности:

1. Право ребенка знать свое происхождение: статья 7 Конвенции ООН о правах ребенка² признает право ребенка знать, насколько это

¹ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

² Конвенция ООН о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.04.2025).

возможно, своих родителей. Анонимность донорства лишает ребенка этой возможности, что может негативно сказаться на его психологическом благополучии.

2. Психологические проблемы: исследования показывают, что дети, рожденные в результате донорства, испытывают потребность в знании своего генетического происхождения. Отсутствие информации о доноре может привести к чувству неудовлетворенности, потере идентичности и проблемам в отношениях с родителями [4, с. 5].

3. Медицинские риски: отсутствие информации о генетическом происхождении может затруднить диагностику и лечение наследственных заболеваний у ребенка.

4. Несоответствие принципам транспарентности: в современном обществе все больше ценится открытость и прозрачность в вопросах, касающихся здоровья и семьи.

Возможные пути решения проблемы и поиск баланса интересов. Поиск оптимального решения проблемы анонимности донорства предполагает учет интересов всех заинтересованных сторон и обеспечение баланса между правом ребенка на знание своего происхождения и правом донора на конфиденциальность. Возможные пути решения:

1. Создание реестра доноров с возможностью доступа для детей по достижении совершеннолетия: Данный реестр должен содержать информацию, необходимую для идентификации донора, но с возможностью для донора отказаться от предоставления контактной информации. Доступ к реестру должны иметь дети, рожденные в результате донорства, по достижении определенного возраста (например, 18 лет).

2. Внедрение системы добровольного раскрытия информации: предоставление донорам возможности добровольно соглашаться на раскрытие своей информации детям, рожденным в результате донорства.

3. Обеспечение доступа к неидентифицирующей информации: предоставление реципиентам и детям, достигшим определенного возраста, максимально подробной неидентифицирующей информации о доноре, такой как образование, профессия, увлечения, интересы.

4. Обязательное консультирование: введение обязательного консультирования для доноров и реципиентов, чтобы они могли осознанно принять решение о донорстве и оценить все возможные последствия.

5. Психологическая поддержка: обеспечение доступа к психологической поддержке для доноров, реципиентов и детей, рожденных в результате донорства.

6. Обеспечение юридической защиты: разработка и внедрение механизмов юридической защиты прав всех участников процесса донорства.

Проблема анонимности донорства половых клеток — сложная этико-правовая дилемма, требующая комплексного подхода и учета интересов всех заинтересованных сторон. Сохранение анонимности может противоречить праву ребенка на знание своего происхождения, однако полная отмена анонимности может негативно повлиять на количество доноров. Необходимо разработать и внедрить правовые механизмы, обеспечивающие баланс между правом ребенка на знание своего происхождения и правом донора на конфиденциальность. Решение данной проблемы требует широкой общественной дискуссии и учета международного опыта.

Литература

1. Малиновская Е. Г. Правовое регулирование суррогатного материнства в РФ и Республике Беларусь // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 29.

2. Пеннингс Г. Право знать свое происхождение: от усыновленных до зачатых от доноров людей // Журнал права и биологических наук. 2017. № 4(3). С. 635–646.

3. Рамболл А. и Адэр В. Право знать в сравнении с правом на неприкосновенность частной жизни: взгляд на потомство от донора // Репродукция человека. 1999. № 14(7). С. 1783–1787.

4. Романовский Г. Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 4–5.

5. Хачатурова А. В. Правовой статус доноров репродуктивного материала // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве: сборник статей. 2019. С. 280–283.

PROBLEMS OF ANONYMITY OF HUMAN GERM CELL DONATION
(OOCYTES, SPERM)

Nikolaeva Dari Stanislavovna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

darinikolaeva08.04@icloud.com.

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@mail.ru

This article examines the complex and multidimensional issue of anonymity of germ cell donation (oocytes, sperm), which has become the subject of active discussions in the context of the development of reproductive technologies. A comparative analysis of the legislation of Russia and other countries is carried out, the main arguments for and against maintaining anonymity are highlighted, legal and ethical aspects are analyzed, and possible directions for improving legislative regulation in this area are proposed. This determines the relevance of this article.

Keywords: germ cell donation, anonymity, reproductive technologies, family law, comparative analysis, child's right, law. children, protection, donor.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

© Храпина Олеся Владимировна

преподаватель,

Российский государственный университет правосудия

Российская Федерация, г. Воронеж

climenko.olesia@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы определения понятия семьи в современном российском законодательстве и возможность легализации данного термина в отраслевом законодательстве. На данный момент существуют различные трактовки рассматриваемого понятия в каждой отрасли права, но, с учетом своего предмета правового регулирования. В работе отражены различные научные подходы к вопросу о законодательном определении понятия «семья» в рамках семейного права. Автор формулирует собственное мнение относительно целесообразности и потребности в унифицированном определении семьи, применимом ко всем отраслям права. Исследуется взаимоотношения между семьей и государством, сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании семейных отношений. Автор приходит к выводу, что принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи направлен на создание гармоничной системы регулирования семейных отношений, способствует установлению разумного соотношения между публичными и частными интересами.

Ключевые слова: современная семья, понятие семьи, семейное законодательство, интерес, частный интерес, публичный интерес, регулирование семейных отношений.

Семья и государство являются ведущими институтами общества, находящиеся в постоянной динамике и взаимодействии. Роль семьи в обществе нельзя сравнить ни с одним другим социальным институтом. Именно в семье формируются основы поведения и нравственные устои каждого члена общества. Современная российская семья — неотъемлемая часть российского общества и все трудности, происходящие в обществе и государстве, не могут не влиять на нее.

Семья — это сложный, многогранный феномен, сотканный из социальных и правовых нитей, чья сущность до сих пор не нашла

четкого отражения в российском законодательстве. По мнению О. С. Иоффе, семья является важной ячейкой общества и государства, которая сочетает в себе общественные и личные интересы [3, с. 170]. В контексте современных межличностных взаимодействий, понятие «семья» используется в разнообразных значениях. Во-первых, семья как социальный институт представляет собой небольшую группу людей, связанных кровными узами или браком, объединенных общим бытом, взаимной ответственностью и поддержкой друг друга. Во-вторых, семья как общественный институт, подразумевает под собой объединение нескольких поколений людей, передающих российские ценности и нормы из одного поколения в следующее. Для нас, семья интересна с правовой точки зрения. С правовой точки зрения, семья представляет собой круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными взаимоотношениями, основанными на юридических правах и обязанностях. Эти связи возникают из брака, кровного родства, усыновления или иных способов принятия детей на воспитание. Иными словами, семья — это союз, скрепленный законом, где члены связаны как личными чувствами и заботой, так и материальными интересами. Основой для такой связи может служить официально зарегистрированный брак, кровное родство между людьми, а также юридически оформленное усыновление или установление опеки над ребенком. В рамках семейных отношений возникают определенные права и обязанности, регулируемые законодательством. Эти права и обязанности могут быть как нематериального характера (например, право на общение и воспитание), так и имущественного (например, право на наследство или алименты).

Понятие «семья» упоминается в многочисленных законодательных актах, включая гражданское, жилищное, налоговое право, однако на данный момент юридическое определение «семьи» отсутствует в законодательстве, что позволяет каждой отрасли права придавать свое значение, в зависимости от предмета регулирования. Т. В. Шершень видит практическую и теоретическую необходимость закрепления в Семейном кодексе РФ определения понятия «семья». Ученый рассуждает, что современное семейное законодательство нуждается в необходимости определения понятия семьи для обеспечения ее стабильности и устойчивости в российском обществе [9, с. 14–17]. В свою очередь, О. В. Романовская полагает, что семья не является субъектом правоотношений в целом, а лишь

лица, указанные в ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ)¹, поэтому целесообразнее закрепить в СК РФ круг лиц, относящихся к членам семьи и наделить их определенными правами, характерными лишь семьям в целом [6, с. 121–133].

Обращаясь к статье 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»², можно сделать вывод, что в рамках жилищного законодательства, к признакам семьи относится наличие родственных отношений или свойства, совместное проживание и ведение общего хозяйства. Однако, нив одном нормативном акте РФ нет определения «свойства», поэтому определить круг лиц по линии свойства представляется невозможным. Возникает вопрос о том, возможно ли определить и применить термин «семья», если не определен круг лиц, относящихся к членам семьи, связанных семейными отношениями? Очевидно, невозможно.

На наш взгляд, вопрос закрепления определения понятия «семья» в СК РФ, которое было бы общеправовым, является острым и требующим детального осмысления, необходимо учесть все аспекты: социально-правовые, национальные, традиционные, религиозные, моральные, нравственные, исторические. Согласимся с позицией авторов, которые видят положительные черты в законодательном определении общеправового понятия российская семья, это должно способствовать созданию более действенного механизма правовой охраны семьи и высокому уровню реализации норм закона правоприменителем [4, с. 124]. Возможно ли сформулировать единое для всех отраслей права определение термина «семья» в рамках современного законодательства? О. Ю. Ильина обоснованно полагает, что легальное определение понятия «семья» отсутствует, поскольку, в праве рассматриваемый термин является юридической фикцией, которая необходима законодателю для обеспечения приоритета публичной власти [2, с. 270–273]. По мнению ученого, невозможно сформулировать единого понятия семьи для всех отраслей права, поскольку предмет семейно-правового регулирования

¹ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 16.

² Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

определяется через членов семьи и необходимости определения «семьи» нет [1, с. 11–12].

В рамках заявленной темы, не будем вдаваться в дискуссию по вопросу необходимости законодательного определения общеправового понятия «семья», а расставим акценты в поиске оптимального взаимодействия семьи (интересов семьи) и государства.

В семейном праве России, государство, обладая публичными полномочиями, всегда обеспечивает защиту интересов общества. Оно выступает в роли регулирующего органа для социальных взаимосвязей, формирующих основу семейного права, но при этом воздерживается от прямого вмешательства в сами семейные отношения. Так, согласно статьи 7 и статьи 38 Конституции Российской Федерации (далее Конституции РФ)¹, государство обеспечивает поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства. Однако, в процессе обеспечения публичных интересов, возможны случаи недопустимого вмешательства государства в сферу частных интересов семьи. Именно в сфере семейного права наиболее чувствительно государственное воздействие, поскольку, связано с элементами человеческого существования, основанного на личных взаимоотношениях и чувствах. Если обратимся к опыту советского периода, то, очевидно, что государство старалось тотально контролировать брачно-семейные отношения, поощряло вмешательство общественных организаций (партия, комсомол) в семейные конфликты. Так, например, у супругов отсутствовала возможность договориться и закрепить «на бумаге» раздел общего имущества супругов. Государство не допускало изменения правового режима. Следствием подобной политики было признание семейного права исключительно публично-правовой отраслью права.

Действующий СК РФ содержит положение о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Категория «кого-либо» не раскрыта, но, полагаем, что законодатель стремился защитить современную семью от любого вмешательства извне: со стороны государства, общества, родственников, иных лиц. Как

¹ Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 12.05.2025).

справедливо замечено А. В. Ульяновым, основной задачей любой правовой системы выступает установление баланса частных и публичных интересов, а идеальная модель представляет связь, когда интересы семьи (частные интересы) доминируют над интересами публичными (интересами общества и государства) [7, с. 1080–1083].

Мы полагаем, что публичный элемент должен применяться в целях защиты слабой стороны семейных отношений (несовершеннолетних детей, нетрудоспособных членов семьи). Семейное право, как наука, призвано найти баланс, где общественное благо и интересы семьи не вступают в конфликт, а, напротив, гармонично дополняют друг друга, создавая прочный фундамент для прогрессивного развития гражданского общества [8, с. 149–161]. Принципы семейного права, отражая баланс частных и публичных интересов, направлены на создание гармоничной системы регулирования семейных отношений, способствующей укреплению семьи, защите прав и интересов ее членов и стабильности общества в целом. Пределами допустимого вмешательства государства в современную семью могут выступать интересы других лиц, общества и государства. Статья 55 Конституции РФ провозглашает, что ограничение прав граждан в семье возможно исключительно в той степени, в которой это необходимо для защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. Защита государством интересов других членов семьи и публичных интересов проявляется, например, в законодательном ограничении содержания брачных соглашений, недопускающим условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Статья 44 Семейного кодекса РФ предусматривает возможность оспаривания брачного договора в суде по инициативе супруга, чьи права нарушены положениями этого договора. Еще одним примером может служить статья 17 СК РФ, которая ставит во главу угла охрану прав и интересов беременных женщин и матерей, осуществляющих вскармливание ребенка. В связи с этим, законодательно ограничивается возможность супруга инициировать бракоразводный процесс в период беременности жены и на протяжении одного года с момента появления на свет их общего ребенка. Таким образом, данная норма права направлена на обеспечение стабильности и защиты материнства и детства, предоставляя женщине дополнительную правовую защиту в уязвимый период ее жизни и жизни ребенка. Указанное ограничение действует в интересах как

матери, нуждающейся в поддержке и стабильности после родов, так и ребенка, которому необходима полноценная семья в первые годы жизни.

Как верно отмечает профессор В.В. Кулаков, семейное право должно быть направлено на обеспечение баланса интересов личности, семьи, общества и государства [5, с. 16–20]. Без гармонизации интересов этих институтов невозможно прогрессивное развитие общества и совершенствование правового регулирования отношений в сфере семьи.

Литература

1. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Институт государства и права РАН. Москва, 2006. 42 с.

2. Ильина О. Ю. Актуальные предпосылки возобновления дискуссии о понятии и признаках семьи как правового института // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1(92). С. 270–273.

3. Иоффе О. Советское гражданское право: курс лекций. Т. 3. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 347 с.

4. Кабанова Ю. С. К вопросу о понятии семьи в современном российском законодательстве // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2(30). С. 124–128.

5. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 16–20.

6. Романовская О. В. «Семейные» объединения граждан в российском праве // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 5. С. 121–133.

7. Ульянов А. В. Баланс частных и публичных интересов как нормативный идеал в системе конституционно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6. С. 1080–1083.

8. Шершень Т. В. Частный и публичный интерес в семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2(4). С. 149–161.

9. Шершень Т. В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

THE MODERN FAMILY AND THE STATE:
A BALANCE OF INTERESTS

Khrapina Olesya Vladimirovna
is a lecturer,
Russian State University of Justice
Russian Federation, Voronezh
climenko.olesia@yandex.ru

The article discusses the problems of defining the concept of family in modern Russian legislation and the possibility of legalizing this term in industry legislation. At the moment, there are different interpretations of the concept in question in each branch of law, but taking into account its subject matter of legal regulation. The author cites various points of view of scientists on the issue of normative consolidation of the concept of family in family legislation. The author's position on the possibility and necessity of introducing a single concept of family for all branches of law is presented. The article examines the relationship between the family and the state, the combination of private and public law principles in the regulation of family relations. The author comes to the conclusion that the principle of the inadmissibility of arbitrary interference by anyone in family affairs is aimed at creating a harmonious system of regulating family relations, promotes the establishment of a reasonable balance between public and private interests.

Keywords: modern family, the concept of family, family law, interest, private interest, public interest, regulation of family relations.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ
В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

© Черепова Виолетта Александровна

студент 3-го курса,

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Российская Федерация, г. Хабаровск

porrkova.24@mail.ru

Научный руководитель:

Попкова Юлия Раимжановна

старший преподаватель,

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Российская Федерация, г. Хабаровск

porrkova.24@mail.ru

В статье анализируются организационно-правовые механизмы вовлечения в оборот неиспользованных земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации. На основе действующего законодательства, включая Земельный кодекс РФ и Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ, рассмотрены процедуры инвентаризации, изъятия и передачи земель в хозяйственный оборот. Особое внимание уделено проблемам, препятствующим эффективному использованию земель, и мерам государственной политики, направленным на их решение. На основе современных исследований предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования и повышению эффективности землеустроительных мероприятий. Автор в статье подчеркивает важность комплексного подхода для обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, неиспользованные земли, оборот земель, правовое регулирование, инвентаризация земель, изъятие земель, государственная поддержка, продовольственная безопасность, землеустройство, земельное законодательство.

Сельскохозяйственные земли в России являются основой аграрного сектора, гарантируя продовольственную безопасность и способствуя устойчивому развитию сельских территорий. Статья 77 Земельного кодекса РФ закрепляет их предназначение для ведения

сельскохозяйственной деятельности, включая выращивание растений, разведение животных и смежные направления. Однако, существенная доля этих земель остается невостребованной, что негативно сказывается на эффективности использования земельного фонда. Данные Минсельхоза РФ за 2023 год показывают, что около 45,8 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий, или 11,9% от их общей площади, не задействованы в производстве. Это подчеркивает важность разработки и усовершенствования правовых механизмов, стимулирующих возвращение этих земель в активное использование.

Ключевым нормативным актом, регулирующим обращение с землями сельскохозяйственного назначения, является Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В законе в статьях 3 и 10 устанавливается порядок владения, пользования и распоряжения земельными участками, включая ограничения для иностранных граждан и правила передачи земли в собственность или аренду [2]. Таким образом, закон создает правовые рамки для решения проблемы неиспользуемых земель, в том числе невостребованных земельных долей, которые могут быть переданы в муниципальную собственность через судебное разбирательство (статья 12.1). Однако, существующие положения нуждаются в доработке для ускорения процесса вовлечения земель в оборот.

Причины неэффективного использования сельскохозяйственных земель кроются как в экономических, так и в природных факторах. К экономическим причинам можно отнести низкую прибыльность сельского хозяйства, высокие затраты на улучшение земель и недостаток инвестиций. Природные факторы включают деградацию почв, зарастание лесом и засоление земель. По данным Россельхознадзора за 2022 год, более 1,2 миллиона гектаров земель заражены сорной и кустарниковой растительностью, что серьезно затрудняет их использование. В связи с этим, требуется применение комплексных мер, направленных на выявление и восстановление таких земель для сельскохозяйственного производства.

Для решения обозначенных проблем законодательство предусматривает проведение инвентаризации земель как одного из ключевых организационных мероприятий. Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 года № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного

назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» подчеркивает значимость систематической инвентаризации для выявления неиспользуемых участков [5]. Как указывают Волков С. Н. и Черкашина Е. В., регулярная инвентаризация позволяет не только оценить состояние земель, но и разработать мероприятия по их возвращению в оборот, включая межевание и рекультивацию [8, с. 5]. Однако, формальный подход к определению неиспользования земель, когда фактически выведенные из оборота участки числятся используемыми, снижает результативность этого механизма.

Помимо инвентаризации, законодательство предусматривает меры ответственности за неэффективное использование земельных участков. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ ввел административные санкции за бездействие в отношении земель в течение трех лет, а также скорректировал процедуру их принудительного изъятия (статья 6 Закона № 101-ФЗ) [3]. В частности, такие участки могут быть изъяты через суд и предложены на публичных торгах. Федеральный закон от 5 декабря 2022 года № 507-ФЗ сократил сроки проведения торгов с шести до четырех месяцев, что способствует ускорению возвращения земель в хозяйственный оборот [4]. Эти изменения свидетельствуют о стремлении государства к повышению действенности правового регулирования.

Особое значение в данном контексте имеют не востребованные земельные доли, возникшие в период приватизации в 1990-х годах. Статья 12.1 Закона № 101-ФЗ позволяет органам местного самоуправления обращаться в судебную инстанцию для признания таких долей собственностью муниципалитета, после чего они могут быть переданы в аренду или собственность сельскохозяйственным организациям без проведения торгов [2]. Однако, как отмечает Буянова Н., длительные судебные разбирательства и трудности в установлении владельцев замедляют процесс вовлечения земель в оборот [7, с. 3]. Упрощение порядка признания долей не востребованными могло бы значительно повысить эффективность этого механизма.

Следующим важным шагом является оптимизация процедур передачи земель в хозяйственный оборот. Согласно пункту 5.1 статьи 10 Закона № 101-ФЗ, земельные участки, перешедшие в муниципальную собственность, могут быть предоставлены сельскохозяйственным организациям или фермерским хозяйствам без торгов,

при условии подачи заявления в течение шести месяцев с момента регистрации права собственности [2]. Эта мера способствует ускорению вовлечения земель в оборот, однако требует дальнейшего расширения для охвата большего числа участников.

Современные исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к решению проблемы неиспользуемых земель. Папаскири Т. В. и соавторы акцентируют внимание на важности землеустроительных мероприятий, таких как межевание, уточнение границ и разработка проектов рекультивации [9, с. 2]. Например, в Псковской области, где значительная часть земель выведена из оборота из-за природных условий, достигнуты положительные результаты благодаря субсидиям на приобретение сельскохозяйственной техники и проведение мелиоративных работ. Эти примеры подтверждают, что сочетание правовых и экономических мер может существенно повысить эффективность использования земельного фонда.

Государственная поддержка играет ключевую роль в стимулировании вовлечения земель в оборот. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1432 предусматривает субсидии производителям сельскохозяйственной техники, что снижает затраты на обработку земель [6]. Однако, как указывается в исследованиях, отсутствие целевых дотаций на рекультивацию и мелиорацию каждого гектара ограничивает масштабы вовлечения земель. Введение таких мер могло бы побудить собственников и арендаторов к более активному использованию земель.

Еще одной проблемой является правовое регулирование земель, заросших древесно-кустарниковой растительностью. Согласно статье 6 Закона № 101-ФЗ, такие земли подлежат изъятию, если их использование не соответствует установленному назначению [2]. Однако в некоторых случаях собственники предпочитают сохранять лесной покров на сельскохозяйственных землях, что требует уточнения критериев их использования. Разработка четких нормативных требований к таким землям могла бы устранить правовую неопределенность и способствовать их возвращению в оборот.

Для повышения эффективности организационно-правовых механизмов необходимо реализовать ряд мер. Во-первых, следует уточнить критерии неиспользования земель, исключив формальный подход к их определению. Во-вторых, целесообразно расширить меры государственной поддержки, включая прямые дотации на ре-

культивацию и мелиорацию. В-третьих, упрощение судебных процедур по признанию неостребованных земельных долей муниципальной собственностью позволит ускорить их передачу в оборот. Эти шаги, в совокупности с усилением землеустроительных мероприятий, создадут условия для более эффективного использования земельного фонда.

В заключение, организационно-правовые механизмы вовлечения неиспользованных земель сельскохозяйственного назначения включают инвентаризацию, изъятие, упрощение процедур передачи и государственную поддержку. Несмотря на достигнутый прогресс, такие как сокращение сроков торгов и уточнение порядка изъятия земель, остаются вызовы, связанные с правовой неопределенностью и недостаточной финансовой поддержкой. Комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, усиление экономических стимулов и развитие землеустроительных мероприятий, позволит минимизировать объем неиспользуемых земель и обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

2. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

3. Федеральный закон от 29.12.2010 № 435-ФЗ (ред. 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

4. Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

5. Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 № 731 (ред. от 24.12.2024) «О Государственной программе эффективного вовле-

чения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

6. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1432 (ред. от 04.11.2023) «Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2025).

7. Буянова Н. Новое в обороте земель сельскохозяйственного назначения. URL: <https://bft.ru> (дата обращения: 01.05.2025).

8. Волков С. Н., Черкашина Е. В. Опыт проведения инвентаризации земель в России: правовые аспекты // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2020. № 1. С. 5–11.

9. Землеустройство как основной механизм ввода в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения / Т. В. Папаскири, Е. П. Ананичева, И. В. Фомкин, Юньлун Пэн // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 1–10.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR INVOLVING UNUSED AGRICULTURAL LANDS IN CIRCULATION

Cherepova Violetta Aleksandrovna

3rd year student,

Far Eastern State University of Railway Transport

Russian Federation, Khabarovsk

popkova.24@mail.ru

Popkova Yulia Raimzhanovna

Senior Lecturer,

Far Eastern State University of Railway Transport

Russian Federation, Khabarovsk

popkova.24@mail.ru

The article analyzes the organizational and legal mechanisms for involving unused agricultural lands in circulation in the Russian Federation. Based on current legislation, including the Land Code of the Russian Federation and Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002, the procedures for land inventory, seizure, and transfer into economic circulation are examined. Special attention is

paid to the problems hindering the effective use of lands and the state policy measures aimed at addressing them. Based on recent studies, recommendations are proposed to improve legal regulation and enhance the efficiency of land management measures. The article emphasizes the importance of a comprehensive approach to ensure food security and sustainable agricultural development.

Keywords: agricultural lands, unused lands, land turnover, legal regulation, land inventory, land seizure, state support, food security, land management, land legislation.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
Бадмаева С. Б. Аргументация в суде	5
Борисова Л. П., Климова А. А. Лицензионные договоры на использование цифрового контента	13
Дондукова И. Ж., Налетова М. М. Применение норм Гражданского кодекса Российской Федерации в выездных налоговых проверках	21
Карпова М. А. Законодательное регулирование исполь- зования высокоавтоматизированных автомобилей в Рос- сии и других странах	29
Корнакова С. А. Альтернативные механизмы разреше- ния потребительских споров в сфере онлайн-торговли: отечественный и зарубежный опыт	40
Лозовская С. В. Стандарты доказывания в российском гражданском процессе: состояние и перспективы развития	48
Лубсанов М. Э. Правовой статус результатов интеллек- туальной деятельности искусственного интеллекта	55
Матвеева А. И., Матвеева А. И. Правовое регулирова- ние и риски майнинга в Российской Федерации	61
Нохорова С. С., Балдаева Р. А. Проблемы соблюдения, продления и восстановления процессуальных сроков в гражданском и арбитражном судопроизводстве	69
Очирова С. П. Управление многоквартирными домами в Российской Федерации: правовой аспект	80
Петрова М. Е. Актуальные проблемы соседского права России	89
Плеханов И. Д., Федоренко К. Ю. Электронные доказа- тельства в гражданском процессе: стандарты допустимо- сти и оценки	97
Панцукова М. М. Правовой статус и регулирование дея- тельности блогеров в России: современные вызовы и пер- спективы	104
Сапуненко И. А. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ	114

Ханзаев Б. Б., Цыренова Ю. С. Некоторые проблемы применения мер по обеспечению иска в гражданском судопроизводстве	124
Янзинов Б. Б., Балдаева Р. А. Договор комплексного развития территорий	132
ТРУДОВОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Базарханова Т. П. Аттестация муниципальных служащих	140
Бальжинимаева А. С. Правовые и этические последствия порочащих проступков для сотрудников органов внутренних дел	147
Батомункуев С. М. Индивидуальные трудовые споры: законодательные основы и практика их разрешения в судах общей юрисдикции	156
Батуева А. Ж. Некоторые аспекты правового регулирования труда несовершеннолетних	165
Гуменюк П. С. Защита прав собственников земельных участков при изъятии для государственных и муниципальных нужд: проблемы и пути совершенствования законодательства	173
Иданов М. В. Совершенствование правового регулирования охраны труда в условиях развития нестандартных форм занятости	180
Меньшикова И. А. Незаконное увольнение работника	187
Моксонова Д. Б. Брачный договор между иностранными гражданами: сравнительный анализ регулирования в России и Китае	196
Мурзина Е. А. Трудовое отношение и трудовой договор по новому закону Монголии «О труде»	202
Намсараева Н. Ч. Брачный договор: проблемы правового регулирования в России	208
Николаева Д. С. Проблемы анонимности донорства половых клеток человека (ооцитов, спермы)	215
Храпина О. В. Современная семья и государство: баланс интересов	221
Черепова В. А. Организационно-правовые механизмы включения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения	228

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИКИ

Материалы всероссийской научно-практической конференции

(Улан-Удэ, 14 мая 2025 г.)

Редактор Р. А. Балдаева

Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 03.07.2025. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 13,83. Уч.-изд. л. 11,61. Заказ 96.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
gio@bsu.ru